

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

**НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Том 17

Выпуск 2

Екатеринбург – 2017

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), чл.-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф.

Заместители главного редактора

Философия, политическая наука: **Виктор МАРТЬЯНОВ**, заместитель директора по научной работе Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.

Право: **Валентина ЭМИХ**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук

Международный редакционный совет

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Хоакин Х. АЛАРКОН**, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Армандо С. ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Ольга МАЛИНОВА**, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Редакционная коллегия

Философия: **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, зав. кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук.

Политическая наука: **Олег ПОДВИНЦЕВ**, зав. отделом политических институтов и процессов Пермского научного центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.

Право: **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, профессор Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. н., проф.; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Учредитель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Издается с 1999 г. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669. Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-29547 от 14 сентября 2007 г.

ISSN 1818-0566 (Print); ISSN 2312-5128 (Online)

Адрес редакции: 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

RESEARCH YEARBOOK
INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Volume 17

Issue 2

Ekaterinburg 2017

Editor-in-chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Deputy Editor-in-chief

Viktor MARTYANOV – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia);

Valentina EMIKH – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

International Editorial Council

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia);

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain);

Armando S. DURAN – University of San Pablo (San Pablo, Spain);

Alexander KOKOTOV – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia);

Vladislav LEKTORSKY – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia);

Mikhail MALYSHEV – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico);

Yuri PIVOVAROV – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Thomas REMINGTON – Emory University (Atlanta, USA);

Cameron ROSS – University of Dundee (Dundee, UK);

Richard SAKWA – University of Kent (Kent, UK);

Saskia SASSEN – Columbia University (New York, USA);

Carole SIGMAN – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Editorial Board

Vladimir DIYEV – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);

Yuri ERSHOV – Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg, Russia);

Elena STEPANOVA – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia);

Elena TRUBINA – Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

Oleg PODVINTSEV – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia);

Olga POPOVA – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);

Sergey POCELUEV – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Olga RUSAKOVA – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Oleg ZAZNAEV – Kazan Federal University (Kazan, Russia);

Mikhail KAZANTSEV – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia);

Sergey KODAN – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia);

Pavel KRASHENINNIKOV – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia);

Natalia FILIPPOVA – Surgut State University (Surgut, Russia).

The journal is recommended by the Russian Ministry of Education and Science for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS; it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Васечко В.Ю.* Владимир Соловьев и его мистерия «Белая Лилия»: история создания, текстология, софиология.....7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Трахтенберг А.Д.* Идеологический концепт электронного правительства: как работает риторика разрыва?41
- Петрова Р.И.* Неформальные взаимодействия элит: практика праймериз «Единой России» в Пермском крае.....59

ПРАВО

- Выдрин И.В., Эмих В.В.* Принцип субсидиарности в организации местного самоуправления в России и Польше71
- Воронецкий П.М.* Некоторые вопросы правового регулирования использования государственных языков в сфере российского образования 100

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- V. Vasechko.** Vladimir Solovyov and his mystery “The White Lily”:
origins, textology, sophiology7

POLITICAL SCIENCE

- A. Trakhtenberg.** E-Governmeht as ideological concept:
how does rupture talk function?.....41
- R. Petrova.** Informal interaction of elites:
primaries of «United Russia»’s practice in Perm region59

LAW

- I. Vydrin, V. Emikh.** Principle of subsidiarity in organization
of self-government in Russia and Poland71
- P. Voronetskii.** Some questions of legal regulation
of official languages’ use in the sphere of Russian education100

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Васечко В.Ю. Владимир Соловьев и его мистерия «Белая Лилия»: история создания, текстология, софиология // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 2, с. 7–40.

УДК 1(091)(470)

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.2.740

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И ЕГО МИСТЕРИЯ «БЕЛАЯ ЛИЛИЯ»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ТЕКСТОЛОГИЯ, СОФИОЛОГИЯ

Вячеслав Юрьевич Васечко

доктор философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела права
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Материал поступил в редколлегию 28.03.2016 г.

В данной статье предпринята попытка концептуального анализа одного из малоисследованных произведений выдающегося русского мыслителя Владимира Соловьева, а именно его пьесы «Белая Лилия», жанр которой сам он определил как «мистерия-шутка». При всей ее кажущейся развлекательности и непритязательности пьеса занимает определенное место в идейной эволюции Соловьева и выражает, пусть и в достаточно упрощенной и популярной форме, некоторые принципиальные моменты его философской системы. Текст мистерии (как печатный, так и черновой ее варианты) рассматривается в трех основных аспектах. Во-первых, выясняются социально-эмпирические обстоятельства ее создания, мотивы, которыми руководствовался автор, обращаясь к новому, необычному для себя литературному жанру. Вместе с этим дается характеристика личности мыслителя, так или иначе репрезентированная в тексте его произведения. Во-вторых, предлагается текстологический анализ,

раскрывающий богатство и разнообразие первоисточников, использованных Соловьевым, а также интерпретация основных мистических символов, фигурирующих в пьесе. Особое внимание уделяется Библии и неканоническим книгам Ветхого Завета, влияние которых на данное произведение ранее его исследователями явно недооценивалось. В третьих, показывается, каким образом представлено в тексте мистерии одно из основных понятий философской системы Соловьева, а именно София («Премудрость Божья»). Применительно к данному произведению исследуются такие атрибуты Софии, как полнота, материализация (духовная телесность), идеальность (трансцендентность), красота, соотношение с эросом. Обосновывается тезис, что София и Пресвятая Дева Мария (Богородица) являются для мыслителя не антиподами, а вполне родственными сущностями, а их схожесть приближается к полному тождеству. В целом предлагается рассматривать «Белую Лилию» как художественное выражение общей мистико-философской концепции автора, в которой земная, повседневная жизнь человека предстает в роли проекции и преходящего модуса высшей трансцендентной реальности.

Ключевые слова: Владимир Соловьев, Белая Лилия, мистика, София, Ветхий Завет, Книга Иова, Книга пророка Исаии, роза, лилия, Богородица.

Классификация, сортировка и маркировка текстов – работа не всегда легкая и благодарная. Один и тот же текст, начиная с предельно коротких изречений и даже отдельных слов и заканчивая документами объемом в сотни страниц и десятки мегабайт, может оказаться объектом интереса очень разных читателей, имеющих весьма различные установки, критерии и вкусы. Если же дело касается специалистов, то здесь почти нормой становятся споры – как междисциплинарные (по поводу раздела «сфер влияния»), так и внутридисциплинарные (на предмет необходимости экспансии в «чужую епархию»). Споры, носящие зачастую отнюдь не содержательный, а сугубо формальный, а то и просто вербальный характер.

Сказанное вполне может характеризовать и взаимоотношения между науками философскими и филологическими. Трехтысячелетняя история письменной культуры дала нам немало произведений, статус которых трудно определить однозначно. Диалоги Платона, письма Сенеки, беседы Эпиктета изучаются историками литературы не менее основательно, чем историками философии, равно как и романы и повести Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Ж.-П. Сартра, А. Камю. Философы, со своей стороны, не меньший интерес проявляют к романам Р. Музиля, Т. Манна, Дж. Джойса, Г. Гессе, У. Эко и др. Не являются исключением отечественные классики: беллетристические, условно говоря, сочинения Достоевского, Льва Толстого, А. Платонова, М. Булгакова (ясно, что перечень можно продолжать) занимают профессиональных философов часто не меньше, чем труды их коллег по цеху. Очевидно, что мысленное разложение личности одного и того же автора (типа: вот тут он – философ, тут – поэт, тут – более или менее богослов, а тут – кто-то четвертый, пятый и т.д.) – операция не только излишне суровая, но и малопродуктивная. Будем исходить из предпосылки, что во всех текстах, принадлежащих перу того или иного сочинителя, репрезентировало и реализовало себя одно и то же Я. Данное Я, естественно, могло (да и должно было!) модифицировать свое самовыражение в зависимости от норм того

дискурса, на который был ориентирован конкретный продукт его интеллектуальной деятельности.

Под данным углом зрения мы и будем рассматривать личность нашего автора и указанное его произведение. Однако сначала отметим, что мистерия-шутка (как определил жанр сам Соловьев) «Белая Лилия, или Сон в ночь на Покрова» не относится к числу текстов, избалованных вниманием читателя. Рядовой пользователь Рунета даже не подозревает, что он принадлежит перу того самого рыцаря экуменизма, предтечи символизма и философа-поэта *Владимира* Соловьева, а не его старшего брата *Всеволода*, писателя *par excellence*, поскольку именно последнему во многих электронных библиотеках (bookre.org, fb2.bookgid.com, modernlib.ru и т.п.) приписывается авторство не только данной пьесы, но заодно и остальных драматических произведений *Владимира Сергеевича*. Конечно, специалисты такого грубого и забавного отождествления двух братьев не допускают. Зато в их работах очевиден разнобой, который не покажется удивительным, если мы примем во внимание квалификацию И. Роднянской: «“Белая Лилия” – быть может, самый парадоксальный из текстов Соловьева, как философских, так и поэтических» [Роднянская 2006: 167].

З.Г. Минц, уничижительно характеризуя дореволюционную работу И.А. Аполлонской-Стравинской [Аполлонская 1914: 64-81], считает, что текст пьесы вряд ли позволяет трактовать ее как произведение с «подлинно мистической идеей» [Минц 1974: 50], смягчая, правда, эту оценку в более поздней статье, где допускает как «мистическую», так и «антимистическую» интерпретацию «Белой Лилии» [Минц 2000b: 419]. Между тем племянник и биограф философа С.М. Соловьев не сомневается в том, что мистика Софии здесь налицо, хотя она переплетена порой с грубыми и циничными шутками [Соловьев С. 1997: 156]. Более ранний биограф, В.Л. Величко, лично знакомый с Соловьевым и дружески к нему расположенный, признает, что к жанру комедии «Белую Лилию» можно отнести только с вопросительным знаком и что юмор и шутка, смешанные с мистицизмом, создают впечатление «странное», «малопонятное», «не вполне гармоничное» [Величко 2000: 277-278]. Наиболее резкую оценку шуточной мистерии Соловьева дает С.Н. Булгаков: «бравярующее выражение астрального флирта», «стихотворный фарс о Софии», «граничащий с мистической порнографией» [Булгаков 2008: 70], – и все это при том, что в целом о Соловьеве как поэте он был достаточно высокого мнения, скептически относясь, правда, к его философским построениям, считая их искусственными и заимствованными из немецкой философии. Современные авторы (та же З.Г. Минц [Минц 2000b: 413-419], И.Б. Роднянская [Роднянская 2006], Е.С. Шевченко [Шевченко 2009]), обращаясь к «Белой Лилии», на первый план выдвигают театральные и жанровые аспекты, что явствует уже из названий их работ, не углубляясь слишком в собственно философское содержание пьесы.

Мы попробуем проанализировать это необычное произведение, взяв за критерий характеристику А.Ф. Лосева, относящуюся к более ранней работе молодого Соловьева – не изданному при жизни автора трактату «София». Да, пишет Лосев, здесь бурлят страсти, страсти не только философские, но

и теософские и оккультные. Порой это перемежается даже «философским бредом», «доходит до курьеза». «Но для историка философии это бредовое бурление очень ценно. Ведь не всегда же все продуманное, все логичное и научное возникает сразу в готовом виде. Философской логике и системе у философов всегда предшествуют какие-нибудь стихийно хаотические состояния...» [Лосев 2000: 195-196]. Так или иначе, «Белая Лилия» была и остается одной из точек духовной эволюции будущего автора «Оправдания добра» и «Трех разговоров о всемирной истории», и без адекватной интерпретации этого произведения образ и ход его мыслей не будут для нас достаточно понятными.

Внешние обстоятельства рождения «Белой Лилии» и особенности личности ее автора. Любой текст, каковы бы ни были его метафизические причины и основания, приходит в наш мир при конкретных обстоятельствах места и времени. По сути, первый шаг к его пониманию – это рассмотрение эмпирических условий создания данного артефакта, иначе говоря, того макро- и микросоциума, в котором действует его непосредственный автор, а также уникального сочетания культурно-психологических характеристик, формирующих духовный мир этого творца.

Известно, что для широкой читающей публики «Белая Лилия» стала доступна в 1893 г., будучи напечатанной в литературно-художественном сборнике «На память», где представлены и произведения довольно сомнительного достоинства [Роднянская 2006: 170-171]. В печать попал далеко не весь текст, так как Соловьев значительно сократил первоначальный вариант, убрав, самое главное, пролог, который во многом и объяснял, и направлял основное действие. С рукописной редакцией массовый читатель смог ознакомиться много лет спустя после смерти автора (см. издание [Соловьев В. 1974], которое и дальше будет, как правило, цитироваться). Хотя в первой публикации в качестве времени написания был указан период 1878–1880 гг., однако вряд ли подлежит сомнению, что основной вариант «Белой Лилии» существовал и ранее, уже весной-летом 1877 г., когда Соловьев читал эту довольно фривольную комедию сначала С.А. Толстой, вдове писателя А.К. Толстого, и ее племяннице, а затем в семье Поливановых [Лукиянов 1990d: 136-138, 153], немало шокируя чопорных пожилых дам; кроме того, весьма вероятно, что изменения в текст вносились автором и после 1880 г., вплоть до публикации в сборнике «На память» [Роднянская 2006: 171-173].

Каковы же были жизненные обстоятельства молодого философа, предшествовавшие и сопутствовавшие работе над основным текстом пьесы? И что, собственно, подвигло Соловьева на создание столь специфического и, по сути, уникального для его творчества произведения, ибо впредь он в этом жанре уже ничего не создаст¹? Тем более что театр Владимир Сергеевич, как известно, не любил, почти там не бывал [Величко 2000: 285; Цимбаев 1991: 21] и вряд ли помышлял увидеть свое творение на большой сцене.

¹ В других мини-комедиях Соловьева, значительно уступающих по объему «Белой Лилии» («Я говорил, что он не умеет есть» и «Дворянский бунт»), равно как и в принадлежащем ему фрагменте «Альсима», на первом плане сатира и юмор, а софийная, мистическая проблематика фактически не просматривается.

Внешне все для молодого мыслителя в то время складывается удачно. В 1874 г. он успешно и довольно шумно защищает магистерскую диссертацию «Кризис западной философии», удостоившись внимания как юной прогрессивной публики, так и маститых корифеев философии, хотя некоторые из них (прежде всего, отечественные позитивисты, попавшие в этой диссертации под огонь критики) отнеслись к его идеям отнюдь не благожелательно. В 1875–1876 гг. состоялась первая и весьма плодотворная заграничная командировка Соловьева, давшая ему возможность познакомиться со многими текстами, недоступными в России, и обогатившая идеями на многие годы вперед. Потеря места в Московском университете в начале 1877 г. мало огорчает молодого доцента, быстро осознавшего, что работа со студентами, с ее тягостной повседневной рутинной и необходимостью подчинять себя правилам строгого университетского устава, не его призвание. Тем более что быстро нашлась замена в виде мало обременительной должности члена ученого комитета при Министерстве народного просвещения, большинство заседаний которого надворный советник Соловьев благополучно прогуливал без особых для себя последствий.

Вместе с тем период с 1877 по 1880 г. – время интенсивной интеллектуальной работы. В 1877 г. пишется и публикуется серьезное (пусть и незаконченное) произведение – «Философские начала цельного знания». В 1877–1880 гг. печатается в «Русском вестнике» фундаментальная «Критика отвлеченных начал», которая, выйдя в 1880 г. отдельным изданием, защищается Соловьевым в столице в качестве докторской диссертации. Параллельно в 1878 г. он читает публичные лекции, напечатанные затем в 1878–1881 гг. в «Православном обозрении»¹. В библиотеке, где Н.Н. Страхов видит его «чуть не каждый день», Соловьев углубленно изучает труды авторов-мистиков [Лукиянов 1990d: 139-141]. Он устанавливает и поддерживает близкие отношения с Ф.М. Достоевским, посетив вместе с ним летом 1878 г. Оптину Пустынь и старца Амвросия.

При всем этом Владимир Сергеевич находит возможность и для участия в кружке так называемых «шекспиристов», в соавторстве с двумя из которых (А.А. Венкстерном и В.Е. Гиацинтовым) создает комедию «Альсим». А дружбу и общение с талантливым художником и непрофессиональным поэтом Ф.Л. Соллогубом можно рассматривать в прямой связи с «Белой Лилией», ибо именно незаконченная шуточная мистерия последнего «Соловьев в Фиваиде» [Лукиянов 1990с: 282-309], описывающая египетские приключения заглавного героя, подвигла нашего философа на создание собственного произведения в аналогичном жанре.

Была, однако, еще одна серьезная причина, без которой «Белая Лилия» вряд ли появилась бы на свет. Дело в том, что тот же 1877 г. – начало трудной и драматической любви Соловьева к замужней даме и матери четверых детей, Софье Петровне Хитрово (урожд. Бахметевой), приемной дочери А.К. Толстого, – любви, продолжавшейся многие годы. Именно Софье Петровне адресовано «Посвящение к неизданной комедии», написанное

¹ «Чтения о богочеловечестве».

в 1880 г., по окончании первого варианта пьесы [Соловьев В. 1990b: 31, 393; Соловьев С. 1997: 161], и свидетельствующее о достаточно непростых отношениях философа с предметом его любви:

Не жди ты песен стройных и прекрасных,
У темной осени цветов ты не проси!
Не знал я дней сияющих и ясных,
А сколько призраков недвижных и безгласных
Покинуто на сумрачном пути.

Тяжелое расположение духа Соловьева усугубляется смертью в 1879 г. горячо любимого и уважаемого отца: сын был так потрясен его тяжелой болезнью и кончиной, что переменялся в лице и еще долгое время не мог улыбаться [Соловьев С. 1997: 162-165]. В откровенных посланиях к родным, таких как, например, письмо к матери в июне 1879 г. (написанное, кстати, в имении Красный Рог, где Соловьев гостил у С.П. Хитрово), проскальзывают мысли о суициде [Соловьев В. 1990b: 201]. Безусловно, мрачные монологи Мортемира, главного героя «Белой Лилии», особенно в первом действии пьесы, отражают настроения самого ее создателя.

Что касается личности нашего драматурга-любителя, то здесь нельзя не отметить его мистической настроенности, имевшей место, как указывают биографы, уже с детских лет; это, собственно, Соловьев и сам не скрывал. Он обычно не делал секрета из своих снов, рассказывая, записывая их и видя в них нередко пророческий смысл [Лукьянов 1990a: 93-94]. Их содержание оказывалось в тесной связи с теми мыслями и эмоциями, которые в данный период доминировали в сознании молодого философа: в 1880 г. ему снятся и Софья Петровна, и недавно умерший отец [Соловьев С. 1997: 188-189], а однажды во сне он отправляется из Петербурга ... в Индию – ту самую, в которую хотел двинуться после Египта несколькими годами раньше, но передумал, трезво оценив, видимо, свои финансовые возможности [Соловьев С. 1997: 161-162; Лукьянов 1990c: 195]. Только Мортемиру суждено было, в конце концов, реализовать мечту своего создателя: в третьем действии мистерии он добирается до Индии (точнее, до «южного Тибета»), где и обретает то, что искал, – чудесную Белую Лилию...

Интерес к мистике и вообще сверхъестественному Соловьев, выросший в религиозной семье, разделял с некоторыми своими братьями и сестрами, вообще склонными к мнительности, экзальтированности, суевериям и т.п. [Цимбаев 1991: 5]. В ряде произведений Всеволода Соловьева (романы «Волхвы», «Великий розенкрейцер», поэма «Искушение Будды») эзотерическая проблематика налицо. Сам Владимир в первой половине 1870-х гг. пережил увлечение спиритизмом и был сильным пишущим медиумом [Величко 2000: 239], свидетельствуя, например, о встречах с духом своего покойного учителя П.Д. Юркевича. Сохранились многие страницы его медиумической переписки с Софией, начавшейся после ее явления философу в Египте в ноябре 1875 г. (последнюю из «личных встреч» с «вечной подругой» он описал под конец жизни, в 1898 г., в поэме «Три свидания») и незаметно переросшей в переписку с Софьей Петровной [Соловьев С. 1997: 161, 191; Лосев 2000:

183–198]. По характеристике В.Л. Величко, «в резких переходах от веселости к мрачному безмолвию и наоборот, как и во всем духовном складе Владимира Сергеевича, было ... нечто *медиумическое*: точно не все его слова и действия были вполне произвольны, точно какие-то невидимые силы вселялись в тайники его духа, чередуя черные тучи с ясною лазурью». Наш мыслитель, продолжает Величко, «... не только глубоко мистически веровал в Бога и считал загробный мир столь же реальным, как и внешний, но у него было несомненно и особенное, непосредственное, живое и реальное отношение к этому миру, другим невидимому» [Величко 2000: 266–267].

Впрочем, рациональный элемент в натуре Соловьева никогда не подавлялся полностью. По меткому замечанию Д.Н. Овсяннико-Куликовского, приведенному в его очерке «Что такое мистика?» (1916), немалая часть сочинений и деятельности мыслителя «...носит такой характер, что, не зная их другой – значительно большей – части, мы, пожалуй, и не догадались бы, что имеем дело с мистиком» [цит. по: Лукьянов 1990с: 175]. Действительно, абсолютное большинство трудов Соловьева можно без особых сомнений отнести к одной из этих двух категорий. Но вот что касается «Белой Лилии», то здесь указанная дихотомия не работает, поскольку перед нами, как было отмечено выше, весьма парадоксальный текст.

«Белая Лилия» как текст, интертекст и метатекст: аллюзии, семантика, символика. Для неподготовленного читателя или слушателя последней четверти XIX в. «Белая Лилия» представлялась чем-то вроде странной игры с непонятными намеками и нескромными шутками на грани пошлости. Для читателя современного, потребителя и жертвы масскульта, будет характерно в целом такое же впечатление, разве что понятного будет еще меньше, шутки покажутся куда менее остроумными, а фантастический сюжет – надуманным и примитивным. Поэтому на уровне буквального прочтения текста невозможно говорить об адекватной интерпретации соловьевской мистерии: необходимо обращение к иным текстам, многочисленным и разнообразным, которые автор предполагает известными своим актуальным и потенциальным адресатам. Не только сам сюжет пьесы носит метатекстуальный характер и «...косвенным образом описывает ту атмосферу и те отношения, которые царили в близкой В.С. Соловьеву среде» [Шевченко 2009: 154], – чуть ли не каждая строчка здесь отсылает нас к текстам мировой классики, начиная с древности и кончая современным автору веком.

Метод Соловьева, выступающего в данном случае в роли начинающего комедиографа, может быть выражен словами, записанными на его лекции слушательницей женских курсов Герье (а также несостоявшейся его женой) Лизой Поливановой: «Поэзия вовсе не есть воспроизведение действительности, – она есть насмешка над действительностью» [Лукьянов 1990с: 45]. Причем под действительностью понимается у Соловьева и повседневная бытовая эмпирия, природная и социальная, и то, что позднее получило название «семиосферы» (Ю.М. Лотман) или «логосферы» (Г. Башляр): объектами иронии становятся не только человеческие характеры, нравы и поступки, но и общепризнанные шедевры литературы, начиная с библейских текстов.

При этом, однако, ценность пародируемого произведения не ставится под сомнение – просто предлагается иной, более широкий, ракурс зрения, позволяющий увидеть в привычном классическом тексте новое содержание и углубить его понимание нами. Автор не делает исключения и для себя: курьезные ситуации, в которых оказываются Мортемир и его друзья, во многом списаны с реалий жизни самого Соловьева, человека весьма непрактичного и даже неуклюжего с обывательской точки зрения, а включенные в пьесу стихи Соловьева в комически-сниженном контексте превращаются в автопародии. Впрочем, одним юмором дело не ограничивается, так как где смех, там и слезы. Не случайно в упомянутом выше посвящении к «Белой Лилии» Соловьев, обращаясь не только к Софье Петровне, но и ко всем возможным читателям, подчеркивает [Соловьев В. 1990b: 31]:

Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано.

Уже первое явление первого действия – олицетворение философского спора, длящегося около двух тысяч лет, и одновременно иронизирование над ним. Каждый из двух проходных персонажей представляет собой одну из полемизирующих сторон: это N.N. (в печатной редакции – Сокрушенный помещик), «неумеренно плененный четвертым измерением», – *догматизм*, аксиоматически принимающий существование трансцендентной реальности, и M.M., не имеющий «ни цели, ни пути», не знающий, какую ему избрать дорогу, «кого любить, чего искать» [Соловьев В. 1974: 215-216], – *скептицизм*, логично опровергающий претензии догматиков, но оказывающийся не в состоянии предложить альтернативные ориентиры для поисков смысла жизни. По сути, вся европейская философия, начиная по крайней мере с Канта, есть попытка разрешить эту дилемму и выработать концепцию, свободную от слабостей как той, так и другой стороны. Собственно, и сам Соловьев в своих серьезных сочинениях, стремясь к философскому синтезу, к «всеединой истине» и «цельному знанию», выступает и как антидогматик, и как антискептик (пример тому – противник и «догматического», и «критического» рационализма в XXXIX главе «Критики отвлеченных начал», создаваемой почти одновременно с «Белой Лилией» [Соловьев В. 1999: 779-786]).

Отчаянный поэт, присоединяющийся к N.N. и M.M., не только списан с самого Соловьева, но и во многом дублирует поэта из мистерии любимого Владимиром Сергеевичем Козьмы Пруткова «Сродство мировых сил» [Прутков]: все трое скорбят, тоскуют, замышляют самоубийство, причем прутковскому поэту оно почти удается. Если же сопоставить поэтов из «Сродства» и «Белой Лилии» с поэтом из «Пролога в театре» «Фауста» Гете, то легко обнаружится, что оба они – комически вульгаризированные модусы последнего. Объединяют их всех пафос, вера в свое высшее предназначение, нежелание идти на поводу у жаждущей развлечений публики («толпы безумной»), но чувство собственного достоинства и самоуважение поэта Гете резко контрастируют с мелочным тщеславием и унынием двух других.

Помимо «Сродства мировых сил» немало общего имеет мистерия Соловьева и с прологом драматической поэмы А.К. Толстого «Дон Жуан» [см.: Роднянская 2006: 168]. (Напомним, что и сам Козьма Прутков – это, по крайней мере на одну треть, тот же А.К. Толстой.) У Толстого гармонию миропорядка восхваляют не только цветы и птицы, но и облака, озера и реки («Все ликуют без изъятия, Все природы голоса!») [Толстой А. 1980: 9–11], у Пруtkова в качестве действующих лиц выведены солнце, два разных ветра, дуб, полевая мышь и прочие «мировые силы» (многие с правом голоса); подобно этому в «Белой Лилии» (второе действие) по очереди заявляют о себе и солнце, и птицы, и растения, и львы с тиграми и т.д.¹ И данный прием для Соловьева нельзя считать чем-то мимолетным и спорадическим. Еще один его биограф, философ Е.Н. Трубецкой, отмечает, что Соловьев вполне мог бы подписаться под изречением Фалеса «Все полно богов». И далее Трубецкой пишет: «Он видел деятельность незримых сил духовных в разнообразных явлениях природы – в движении волн морских, в молнии и громе. Они наполняли для него таинственную жизнь и леса, и горы. Мир сказочный с его водяными, русалками и лешими был ему не только понятен и сроден: внешняя природа была для него или иносказанием, или прозрачной оболочкой – средой, в которой господствуют деятели зрячие, сознательные» [Трубецкой 1911]. Это космическое чувство – чувство единства, родства всего сущего, генетического и актуального, земли и неба, живого и неживого – проходит и через самые абстрактные, самые академичные рассуждения Соловьева. По сути, объективная и всеобщая связь всего и вся в природе (вкуче с ее одухотворенностью) – не что иное, как один из аспектов того самого *Всеединства*, которое выступает ключевым принципом его философской системы.

Описание хора полуслепых кротов, роющих свои норы и гордящихся своей приземленностью («Вниманья мы не удостоим Того, что наш не видит глаз» [Соловьев В. 1974: 232]), имеет своей целью не только осмеяние утилитарной эстетики 60-х гг., и особенно Д. Писарева, кумира юности Соловьева [Минц 2000а: 264; Минц 2000б: 415]. Более вероятно, что это камень в огород позитивистов, острая полемика с которыми в ходе защиты магистерской диссертации была еще свежа в памяти молодого философа. Критика сенсуализма и мнимонаучного эмпиризма, неотделимых от позитивистской гносеологии, продолжается и в упомянутой выше «Критике отвлеченных начал»: «...В огромном большинстве случаев существующая для нас действительность, или объективное явление, представляет собою нечто гораздо большее, нежели простую объективацию наших ощущений» [Соловьев В. 1999: 739].

¹ Мортемир так подытоживает прозвучавшие перед его появлением песни ждущих и призывающих «царицу красоты», которой в конце пьесы и оказывается Белая Лилия:

Она! везде она! о ней лишь говорят
Все голоса тоскующей природы.
Я не один, – река, и лес, и горы,
Деревья, звери, солнце и цветы
Ее, ее зовут и ожидают [Соловьев В. 1974: 231].

Многими специалистами подчеркивается пародирование Соловьевым мало любимого им Лермонтова, которого автор «Белой Лилии» впоследствии объявит родоначальником демонизма и нищестанства в русской литературе и вообще в русской духовной жизни [Соловьев В. 1990а]. «Пре-забавный юнкер Лермонтов» не только конкретно упоминается в рассказах генерала Х [Соловьев В. 1974: 277-278], но и присутствует инкогнито в речах другого персонажа: монолог Инструмента «Мне жарко потому, что я тебя люблю» [Соловьев В. 1974: 220] (отдельно опубликованный, кстати, в 1886 г., задолго до напечатания самой пьесы) – язвительное передразнивание известного стихотворения «Отчего» («Мне грустно потому, что я тебя люблю»).

Исследователи меньше обращают внимание на то, что здесь досталось и другому авторитету, который столь же часто и, по мнению Н.А. Бердяева [Бердяев 1937: 373], несправедливо осуждался Соловьевым, – Льву Толстому. Между тем граф с говорящей фамилией Многоблудов – весьма прозрачный намек на другого графа, прославившегося как бурными похождениями в молодости, так и энергичной проповедью чистоты в любовных отношениях впоследствии; разгадывается это легко – достаточно сравнить произнесенное по-французски признание персонажа «Белой Лилии» со словами симпатичного и откровенного юноши, Николеньки Иртеньева:

«Г р а ф М н о г о б л у д о в. ... Я признаю только две категории людей: людей комильфо и тех, кто ими не являются» [Соловьев В. 1974: 276].

«Мое любимое и главное подразделение людей... было на людей *comme il faut* и на *comme il faut pas* (то есть «не комильфо». – В.В.)... Людей *comme il faut* я считал достойными иметь со мной равные отношения; вторых – притворялся, что презираю, но в сущности ненавидел их, питая к ним какое-то оскорбленное чувство личности...» [Толстой Л. 1958: 283].

Сходство будет еще очевидней, если принять во внимание предыдущие слова Многоблудова: «Пусть мне не рассказывают о христианах, о мусульманах, о фетишистах – все это мне равно ни о чем не говорит» [Соловьев В. 1974: 276] – и вспомнить, как часто Лев Николаевич ставил христианство на один уровень со всеми прочими религиями.

Мы полагаем, что есть еще один текст, который представлен в «Белой Лилии» вполне определенно, причем его присутствие явно недооценивается критиками. Это – Библия, хорошо знакомая ребенку, выросшему в интеллигентной православной семье, а в данном случае прежде всего – Ветхий Завет. И дело не только в том, что главный символ – лилия – взят из «Песни песней», о чем упоминается постоянно и о чем пойдет речь ниже. Влияние этой «записной книжки человечества» (Б. Пастернак) на мистерию Соловьева гораздо глубже.

Конечно же, внимательное прочтение пролога черного варианта «Белой Лилии», как отмечает С.М. Соловьевым, И.Б. Роднянской, Е.С. Шевченко, выявляет близость его с прологами «Фауста» (имеется в виду второй пролог – «Пролог на небесах») и «Дона Жуана». При всей специфике каждого из них налицо общая идея, которая может быть выражена эпитафией, выбранным А.К. Толстым для его драмы. Совсем не случайно, по нашему

мнению, автором его оказывается любимый писатель Владимира Соловьева – Гофман [Цимбаев 1991: 21]. И говорится в нем, что враг (то есть враг рода человеческого – Сатана) постоянно ставит человеку в его стремлении к высшему коварные ловушки и что это «столкновение божественных и демонических сил обуславливает понятие земной жизни» [цит. по: Толстой А. 1980: 5].

Если отвлечься от частных деталей, то сюжет всех трех прологов один и тот же: Господь и дьявол ведут спор на предмет того, насколько праведным и верным первому из них окажется конкретная личность. Господь (представленный у Толстого светлыми небесными духами, а у Соловьева носящий звучное имя Геодемон – дух земли) настаивает на том, что этот человек будет верен ему безусловно, независимо от обстоятельств, тогда как его оппонент (Мефистофель у Гете, Сатана у Толстого и «выдающий себя за черта» Китоврас у Соловьева) сварливо доказывает обратное. Заканчивается это препирательство во всех случаях договором: дьявол получает право устраивать объекту всяческие козни и соблазны, пока, наконец, не прояснится картина – выстоял испытываемый или нет. Объектами такого жестокого решающего эксперимента и становятся: у Гете – доктор Фауст («раб Господень» и в то же время «сумасшедший, слабый рассудком», по мнению Сатаны [Гете 1969: 48]), у Толстого – «любимец природы, призванный к подвигам и благостным делам», «избранник творца» дон Жуан [Толстой А. 1980: 14]), у Соловьева (наряду с прочими героями) – кавалер Мортамир, которого Геодемон относит к «порядочным людям», а Китоврас насмешливо называет «сантиментальной девкой» и «кошкой блудливой» [Соловьев В. 1974: 273]. Правда, пролог Соловьева не закончен, но для читателя не секрет, что эта пикировка должна завершиться, в принципе, такой же договоренностью, как и в двух других случаях. И злоключения Мортамира на протяжении трех действий мистерии, как и его конечное преобразование, следует рассматривать именно в свете показанных нам в прологе аллюзий.

Однако для всех, кто знаком с Ветхим Заветом очевидно, что эти три пролога восходят к общему первоисточнику – Книге Иова, существующей уже более двух тысяч лет [Рижский 1991: 21–23]. Пролог данной книги, занимающий первые две главы и написанный, в отличие от основной части, прозой, как раз и объясняет, каким образом Иов, «человек непорочный, справедливый и богобоязненный» (Иов 1:1), оказался жертвой страшных несчастий. Именно в этой книге, практически единственной в Ветхом Завете, где дьявол является перед Богом собственной персоной и ведет с ним спор чуть ли не на равных, с наибольшей четкостью и остротой поставлена проблема теодицеи: в чем смысл страданий невинного человека? Почему вынуждены мучиться те, кто вообще не грешил или делал это невольно, случайно или в минимальном объеме? Книгу Иова можно рассматривать как попытку ответить на эти вопросы – одну из первых из бесчисленного множества тех, что будет предпринимать религиозная и философская мысль вплоть до нашего времени. (Вспомним хотя бы «Ответ Иову» К. Юнга и «На весах Иова» Льва Шестова, относящиеся уже к XX веку.)

Не будет натяжкой утверждать, что при всем различии общей интонации библейский текст играл для Соловьева не меньшую ориентирующую и смыслообразующую роль, чем тексты Гете и Толстого. «Сыны Божии», являющиеся «предстать пред Господа», между которыми затесался Сатана (Иов 1:6, а также 2:1), вполне коррелируются с лакеями Геодемона, которые пытаются не допустить Китовраса к «барину» [Соловьев В. 1974: 270-271] (это при том, что, например, у Толстого сам Господь вообще отсутствует, делегируя свои полномочия небесным духам). Геодемон, оправдывая кавалера Мортемира перед Китоврасом, замечает: «Нужно быть снисходительным. Ошибки молодости ... увлечения страстей и т.д.» [Соловьев В. 1974: 273], как бы отвечая заодно и Иову в его печали: «Ибо Ты пишешь на меня горькое и вменяешь мне грехи юности моей» (Иов 13:26). Иов скорбит о своей молодости, «когда милость Божия была над шатром» его и «когда еще Вседержитель» был с ним (Иов 29:4-5), и Мортемир, вторя ему, восклицает:

О боги вечные, возьмите
Мой горький опыт и верните
Всю силу первых внешних гроз! [Соловьев 1974: 228].

«Опротивела душе моей жизнь моя; предамся печали моей; буду говорить в горести души моей» (Иов 10:1), признается своим друзьям Иов, совсем как Мортемир – Галатее: «Ах, как мне тошно, ты и не поверишь, Глядеть на мир!» [Соловьев В. 1974: 227]. Иов готов прислушаться ко всем живым тварям и природным стихиям: «И подлинно: спроси у скота и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе; или побеседуй с землею, и наставит тебя, скажут тебе рыбы морские. Кто во всем этом не узнает, что рука Господа сотворила сие?» (Иов 12:7-9). И для Мортемира «все голоса тоскующей природы» суть ясное подтверждение того, что не только один он ждет свою «Лилию», но и все мироздание. Таким образом, фрагменты книги Иова, встраиваясь в текст мистерии, приобретают интертекстуальное значение: личность и судьба библейского праведника становятся для Соловьева (посредством его литературного alter ego, странствующего кавалера) возможностью уяснить собственное жизненное предназначение¹.

В Ветхом Завете есть еще один текст, влияние которого на «Белую Лилию» можно считать неоспоримым. Поскольку в пьесе затрагивается тема грядущего преобразования мира вслед за явлением в него «Девы рая», постольку сразу вспоминается Книга пророка Исаии, и в первую очередь описание того блаженного времени, когда вся земля «будет наполнена ведением Господа»: «Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому» (Ис. 11:9,6-7). Это не просто идиллия в мире фауны, это вообще «новое

¹ По свидетельству Е.Н. Трубецкого, Соловьев и сам в своих письмах сравнивал критические ситуации, в которые нередко попадал, со злоключениями Иова [Трубецкой 1913: 14].

небо и новая земля», которые окончательно придут на смену прежним и в которых повсеместно воцарятся веселье и радость: «И буду радоваться о Иерусалиме и веселиться о народе Моем; и не услышится в нем более голос плача и голос вопля» (Ис. 65:17-19).

С учетом этих интенций иначе воспринимаются и строки монолога Мортемира:

Явись она, – и снежные вершины
За облака ушедших гор пред ней
Поникнут разом, пышные цветы
Пред ней ковер широкий развернут,
Кругом нее львы, барсы, носороги
Счастливою и дружною семьей
Все соберутся вместе и служить
Ей будут... [Соловьев В. 1974: 231].

А если обратиться к «пергаменту из Пальмиры», который Мортемир, по предложению мудреца Неплюя, «служителя науки из наук» (очевидно, философии?), зачитывает несколько ниже, то видно, что это космическое преобразование охватит, как и в прототексте – пророчестве Исаии, не одну лишь «первую природу», но и все человечество, включая страдающего кавалера:

«...Когда лазоревый пигмент
Избавит душу от мозоли
Лилеи белой благодать
Везде прольет свою тинктуру,
И род людской, забыв страдать,
Обнимет разом всю натуру;
Повсюду станут лад и мир,
Исчезнут злоба и мученье.
Тогда и ты, о Мортемир,
Найдешь душе успокоенье» [Соловьев В. 1974: 237].

Что касается символики, во многом заимствованной Соловьевым у гностиков и каббалистов, то она в концентрированном виде представлена в финальном аккорде пьесы – «Песне офитов», завершающей и рукописную, и печатную редакции [Соловьев В. 1974: 253-254]. В этом стихотворении, написанном еще в 1876 г. в Ницце, по пути из Египта в Париж, оказались в одной текстовой конструкции основные мистические символы, увлекшие поэта-философа и связанные им здесь попарно: 1) белая лилия – алая роза и 2) змей – голубка. Последняя пара, выражающая в гностицизме слияние земного и небесного начал, фигурирует, как известно, и в Евангелии, где Иисус напутствует апостолов: «Итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16). В тексте самой «Белой Лилии» места ей не нашлось, хотя Соловьеву, без сомнения, были известны произведения, где, например, змея и лилия сплетались довольно тесным образом, – «Золотой горшок» Гофмана (перевод которого Соловьевым считается одним

из лучших и печатается до сих пор) и «Сказка о зеленой змее и прекрасной лилии» Гете [Гете 1978]¹.

В тексте пьесы главная роль принадлежит цветочной оппозиции «лилия – роза». Собственно, именно так, вместе, и стоит их рассматривать, потому что, будучи взятыми порознь, они предполагают десятки символических толкований (см., например, статьи «Лилия» и «Роза» в «Энциклопедии символики и геральдики» [Энциклопедия...]). А вот сочетание лилии с розой, о котором поют офиты Соловьева, – деяние с вполне определенными смыслом и целью. Это не что иное, как постижение высшего знания («Вечную истину мы обретаем») через слияние начала чувственного, материального, плотского, символизируемого розой, с началом духовным, идеальным, «нездешним» (одно из любимых прилагательных Соловьева), символом которого и выступает лилия. С.М. Соловьев приводит строчку из чернового варианта «Песни офитов», которая делает этот момент еще более очевидным: «Светлую Плэрому мы обретаем» [Соловьев С. 1997: 128]. Плерома (греч. «полнота»), собственно, и есть гностический термин, обозначающий полное и целостное присутствие духовного начала в телесном мире – ту полноту и целостность, которые характеризовали мир в его изначально неповрежденном состоянии и которые он в будущем должен обрести вновь [Шабуров 2001; Лосев 2000: 216–218].

О соединении роз и лилий Соловьев упоминает в своих записках и стихах того времени не раз. В «Молитве об откровении великой тайны», сохранившейся в записной книжке времен первой заграничной поездки (1875–1876), говорится о «соединении роз с лилиями в долине Саронской» [Лукиянов 1990с: 145; Соловьев С. 1997: 97], а в стихотворении «У царицы моей есть высокий дворец...» (1876) мы читаем: «И в зеленом саду у царицы моей Роз и лилий краса расцвела...» [Соловьев В. 1990б: 23]. И после «Белой Лилии», в 1884 г., Соловьев не забывает об этой паре:

И не колеблются Сионские твердыни,
Саронских пышных роз не меркнет красота,
И над живой водой, в таинственной долине,
Святая лилия нетленна и чиста [Соловьев В. 1990б: 39].

В мистерии два этих цветка тоже оказываются рядом. В черновой редакции, где Мортамир и Лилия «умирают в одно мгновение от излишнего блаженства», а тела их хоронят окрестные поселяне, «на могиле Мортамира вырастают розы, а на могиле Белой Лилии – белые лилии» [Соловьев В. 1974:

¹ Апофеозом «Золотого горшка» выступает встреча главного героя студента Ансельма с его возлюбленной – прекрасной змейкой Серпентиной, когда она приносит ему золотой горшок, из которого выросла великолепная лилия. Ей кланяются и деревья, и птицы, и молнии, и алмазы, вообще «стихийные духи». Потрясенный Ансельм восклицает: «...Эта лилия есть видение священного созвучия всех существ, и с этим видением я буду жить вечно в высочайшем блаженстве... Никогда не поблекнут золотые лучи лилии, ибо с верою и любовью познание вечно!» [Гофман 1991: 78]. Эзотерическое толкование символов сказки Гете дает Р. Штайнер [Штайнер 1918]. См. также статью Соловьева, посвященную секте офитов и культу змеи в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона: [Лукиянов 1990с: 333–334].

285] (тавтология автора ничуть не смущает). В печатном варианте лилии и розы вырастают на могиле медведя, в теле которого обитала Лилия [Соловьев В. 1974: 250]. Но в целом эти символы все-таки не выглядят здесь однопорядковыми и равноценными, можно даже говорить об их оппозиции: Мортемир в первом действии оставляет три розы – прощальный презент своей бывшей возлюбленной Галатеи – в покидаемом им навсегда доме, с тем чтобы устремиться в свой «таинственный поход» за *Белой Лилеей* [Соловьев В. 1974: 228–229]. И в «четвертое измерение», где его ожидает вечное блаженство, он переходит уже только с ней.

Как было отмечено выше, образ лилии также заимствован, в конечном счете, из Ветхого Завета, причем из книги «Песнь песней»¹, в которой любовь чувственная и любовь божественная настолько неразличимы, что это не однажды вызывало недоумения и протесты как у иудейских раввинов, так и у христианских богословов и ревнителей благочестия. Но именно этот синкретизм должен был привлекать нашего философа, которому и обычная женщина типа Софьи Хитрово легко могла представиться ипостасью небесной Софии, Премудрости Божьей. А вспоминая предвечную Премудрость, о которой рассказывают другие книги Ветхого Завета (и не только чаще всего цитируемые «Притчи Соломоновы» [Соловьев В. 1990b: 392], но и второканонические «Премудрости» Соломона и Иисуса, сына Сирахова²), Соловьев не мог, да и не хотел трактовать ее как чистую, трансцендентную абстракцию, но стремился так или иначе олицетворить ее, вочеловечить.

В силу своей камерности, жанровой неопределенности и, можно сказать, оксюморонности «Белая Лилия» изначально не могла претендовать на роль классического текста – ни для философского, ни для религиозно-мистического, ни даже для чисто беллетристического дискурса. И в том, что произведение это было, по сути, забыто, да и сейчас, в период огромного интереса к Соловьеву, остается мало востребованным, есть своя логика. Но сказать, что оно не оставило никакого следа в русской культуре, тоже нельзя. Другое дело, что, как и относительно любого документа интертекстуального характера, часто почти невозможно определить первичность текста – «Белая...» ли это «...Лилия» или же текст, сам ставший для Соловьева предметом рефлексии и источником вдохновения. Так, в Волке из «Столбцов» Н. Заболоцкого

¹ Точности ради укажем, что переводы этой книги с древнееврейского на европейские языки сильно разнятся. Известный исследователь Каббалы А. Штайнзальц дает следующий вариант стиха (Песн. 2:2): «Как роза среди колючек, любимая моя среди девушек» [Штайнзальц 1990: 7], делая этот смысл исходным для своей книги. Между тем в русском синодальном переводе речь идет именно о лилии: «Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами». Очевидно, что однозначно определить, какой цветок подразумевается в древнем тексте, не представляется возможным.

² Ср.: «С Тобою премудрость, которая знает дела Твои и присуща была, когда Ты творил мир, и ведает, что угодно пред очами Твоими и что право по заповедям Твоим» (Прем. 9:9); «Прежде всего произошла Премудрость, и разумение мудрости – от века. Источник Премудрости – слово Бога Всевышнего, и шествие ее – вечные заповеди... Он произвел ее и видел и измерил ее и излил ее на все дела Свои и на всякую плоть по дару Своему, и особенно наделил ею любящих Его» (Сир. 1:4–5,8–10).

можно разглядеть не только воспетого Мортемиром медведя, в шкуре которого обитала Лилия, но и Луция-осла из «Метаморфоз» Апулея и «зверя лесного, чудо морское» из «Аленького цветочка» С.Т. Аксакова [Роднянская 2006: 181-182], а также многих других временно заколдованных персонажей. Декадентскую пьесу Треплева, которую читает в «Чайке» Нина Заречная («Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы...» и прочие живые существа – о них говорится как о давно исчезнувших), можно трактовать как реакцию и на оптимистический монолог Мортемира («Я не один, – река, и лес, и горы, Деревья, звери, солнце и цветы...»), и на утопию пророка Исаии. Наконец, стихотворение Мирры Лохвицкой «Между лилий», относящееся к 1897 г., – это парафраз и «Песни песней» (откуда взят эпиграф к нему), и стихов лично ей знакомого Владимира Соловьева:

Лилии, лилии чистые,
Звезды саронских полей,
Чаши раскрыли душистые,
Горного снега белей... [Пращерук 1992: 339].

Белая Лилия, она же Дева рая, она же Вечная подруга, она же София, Премудрость Божия, etc. Перечень этих имен можно продолжать долго. Она и «Душа миров», и «Единая царица всех душ» («Молитва об откровении великой тайны») [Соловьев С. 1997: 97], и «Дева Радужных Ворот» (стихотворение «Нильская дельта», 1898) [Соловьев В. 1990b: 115], и «Жена, облеченная в солнце» (образ из «Откровения Иоанна Богослова» (Откр. 12:1), часто используемый Соловьевым), и «Афродита возвышенная», «Афродита Урания», которую Соловьев вслед за Платоном противопоставлял «Афродите для толпы», «Афродите всенародной» [Соловьев В. 1991a: 264-265], и «das Ewig-Weibliche» – «Вечная Женственность», заимствованная Соловьевым из эпилога «Фауста» и ставшая темой одноименного стихотворения (1898). Проводить различия между всеми этими именами и образными названиями имело бы смысл в том случае, если бы сам философ специально их разграничивал или, по крайней мере, пытался это сделать. Но, поскольку у него мы не встречаем серьезных усилий такого рода, то очевидно, что под всеми этими обозначениями он подразумевал одно и то же высшее существо. И для него лично не имело значения, где и у кого первоначально появилась та или иная метафора – в Ветхом или Новом Завете, у гностиков или каббалистов, у Беме или у Гете. Он действовал по принципу Мольера: «Беру свое добро везде, где его нахожу».

Отдельные случаи, где, на первый взгляд, говорится о разных вещах, только подтверждают правило. В альбоме № 1, заполненном медиумическим письмом, София сообщает своему молодому поклоннику: «В марте расцветет белая лилия» [Соловьев С. 1997: 128]. Если толковать данную фразу не буквально, а эзотерически, по-соловьевски, то ясно, что речь идет не о флористическом феномене – распускании конкретного цветка, а о презентации Софии-Премудрости либо только адресату сообщения, либо ему вкуче с кем-либо еще. Эта трактовка подтверждается и содержанием мистерии, которая будет вскоре написана, и самим ее названием.

Отношение Соловьева к Софии, фигурирующей в пьесе под псевдонимом Белой Лилии, иллюстрирует и подзаголовок ее: «Сон в ночь на Покрова». По народному поверью, хорошо известному предполагаемым читателям, сон в ночь на этот праздник (1 октября ст. ст.) всегда сбывается. Так как в тексте специальных разъяснений на сей счет мы не находим, то напрашивается только одно: автор рассматривает свое произведение не просто как досужную игру или праздное развлечение себя и публики, а как описание чего-то объективно-реального, онтологически наличного, пусть и с помощью весьма свободных языковых средств. Но ведь язык – вещь более чем условная, и он зависит не только от того, *что* описывается и *кто* описывает, но и от того, *кому* предназначено описание. Так что лексика, поэтика и стилистика мистерии, часто как бы не имеющие ничего общего с «высокими материями», вполне функциональны и оправданы прагматическими целями, которые поставил автор, и сами по себе никак не могут принизить изображаемый им предмет.

Белая Лилия, которую ищет и наконец обретает Мортемир, для него отнюдь не игра воображения, не сонное видение и не «субъективная экзальтация», если воспользоваться выражением героя рассказа «На заре туманной юности» (1892) [Соловьев В. 1991b: 472]. Лилия, явившаяся Мортемиру, объективно пребывала – внутри медведя – и прежде, теперь же она просто перешла в видимое состояние:

Невидима тогда
Была я, а теперь –
Невидим навсегда
Во мне сокрытый зверь [Соловьев В. 1974: 250].

Соответственно и неземной образ, открывшийся вышеупомянутому рассказчику через облик легкомысленной Julie, случайной попутчицы по вагону, – не химера болезненной фантазии, а вполне реальное существо, ненадолго показавшееся молодому человеку из трансцендентного мира, чтобы озарить его жизнь и придать ей высший смысл. И «подруга вечная», описанная Соловьевым в «Трех свиданиях» (1898), является не более чем призраком и обманом чувств только для обывателей, ничего не видящих «под грубою корою вещества», типа немки-бонны или отставного генерала, но никак не для автора, который прозревает под этой корою «нетленную порфиру и ощущает сиянье Божества» [Соловьев В. 1991e: 454]. То неземное блаженство, которое испытывают все эти герои и которого им, как Мортемиру, «на всю достанет вечность» [Соловьев В. 1974: 250], есть результат встречи с иным миром, закрытым для большинства «невольников светного мира», но не становящимся от этого менее реальным.

Как отмечал Е.Н. Трубецкой, этот образ, образ Софии – вечной божественной идеи, возвышающейся надо всем тварным миром, воплощение вечного первообраза, положенного Богом в основу всего сотворенного, проходит и через всю жизнь философа, начиная с детского возраста, и через его любовь [Трубецкой 1913: 30-32]. Сила этого образа и его значение для всего философского и литературного творчества Соловьева таковы,

что его нельзя считать причудой или тем паче патологией великого ума. Только в его свете можно понять сущность учения и личности Соловьева. Блок подчеркивал: «Этот образ дан самой жизнью, он – не аллегория ни в каком смысле; пусть будет он предметом научного исследования, самое существо его неразложимо; он излучает невещественный золотой свет» [Блок]. Разумеется, о науке А. Блок в своей статье, специально посвященной Соловьеву, говорит в самом широком смысле, не сводя ее к математике и естествознанию, но тем более его призыв актуален сегодня, хорошо вписываясь в постнеклассическую парадигму, и, несомненно, он должен быть услышан современным ученым миром.

Идея Софии увлекла В. Соловьева, по мнению П.А. Флоренского и С.М. Соловьева, в период его вольнослушательства в Московской духовной академии (1873–1974) [Соловьев С. 1997: 67–68], где он читал не столько святых отцов, сколько мистиков типа неоплатоников, Беме и Сведенборга. Именно такого рода литература интересовала его и в Британском музее. Непосредственное явление Софии во время этих занятий стало для молодого философа вторым по счету, после чего он и предпринял неожиданное для всех окружающих и совсем незапланированное в командировке путешествие в Египет – совсем как Мортемир, внезапный отъезд которого из столицы для его светских друзей по меньшей мере очень странен. Но как Соловьев не может внятно объяснить лондонским коллегам свои мотивы («В Египте будь!» – внутри раздался голос» [Соловьев В. 1991e: 452] – разве это резон для ординарных личностей типа супругов Янжул или М. Ковалевского?), так и Мортемир не рискует, а может быть и неспособен, сделать свой поступок понятным хотя бы для Галатеи, ограничиваясь туманным: «Ах, милая! Ты многого не знаешь в судьбе моей» [Соловьев В. 1974: 227] – или, как в черновой редакции, обращаясь к себе: «Но, боже мой, открыть ей эту тайну Во мне нет сил!» [Соловьев В. 1974: 280].

Диалог-трактат «Sophie», который Соловьев пишет в Каире, а затем в Сорренто по горячим следам «третьего свидания» со своей вечной подругой, обращает на себя внимание выраженным акцентом на внеконфессионализме. Истинная религия, поучает София философа, – это не папство, не протестантизм и не «слепое невежество, рутина масс» (под чем легко угадывается прямо не называемое православие) [Лосев 2000: 185]. Истинная, вселенская религия стоит над всеми историческими и национальными религиями, для которых так или иначе характерно «корыстное лицемерие священников и великих мира сего» [Соловьев С. 1997: 110]. По отношению к служителям этой универсальной религии данный упрек столь же невозможен, как и подозрение Галатеи: «Я вижу, ты со мною лицемеришь, О Мортемир!» [Соловьев В. 1974: 227]. Ведь Мортемира можно упрекнуть в чем угодно, но не в неискренности. В Белой Лилии он ищет не просто новый предмет культа, не идола и не способ социального самоутверждения. Он жаждет чистой абсолютной Истины, потому и отправляется за ней на край света, «отвергая родную почву», как сказали бы славянофилы и многие другие его земляки, но отнюдь не жалея об этом.

Антиклерикальный мотив, представленный в «Sophie», находит в мистерии и другое продолжение. Не все земные твари чувствуют восторг от скорого пришествия «златокудрой царицы», «владычицы рая». Резким диссонансом звучит здесь хор сов, «гнездящихся в развалинах замков, в старинных церквах», и любящих гнилушки, плесень и ржавчину:

Мы верим в блаженство, но – только для нас,
Для прочих же – адские муки!
Тогда насладимся вполне, а пока
Мы служим молебны от скуки [Соловьев В. 1974: 234].

«Отвлеченный клерикализм», «отвлеченная теократия», «внешняя насильственная теократия» – так характеризовал Соловьев в «Критике отвлеченных начал» (напомним, современнице «Белой Лилии») подавление рационального начала, начала разума и внутренней свободы, логично предполагающее насаждение слепой и робкой веры, боящейся уяснить свой предмет и вмняемой в величайшее достоинство [Соловьев В. 1999: 618-619]. Идея божественного начала, которое не ангажировано и не опосредовано никакой конфессиональной традицией, подобно идее вселенской религии, делающей в перспективе ненужными корпорации жрецов и священников, как бы они себя ни позиционировали, становится для последних источником смущения и тревоги:

Но в этих занятиях смущает нас весть
Про новую эту царицу,
Которой явленье нахально так ждут
Дневные все звери и птицы [Соловьев В. 1974: 235].

Вместе с тем вселенская религия не есть нигилистическое отрицание религий исторических, ибо рациональное зерно – зерно вечной истины – присутствует в каждой из них, пусть зачастую и в скрытом, подавленном виде. Соловьев использует метафору цветущего дерева – «дерева с бесчисленными ветвями, отягченного плодами и простирающего свою сень на всю землю и на грядущие миры» [Лосев 2000: 185]. Такое дерево символизирует «реальный и свободный синтез всех религий, который не отнимает у них ничего положительного и дает им то, чего они не имеют». «Единственное, что она разрушает, – это их узость, их исключительность, их взаимное отрицание, их эгоизм и их ненависть» [Лосев 2000: 185-186]. В «Белой Лилии» грядущее торжество синтеза и всеединства, немалую роль в достижении которого сыграет «вечно-женский элемент» (еще одно указание на Софию-Премудрость), изображается, как отмечалось выше, в пальмирском пергаменте:

Лилеи белой благодать
Везде прольет свою тинктуру,
И род людской, забыв страдать,
Обнимет разом всю натуру;
Повсюду станут лад и мир,
Исчезнут злота и мученье... [Соловьев В. 1974: 237].

Надо сказать, что Соловьев здесь мало озабочен генезисом конкретных аспектов своего представления о Софии, и если стоять на позициях последовательного конфессионализма, то, действительно, оно смотрится как нечто весьма спутанное, двусмысленное и разнородное. Для его племянника, Сергея Михайловича (перешедшего, в отличие от дяди, из православия в католицизм не тайно, а явно), София соединяет в себе несоединимое: Душу мира Плотина и библейскую Премудрость Божию, христианство и гностицизм, начала небесные и демонические, свет и тьму [Соловьев С. 1996: 158-160]. Для Владимира Сергеевича все эти противоречия носят диалектический характер: концепции, возникшие в разные исторические эпохи, в разных культурах и связанные с разными национальными и религиозными традициями, для него суть ветви одного ствола, произрастающие в конечном счете из одного предвечного корня. Он выявляет в них общее, главное, что их объединяет, – то единое содержание, которое стремились изложить разные люди на разных языках. И если, в частности, тот же Сергей Соловьев видит в патетическом монологе Геодемона из пролога «Белой Лилии», в первую очередь, каббалистическое учение о Софии [Соловьев С. 1997: 157], то для Соловьева Владимира явление Творцу-Адоною «златокудрой девы рая» – это реальное событие космической истории (точнее, предьстории), смысл которого равно значим для всех живых и неживых существ:

И, неподвижно утопая
В лазурном пламени очей,
Благословил он все, взирая
На лик возлюбленной своей [Соловьев В. 1974: 272].

При всей невеликости текста «Белой Лилии» в сравнении с вообще написанным Соловьевым о Софии в нем можно обнаружить основные характеристические признаки той, с кем была связана практически вся его сознательная жизнь. Софийная символика подчеркнута представлена во всем его философском творчестве, что очевидно для серьезных исследователей [Лосев 2000: 223]. Но не будет натяжкой утверждать это и относительно всего его творчества в целом. Не претендуя на исчерпывающий анализ множества определений, отличающих соловьевскую Софию, выделим те, которые представлены в нашей мистерии достаточно прозрачно.

1. *Полнота*. Это качество противопоставляет Софию всякому ограниченному, несовершенному, ущербному бытию. Как отмечал Г.А. Рачинский, для Соловьева «вся история космической жизни была одной великой драмой борьбы и страданий мировой души, раздираемой хаосом качественно различного, раздробленного и распавшегося природного бытия, с его множественностью обособленных... взаимно самоутверждающихся в своей исключительности начал» [Рачинский 1901: 132]. Атомизм, замыкающий всякое образование, начиная от мельчайших частиц вещества и кончая человеком, в его отдельности и мнимой самодостаточности, – это трагедия мироздания, конец которой должен положить приход пресвятой божественной Софии – адресата «Молитвы об откровении великой тайны»: «...Наполни мрак твоим сиянием... *сама воплотись в нас и в мире, восстанавливая полноту веков, да*

покроется глубина пределом, и да будет Бог все во всем (курсив наш. – В.В.)» [цит. по: Соловьев С. 1997: 97].

Это же призывание мы слышим в песнях солнца, растений и животных (действие второе, явление первое), к которым затем присоединяется Мортемир. Все они скорбят о своей недостаточности, всех их одолевает тоска, даже солнце, которое стенает:

Горе мне! Ее нет,
Без нее ж белый свет
Для меня не милей преисподней! [Соловьев В. 1974: 229].

Сливаясь в общий хор, эти «голоса тоскующей природы» поют о том, что ожидание «Царицы красоты» стало для них уже невыносимым:

Больше ждать нам уж невмочь,
Без нее нам все постыло:
День не в день, и ночь не в ночь,
Без нее весь свет – могила! [Соловьев В. 1974: 231].

Даже куплеты кротов и сов, не осознающих убожества своего существования («Вниманья мы не удостоим Того, что наш не видит глаз») и оттого совсем не радующихся приходу «какой-то царь-девицы», подчеркивают потребность этого достраивания до целого, преодоления всеобщей лишенности и неполноценности. Из людей неудовлетворенность своим эмпирическим бытием ощущают не только тонкие натуры вроде Мортемира, но и субъекты приземленные, если не сказать пошлые, такие как Халдей, Инструмент и Сорвал с их партнершами¹, – недаром и они бросают насиженные места и отправляются вслед за Мортемиром. В конце пьесы выясняется, что объективной (пусть и почти бессознательной) целью блужданий их всех также была Белая Лилия.

2. *Материализация и манифестация.* София не остается в своей запредельности («в четвертом измерении», если использовать лексику «Белой Лилии»). Она сама хотела бы явиться в мир, открыть себя человеку и всему тварному миру, сделаться духовной телесностью. Она и делает это, о чем свидетельствует мистический опыт самого Соловьева. Она является ему в пустыне: «О лучезарная! тобой я не обманут: Я всю тебя в пустыне увидал...» [Соловьев В. 1991e: 454]. Позднее философ также имеет возможность видеть лазурь очей своей Sophie, слышать музыку ее голоса и благодаря этому знать ее мысли и чувства, постигать и ее «внутреннее существо» [цит. по: Соловьев С. 1997: 112]. Только в явленной форме, воплощенная в чувственном теле, в сотворенной материи, София – через тех, кто познал ее, – становится фактором космического процесса и преображения дальнего мира.

Как апофеоз земной жизни Мортемира и предстает перед ним Белая Лилия собственной персоной, причем в момент, казалось бы, полного отчаяния, когда умирает горячо любимый им медведь:

¹ Признает же Галатея: «Вся наша жизнь – обман, томление и слезы. В конце же – гроб» [Соловьев В. 1974: 227].

Но не скорби, мой друг! Здесь таинство природы.
В медведе я была, теперь во мне медведь.
Как некогда его, меня люби ты впредь.

Невидима тогда
Была я, а теперь –
Невидим навсегда

Во мне сокрытый зверь [Соловьев В. 1974: 250].

Без награды не остаются и три пары недалеких друзей-подруг Мортемира. При всем бесспорном присутствии в пьесе иронического элемента (это же мистерия-шутка!) трудно согласиться с утверждением, будто трое «комических двойников Мортемира» всего лишь «возвращаются к тому, от чего бежали вначале» [Шевченко 2009: 154]. Если это и возврат, то возврат *якобы* к старому, отрицание отрицания. Эти шестеро не зря «блудили и блуждали». Кавалеры видят в своих дамах качества, прежде ими не замечаемые: «Черты знакомые, но с новой красотой» [Соловьев В. 1974: 253]. Более того, каждый из троих обнаруживает в своей визави то, чего даже и не помышлял найти, убегая от нее, а именно образ высшего начала, вечной женственности. И Халдей, и Инструмент, и Сорвал не просто покоряются судьбе – они радуются и ликуют:

Я об этом не жалею,
Ибо Белую Лилею
Узнаю в тебе [Соловьев В. 1974: 250].

Можно с полным основанием предположить, что для всей шестерки приобретенный опыт не останется втуне, а их новая жизнь вообще, как и история их взаимоотношений в частности, не будет простым продолжением прежнего: встреча с Лилией заставит каждого по-новому взглянуть и на себя, и на партнера, и на весь мир в целом. Не зря мудрец Неплюй-на-стол предупредил, что Лилии хватит не только на всю их компанию, но и «на всю природу» [Соловьев В. 1974: 243].

3. *Противоположность земному миру, наличному бытию.* София, являясь в этот мир, преображая его и наделяя смыслом, остается при этом существом иного порядка, высшим, неотмирным. Это – свет, противостоящий мраку плотской жизни. Это – идеал, усвоив который «...душа наша не только делается слепой к житейскому и к земным делам... но и становится как бы безучастной ко всем треволнениям феноменального бытия вообще... Страсти умеряются, дух умирается. Тело преображается, и все существо человеческое торжествует предчувствие окончательной победы над смертью и тлением, порождаемыми злом жизни» [Лукиянов 1990с: 281]. Когда Соловьев пишет в 1875 г. «Молитву об откровении великой тайны», он обращается к «Душе миров» со смиренной просьбой снизойти в его душевную темницу: «...наполни мрак наш своим сиянием, огнем любви своей расплавь оковы духа нашего, даруй нам свет и волю» [цит. по: Соловьев С. 1997: 97]. После состоявшегося вскоре свидания в пустыне он констатирует: «В моей душе те розы не завянут, Куда бы ни умчал житейский вал» [Соловьев В. 1991е: 454]. По сути, София и становится для человека окном в иную реаль-

ность, каналом связи с ней. С высоты этого образа земная юдоль воспринимается уже *sub specie aeternitatis*, утрачивая мнимую свою незыблемость, и перестает быть источником гнетущей тоски и уныния.

Постоянное упоминаемое в «Белой Лилии» четвертое измерение (о нем размышляет Сокрушенный помещик-догматик, из него раздается голос, слышимый только Мортемиру и не позволяющий ему поддаться обольщениям Галатеи [Соловьев В. 1974: 215, 227], и т. д.) и есть та трансцендентная реальность, откуда герои мистерии, люди и животные, ожидают своей спасительницы. Окончательный переход в это измерение Мортемира вместе с Белой Лилией становится символом преодоления материального мира с его пошлостью, скукой, безобразием и победы над ним – именно для этого мира наш главный герой умирает, на что намекает само его имя (ведь *mortis* по-латински – смерть, кончина). Что касается его приятелей, то и они, пусть и на более низком уровне, смогли соприкоснуться с «нездешним». Их авантюрное путешествие «туда, где Лилея цветет И блаженство нас ждет» [Соловьев В. 1974: 243], также оказалось небезуспешным, хотя это блаженство иного порядка, чем то, которое обрел Мортемир.

4. *София как Красота и «мерность безмерного»*. София – и «существенный образ красоты, и сладость сверхсущего Бога» [Соловьев С. 1997: 97]. Причем красота эта носит женский характер и вводит в мерную, конечную форму безмерное, бесконечное содержание, как в третьем свидании:

Все видел я, и все одно лишь было –
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, –
Передо мной, во мне – одна лишь ты [Соловьев В. 1991e: 454].

Красота, это «место сопредельности, или соприкосновения двух миров» [Соловьев В. 1991a: 269], это «преображение материи чрез воплощение в ней другого, сверхматериального начала», красота, проходящая через всю природу и находящая свое воплощение в «прекрасном женском теле», «где наибольшая сила и полнота внутренних состояний соединяется с наисовершеннейшею видимою формой» [Соловьев В. 1998: 286, 313], не только становится у Соловьева атрибутом Софии-Вечной Женственности, но и сливается с ней, проходя сквозь все его «софийные» тексты. Не мог он поэтому и в «Белой Лилии» обойти данный аспект. Геодемон завершает панегирик, посвященный златокудрой «Деве рая», возлюбленной Адоная-Господа (а возможно, и своей собственной, на что намекает этимология его имени), таким резюме: «... Вот какая красота!», добавляя при этом, правда, грубое слово [Соловьев В. 1974: 272]. «Владычица рая», «Златокудрая царица», «царица цветов», воспеваемая в мистерии флорой и фауной, является вместе с тем и «царицей красоты» [Соловьев В. 1974: 230-231]. Ее красота столь сильна, что, по словам Мортемира, заставит утихнуть и замереть сам океан, который

...зеркалом недвижимым и прозрачным
Пред нею ляжет, чтобы дивный образ
В немом восторге ясно отражать [Соловьев В. 1974: 231]

Подчеркивается и гендерное начало в Белой Лилии: в пергаменте, найденном Неплюем, говорится о «вечно-женском элементе», а сам Неплюй на вопрос Сорвала: «А что ж такое – эта Белая Лилия, почтеннейший? Женщина?» – отвечает: «Отчасти в этом роде» [Соловьев В. 1974: 237-238]. Да и соединение Мортемира с Белой Лилией, красоту которой он оценивает сразу («Твои черты небесно хороши!» [Соловьев В. 1974: 249]), носит явно эротический характер: в черновой редакции они умирают «от излишнего блаженства» именно в тот момент, когда «соединяются узами любви» [Соловьев В. 1974: 285], а в печатной версии они уходят в вечность не просто рядом и одновременно, но и в обнимку.

5. *София и Эрос*. София Соловьева – не статичное, не пассивное начало, а начало действующее и активное. Подобно царице, бросающейся из своего золотого чертога на помощь изменившему ей, но попавшему в беду возлюбленному («У царицы моей есть высокий дворец», 1875, 1876 гг.), она готова спасти все живые существа, обнять собою «и в поле каждую былинку, и в небе каждую звезду» (Соловьев цитирует поэму А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин») [Соловьев В. 1999: 442]. А наиболее высокой и совершенной формой любви Соловьев, по свидетельству его биографа и племянника, считал любовь эротическую, ссылаясь на брачные символы «Песни песней» и «Откровения Иоанна Богослова» [Соловьев С. 1997: 122]¹.

Другое дело, что эта нисходящая любовь по-настоящему сможет реализоваться лишь в том случае, если возбудит в тех, на кого она обращена, встречный восходящий импульс. Она спасает только того, кто сам хочет быть спасен и готов приложить собственные усилия. Отсюда и та дефиниция, к которой часто прибегает философ: «Смысл человеческой любви вообще есть *оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма*» [Соловьев В. 1991d: 138]. Любовью как «самоотрицанием существа» «осуществляется его высшее самоутверждение» [Соловьев В. 1999: 824]. Нужно быть готовым отказать от того, что обывательская мораль именуется «личным интересом». Награда ожидает лишь достойных – тех, у кого есть решимость претерпеть гонения, лишения, насмешки, презрение и т.д. Иначе, говоря словами Мортемира, «Венец терновый Нужно стяжать» [Соловьев В. 1974: 246].

Разные индивиды оказываются способными к самопожертвованию в разной степени. Поэтому неудивительно, что «одно и то же начало любви, применяясь к существам, стоящим на различных степенях развития, обязательно становится различным». Любовь принимает «...тот или другой вид, соответствующий относительному состоянию того, к кому она применяется» [Соловьев В. 1999: 643]. Масштаб жертвы, как и масштаб личности, определяет и форму, и величину получаемого воздаяния. Неравные получают неравное. В «Белой Лилии» мы видим, что усилия Мортемира оказываются оцененны-

¹ «Для Бога Его другое (т. е. вселенная) имеет от века образ совершенной Женственности, но Он хочет, чтобы этот образ был не только для Него, но чтобы он реализовался и воплотился для каждого индивидуального существа, способного с ним соединиться. К такой же реализации стремится и сама вечная Женственность, которая не есть только бездейственный образ в уме Божиим, а живое духовное существо, обладающее всею полною силой и действиями» [Соловьев В. 1991d: 168].

ми по более высокой шкале: он получает свою Лилею, так сказать, в чистом виде вместе с правом удалиться навсегда в мир абсолютной красоты и совершенства. Халдей, Инструмент и Сорвал, которые изначально выглядели как натуры более вульгарные и ограниченные, а потом действовали скорее под влиянием обстоятельств, чем сознательно и целенаправленно, приобретают награды посромнее, в виде улучшенных моделей своих прежних подруг.

Однако есть смысл взглянуть на эту ситуацию и по-другому. Мортемирова любовь – это прообраз той божественной любви, которая непосредственно соединяет нас со всем сущим, скрепляя хаос разнородных элементов в единый и гармоничный космос. Это *мировая любовь*, любовь как *действительное состояние*, когда сердце человека печется обо всем тварном мире, не исключая и демонов. Соловьев находит такую любовь в учениях брахманов, буддистов, у христианских мистиков и аскетов, например у Исаака Сирина [Соловьев В. 1999: 442-443]. Но он же отмечает как общее правило, что «сила положительной симпатии, или любви, обратно пропорциональна ее объему, так что наиболее широкое чувство всегда бывает наименее сильным, наибольшая же сила обыкновенно соединяется с самыми узкими чувствами» [Соловьев В. 1999: 443-444]. Поэтому ценностью обладает и такая любовь, в которой один-единственный предмет оказывается репрезентантом всей Вселенной, никак не меньше: «Ибо познать вполне один предмет, одно существо, то есть познать его так, как он по истине есть, значит, познать все; ибо в своем истинном определении всякий предмет связан со всем в единстве или есть единство себя и всего» [Соловьев В. 1999: 868]. А в силу того что связей во Вселенной бесчисленное множество, процесс познания некоего индивидуума также оказывается бесконечным. В трактате «Sophie» такая любовь, синтезирующая любовь натуральную (половую) с ее «самопроизвольной силой» и любовь интеллектуальную с ее всеобщностью, оказывается самой высокой по рангу и получает имя «абсолютной»: эта любовь «...должна иметь предметом существо индивидуальное, доступное чувствам, но представляющее всеобщее начало или его воплощение» [цит. по: Соловьев С. 1997: 123]. В данном ракурсе любовь каждого из трех друзей, узнающего в своей даме Белую Лилею и, стало быть, познающего только ее, *эту конкретную даму*, не только в библейском смысле, но и в обыденном и научно-философском, представляется даже более значимой. И более чем логично то, что в финале именно этим трем парам автор поручает исполнить гимн о сочетании белой лилии (любви возвышенной, идеальной) с алой розой (любовью земной, чувственной).

Что же касается любви Мортемира, то она в свете его петербургских интрижек больше напоминает искания дона Жуана из упомянутой драмы А.К. Толстого, который в каждой совращаемой им женщине ищет не единственную и неповторимую индивидуальность, а неземной идеальной образ, отчего и остается вечно неудовлетворенным, придя к результату, близкому к отчаянию и похожему на мортемировский:

Мне мир постыл, я быть хочу монахом;
Моей беспутной, невоздержной жизни

Познал я сквернь, и алчет беспредельно
Душа молитв, а тело власяницы! [Толстой А. 1980: 106].

Стремление постичь Софию одновременно и целиком, как она есть, минуя единичное во всей его конкретности и со всеми его опосредованиями, оказывается рискованным и, с большой степенью вероятности, безуспешным занятием. Такая любовь, описанная еще Пушкиным в известном стихотворении «Рыцарь бедный» (которое цитируется также в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»), чревата разочарованиями и трагизмом. Именно к ней можно отнести характеристику, данную близким другом Соловьева, Е.Н. Трубецким, любви самого Владимира Сергеевича, который, погружаясь в созерцание Мудрости Божественной, Софии, «...от явлений земной красоты ... всегда возносился к темно-синей лазури... Приковать к себе чувство Соловьева была бы в состоянии только та женщина, которая могла бы удержать в себе лазурь и светить ему небесным светом. Таких, как известно, немного. Из тех, которых он встречал, большинство поглощались “житейскими попечениями”, а потому не могли укорениться в душе философа» [Трубецкой 1913: 32].

Неразделенность, бесплодность (в смысле отсутствия биологического потомства), несчастный, вплоть до трагического, конец – все эти признаки, которые Соловьев в «Смысле любви» (1892–1894) относит к самым сильным случаям любовного чувства [Соловьев В. 1991d: 131-133], можно считать и автобиографическими. В грустно-меланхолические тона окрашена любовь Мортемира, мистерийного двойника Соловьева, которую только финальный уход в трансценденцию делает условно счастливой. Истинная любовь индивидуальна, она есть любовь к *этой* женщине, а не к женщинам вообще как роду [Соловьев В. 1991c: 98], ее смысл – «...в высшем проявлении индивидуальной жизни, находящей в соединении с другим существом собственную бесконечность» [Соловьев В. 1991d: 169], однако именно этой индивидуальности недостает Белой Лилии, и потому ее союз с Мортемиром не может быть союзом равных.

6. *София и Богородица*. Стоит обратить внимание еще на один штрих, связанный с взаимоотношением Софии и другого мистического женского образа, известного будущему философу с первых лет его жизни в семье с твердым православным укладом, – образа *Пресвятой Богородицы*. Сложная тема взаимоотношений Соловьева с Православной церковью требует самостоятельного рассмотрения, и вряд ли здесь правомерны крайние подходы, где философ либо просто оставляется внутри церковной ограды, либо полностью изгоняется из ее пределов¹. Но близость этих двух

¹ К первому типу можно отнести биографию, написанную В.Л. Величко, в которой Соловьев предстает как вполне ортодоксальный православный типаж при всей неординарности его личности. Классикой работ второго типа следует считать статью архиепископа, впоследствии митрополита Антония Храповицкого «Ложный пророк» (1908). «Запойный алкоголизм», «тщеславие и чувственность как регуляторы творческой мысли», «крайне циничные выходы против всякой вообще этики», «пропагандировал учения нравственного нигилиста Нитцше» (!?), «постоянное ломание, ложь и притворство», «бесцеремонно яхшался с революционерами и оплевывал свою родину» – все эти оценки вряд ли нуждаются в комментариях. Впрочем, митрополит Антоний не более высокого мнения и о последователях Соловьева,

образов весьма показательна, особенно если вспомнить, что первое свидание девятилетнего *Володиньки* с Вечной подругой состоялось в храме, на литургии в праздник Вознесения и во время одного из самых возвышенных и таинственных православных песнопений – Херувимской песни [Соловьев В. 1991e: 450]. Кроме того, не стоит забывать, что именно в православии особенно сильна тенденция представлять Богоматерь в чувственно-наглядной форме: иконография Пресвятой Девы здесь намного превосходит (по крайней мере, по объему) иконографию самого Иисуса Христа.

Сопоставление эпитетов, которыми в православных молитвах и канонах, хорошо известных Соловьеву, наделяется Богородица, с различными именами Софии, в том числе из «Белой Лилии», говорит об их почти полной тождественности. «Единая царица всех душ» и «Всецарица», «Дева рая» и «Дева чистая», «Пресвятая божественная София» (то есть мудрость, премудрость) и «Мать разума, всю вселенную держащего», «Царь-девица» и «Царице небесе и земли», «Владычица рая» и «Владычица мира» – не сразу рядовой читатель (тем более невоцерковленный) сможет распознать, что в каждой из этих пар первое выражение взято из текстов Соловьева, а второе – из канонических православных молитвословов. Эффект будет еще разительнее, когда мы поставим рядом, например, обращение «Высшая небес и чистшая светлостей солнечных» (стихира из Канона молебного ко Пресвятой Богородице) и жалобу солнца из «Белой Лилии»:

Или, когда я опять захожу
И уныло гляжу:
Не видал я ее и сегодня.
Горе мне! Ее нет,
Без нее ж белый свет
Для меня не милей преисподней! [Соловьев В. 1974: 229].

Вспомним, что образ из Апокалипсиса, на который часто ссылается Соловьев, – Жена, облеченная в солнце, мучающаяся родами и должна явить Слово, родить истину [Лосев 2000: 209–211], – это, согласно одному из традиционных церковных толкований, та же самая Богородица.

Очевидно, что Соловьев не противопоставляет свое видение Вечной женственности образу матери Иисуса. София – не конкурент и тем паче не антипод Девы Марии. Апологет синтеза и всеединства, Соловьев во всяком образе и идее ищет ценный и универсальный смысл. Образы и идеи,

«плодах соловьевской декаденщины» – «профессиональных лжецах» братьях Трубецких, Розанове, Мережковском и т.д. [Храповицкий 1908]. В русле этой традиции сделан документальный фильм «Повесть об антихристе. Владимир Соловьев» (автор Д. Менделеев, 2007). В частности, жизнеописание антихриста из «Трех разговоров» преподносится там как характеристика личности самого Соловьева. О степени документированности фильма можно судить хотя бы по тому факту, что автор-ведущий не различает двух полных тезок и родственников, Сергеев Михайловичей Соловьевых: цитируемые свидетельства одного из них, племянника философа, приписаны другому, отцу, умершему, когда сыну было только 26 лет, и не оставившему о нем подобных биографических данных.

сформировавшиеся в лоне православия, для него не исключение. Если он и противник чего-то в той или иной религии, так это *партикуляризм* – претензия выдать частное (национальное, культовое, догматическое, вероучительное) за всеобщее и исключительное, за абсолютную истину в последней инстанции. В этом плане и следует оценивать его отношение к образу Богородицы: он полностью приемлет его там, где речь идет об адекватном выражении вселенской истины, но дистанцируется от него (как правило, просто обходя молчанием) там, где конфессиональная специфика приходит, по его мнению, в противоречие с всемирно-историческим делом трансформации человечества из нынешнего состояния раздробленности и обособления в состояние единого, осознавшего свою общую миссию Богочеловечества.

Известно, что Соловьев обращался к переводам только в тех случаях, когда его серьезно привлекало содержание произведения, и никогда не занимался этой деятельностью ради того, чтобы прокормиться. Поэтому его обращение к «Хвалениям и молениям Пресвятой Деве» (1883) Петрарки нельзя считать случайным эпизодом. Легко заметить, что рисуемые переводчиком прекрасные образы совершенно свободны от конфессиональной ограниченности и близки, понятны всякому искреннему религиозному сознанию. Многие эпитеты здесь равно могут быть отнесены и к Деве Марии, и к Софии (как она предстает в собственных работах Соловьева): «В солнце одетая, звездно-венчанная Солнцем Превышшим любимая Дева», «в девах премудрых ярко светящая», «слава земной и небесной природы», «небо пленившая чистой красой». А в последней, седьмой строфе мы вновь встречаемся со знакомым цветком-символом:

Лилия чистая среди наших терний,
В мрачной пучине жемчужина ясная,
В пламени злом купина не горящая,
В общем потоке ладья безопасная... [Соловьев В. 1990b: 35-37].

В конце жизни Владимир Соловьев пишет небольшое предисловие к новому изданию повести А.К. Толстого «Упырь». Интересно оно тем, что суждения, формулируемые здесь, оказываются в равной степени применимыми как к философскому, так и к художественному творчеству. В повседневной жизни мы видим, подчеркивает философ, что события помимо причин наличных и очевидных подчиняются и более глубокой, всеобъемлющей причинности, но при этом менее ясной. «Под наружную повседневную связь житейских событий существует и чуткому вниманию открывается иная роковая жизненная связь, постоянная и строго-последовательная при всей неожиданности и кажущейся иррациональности своих проявлений...» [Соловьев В. 1990c: 459]. Рассмотренное нами произведение вполне укладывается в указанную характеристику: герои «Белой Лилии», попадая в нелепые, анекдотические ситуации, обнаруживают несостоятельность, поверхностность своих эмпирических и рассудочных представлений и открывают для себя иной, горний мир, со своими связями и детерминантами. Земная жизнь перестает казаться единственной и последней реальностью, но становится проекцией и преходящим модусом высшего бытия, обретает

глубинный смысл. Таков, по убеждению автора этой мистерии, путь, который так или иначе должен пройти всякий, чтобы состояться как личность и определить свое место в мироздании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аполлонская [Стравинская] И.А. 1914. Христианский театр. СПб. : Сириус. 189 с.
- Бердяев Н.А. 1937. Владимир Соловьев и мы [Электронный ресурс] // Современные записки : Обществ.-полит. и лит. журн. Париж. Вып. 18. С. 359-373. URL: <http://www.vehi.net> (дата обращения: 10.03.2016).
- Блок А. Рыцарь-монах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/ablock.html> (дата обращения: 14.03.2016). Статья представляет собой обработку речи, прочитанной А. Блоком 14 декабря 1910 г. на вечере в Тенишевском училище, посвящ. памяти В.С. Соловьева. Впервые опубликована в сб.: О Владимире Соловьеве. М., 1911.
- Булгаков С.Н. 2008. Владимир Соловьев и Анна Шмидт // Булгаков С.Н. Тихие думы: Этика, культура, софиология. СПб. : Изд-во Олега Абышко. С. 69-112.
- Величко В.Л. 2000. Владимир Соловьев: Жизнь и творения // Вл. Соловьев: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Соловьева в оценке русских мыслителей и исследователей : антол. : в 2 т. СПб. : РХГИ. Т. 1. С. 233-294.
- Гете И.В. 1978. Сказка / пер. с нем. И. Татариновой // Гете И.В. Собрание соч. : в 10 т. М. : Худож. лит. Т. 6. С. 193-220.
- Гете И.В. 1969. Фауст / пер. с нем. Н. Холодковского. М. : Дет. лит. 352 с.
- Гофман Э.Т.А. 1991. Золотой горшок / пер. с нем. Вл. Соловьева // Гофман Э.Т.А. Золотой горшок : [сборник]. М. : Совет. Россия. С. 3-78.
- Лосев А.Ф. 2000. Владимир Соловьев и его время. М. : Молод. гвардия. 613 с.
- Лукьянов С.М. 1990а. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 1 (гл. I–XII). Репр. М. : Книга. 442 с.
- Лукьянов С.М. 1990b. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 2 (гл. XIII–XVII). Репр. М. : Книга. 192 с.
- Лукьянов С.М. 1990c. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 3. Вып. 1. (гл. XVIII–XXV). Репр. М. : Книга. 368 с.
- Лукьянов С.М. 1990d. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 3. Вып. 2. (гл. XXVI–XXXII). Репр. М. : Книга. 260 с.
- Минц З.Г. 1974. Владимир Соловьев – поэт // Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. Л. : Совет. писатель. С. 5-56.
- Минц З.Г. 2000а. Блок и традиции русской демократической литературы // Минц З.Г. Блок и русский символизм : в 3 т. СПб. : Искусство. Т. 2: Александр Блок и русские писатели. С. 261-336.
- Минц З.Г. 2000b. К генезису комического у Блока (Вл. Соловьев и А. Блок) // Минц З.Г. Блок и русский символизм : в 3 т. СПб. : Искусство. Т. 2: Александр Блок и русские писатели. С. 389-442.
- Пращерук Н.В. (сост.) 1992. Мне нужен свет любви твоей: Любовная лирика 80–90-х гг. XIX в. / сост., вступ. ст. и примеч. Н.В. Пращерук. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во. 384 с.
- Прутков К. Сродство мировых сил: Мистерия в одиннадцати явлениях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kozma.ru/works/dramas/affinity.htm> (дата обращения: 01.02.2016).
- Рачинский Г.А. 1901. Взгляд В.С. Соловьева на красоту // Вопросы философии и психологии. М. Кн. 56 (1). С. 130-137.

Рижский М.И. 1991. Книга Иова: Из истории библейского текста. Новосибирск : Наука, Сибир. отд-ние. 248 с.

Роднянская И.Б. 2006. «Белая Лилия» как образец мистерии-буфф: к вопросу о жанре и типе юмора пьесы Владимира Соловьева // Роднянская И.Б. Движение литературы : в 2 т. М. : Яз. слав. культур. Т. 1. С. 164-182.

Соловьев В.С. 1974. Стихотворения и шуточные пьесы. Л. : Совет. писатель. 352 с.

Соловьев В.С. 1990а. Лермонтов // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М. : Книга. С. 441-457.

Соловьев В.С. 1990b. «Неподвижно лишь солнце любви...» : Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М. : Моск. рабочий. 445 с.

Соловьев В.С. 1990с. Предисловие [к книге А.К. Толстого «Упырь»] // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М. : Книга. С. 458-462.

Соловьев В.С. 1991а. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Смысл любви : избр. произведения. М. : Современник. С. 236-282.

Соловьев В.С. 1991b. На заре туманной юности // Соловьев В.С. Смысл любви : избр. произведения. М. : Современник. С. 459-473.

Соловьев В.С. 1991с. О лирической поэзии: По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Соловьев В.С. Смысл любви : избр. произведения. М. : Современник. С. 85-110.

Соловьев В.С. 1991d. Смысл любви // Соловьев В.С. Смысл любви : избр. произведения. М. : Современник. С. 125-182.

Соловьев В.С. 1991е. Три свидания (Москва – Лондон – Египет. 1862-75-76) : Поэма // Соловьев В.С. Смысл любви : избр. произведения. М. : Современник. С. 449-455.

Соловьев В.С. 1998. Красота в природе // Соловьев В.С. Избранные произведения. Ростов н/Д. : Феникс. С. 276-331.

Соловьев В.С. 1999. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Философское начало цельного знания. Минск : Харвест. С. 398-911.

Соловьев С.М. 1996. Богословские и критические очерки. Томск : Водолей. 256 с.

Соловьев С.М. 1997. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М. : Республика. 432 с.

Толстой А.К. 1980. Дон Жуан // Толстой А.К. Собрание соч. : в 4 т. М. : Правда. Т. 4. С. 5-118.

Толстой Л.Н. 1958. Юность // Толстой Л.Н. Собрание соч. : в 12 т. М. : Гослитиздат. Т. 1. С. 185-338.

Трубецкой Е.Н. 1911. Личность В.С. Соловьева [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/trubeckoj_e_n/text_1911_soloviev.shtml (дата обращения: 10.03.2016).

Трубецкой Е.Н. 1913. Мирозозерцание Вл.С. Соловьева : в 2 т. Т. 1. М. : Т-во тип. А.И. Мамонтова. 652 с.

Храповицкий А., митр. 1908. Ложный пророк [Электронный ресурс] / митрополит Антоний Храповицкий. URL: http://az.lib.ru/h/hrapowickij_a_p/text_1908_lozhny_prorok.shtml (дата обращения: 21.03.2016).

Цимбаев Н. 1991. Классический русский писатель // Соловьев В.С. Смысл любви : избр. произведения. М. : Современник. С. 3-26.

Шабуров Н.В. 2001. Плерома [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru> (дата обращения: 25.03.2016).

Шевченко Е.С. 2009. Шуточные пьесы В. Соловьева: у истоков символистской мистерии и символистского балагана // Вестн. Томск. гос. ун-та. Вып. 4 (72). С. 148-155.

Штайнер Р. 1918. Духовный облик Гете и его откровение в «Фаусте» и в «Сказке о змее и лилии» [Электронный ресурс]. URL: <http://bdn-steiner.ru> (дата обращения: 11.03.2016).

Штайнзальц А. 1990. Роза о тринадцати лепестках. Иерусалим ; М. ; Рига : Ша-мир. 220 с.

Энциклопедия символики и геральдики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php> (дата обращения: 11.03.2016).

V. Vasechko. Vladimir Solovyov i ego misteriya «Belaya Liliya»: istoriya sozdaniya, tekstologiya, sofiologiya [Vladimir Solovyov and his mystery “The White Lily”: origins, textology, sophiology], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 7-40. (in Russ.).

Vyacheslav Y. Vasechko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Article recived 28.03.2016, accepted 14.07.2016, available online 01.07.2017

VLADIMIR SOLOVYOV AND HIS MYSTERY “THE WHITE LILY”: ORIGINS, TEXTOLOGY, SOPHIOLOGY

Abstract: This article is an attempt of conceptual analysis of the prominent Russian thinker Vladimir Solovyov’s undiscovered work, namely, his play “The White Lily”, which genre he himself has defined as “mystery-joke”. In spite of the seeming entertainment and unpretentiousness, the play presents definite stage in the evolution of Solovyov’s thought, and expresses some principal points of his philosophical system albeit in a rather simplified and popular form. The text of the mystery (in both printed and handwritten versions) is considered in three main aspects. Firstly, we find out socio-empirical circumstances of its creation, the motives that guided the author of the mystery when he referred to the new unusual literary genre. The description of thinker’s personality, which is represented in the text in one way or another, is given. Secondly, the textual analysis is presented, which reveals the richness and diversity of the sources used by Solovyov, and provides an interpretation of the fundamental mystical characters and symbols appearing in the play. Special attention is payed to the Bible, especially books of the Old Testament, which influence on Solovyov’s work is underestimated by the researches. Thirdly, it is shown how the mystery text presents one of the fundamental concepts of Solovyov, namely, Sofia (“Wisdom of God”). In relation to this play, the author deals with such attributes of Sofia as completeness, materialization (spiritual physicality), ideality (transcendence), beauty, correlation with Eros. The thesis is substantiated that for the thinker Sofia and the Blessed Virgin Mary (Mother of God) are not antipodes but quite related concepts, and their ratio strives for full identity. In general, it is suggested to consider “The White Lily” as artistic expression of integral mystical-philosophical conception of the author, in which the earthly, everyday human life appears in the role of projections and transient modus of the Supreme transcendent reality.

Keywords: Vladimir Solovyov; “The White Lily”; mysticism; Sofia; Old Testament; Book of Job; Book of Isaiah; rose; lily; Mother of God.

References

Apollonskaya (Stravinskaya) I.A. *Khristianskiy teatr* [Christian Theatre], St. Petersburg, Sirius, 1914, 189 p. (in Russ.).

Berdyayev N.A. *Vladimir Solov'ev i my* [Vladimir Solovyov and we], *Sovremennye zapiski : Obshchestv.-polit. i lit. zhurn.*, Paris, 1937, iss. 18, pp. 359-373, available at: <http://www.vehi.net> (accessed 10 March 2016). (in Russ.).

Blok A. *Rytsar'-monakh* [Knight-the monk], available at: <http://www.vehi.net/soloviev/ablock.html> (accessed 14 March 2016). (in Russ.).

Bulgakov S.N. *Vladimir Solov'ev i Anna Shmidt* [Vladimir Solovyov and Anna Schmidt], S.N. Bulgakov, *Tikhie dumy: Etika, kul'tura, softologiya*, St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko, 2008, pp. 69-112. (in Russ.).

Velichko V.L. *Vladimir Solov'ev: Zhizn' i tvoreniya* [Vladimir Solovyov: Life and works], *Vl. Solov'ev: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Solov'eva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley : antol.*, in 2 vols., St. Petersburg, RKhGI, 2000, vol. 1, pp. 233-294. (in Russ.).

Goethe J.W. *Skazka* [Fairytale], *I.V. Gete, Sobranie soch.*, in 10 vols., Moscow, Khudozh. lit., 1978, vol. 6, pp. 193-220. (in Russ.).

Goethe J.W. *Faust* [Faust], Moscow, Det. lit., 1969, 352 p. (in Russ.).

Hoffman E.T.A. *Zolotoy gorshok* [The Golden pot], *Gofman E.T.A. Zolotoy gorshok : [sbornik]*, Moscow, Sovet. Rossiya, 1991, pp. 3-78. (in Russ.).

Losev A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremena* [Vladimir Solovyov and his time], Moscow, Molod. Gvardiya, 2000, 613 p. (in Russ.).

Luk'yanov S.M. *O Vl. S. Solov'eva v ego molodye gody. Materialy k biografii. Kn. 1 (gl. I-XII)* [About Vl. S. Solovyov in his younger years. Biographic materials. B. 1 (chap. I-XII)], repr., Moscow, Kniga, 1990, 442 p. (in Russ.).

Luk'yanov S.M. *O Vl. S. Solov'eva v ego molodye gody. Materialy k biografii. Kn. 2 (gl. XIII-XVII)* [About Vl. S. Solovyov in his younger years. Biographic materials. B. 2 (chap. XIII-XVII)], repr., Moscow, Kniga, 1990, 192 p. (in Russ.).

Luk'yanov S.M. *O Vl. S. Solov'eva v ego molodye gody. Materialy k biografii. Kn. 3. Vyp. 1. (gl. XVIII-XXV)* [About Vl. S. Solovyov in his younger years. Biographic materials. B. 3. Iss. 1 (chap. XVIII-XXV)], repr., Moscow, Kniga, 1990, 368 p. (in Russ.).

Luk'yanov S.M. *O Vl. S. Solov'eva v ego molodye gody. Materialy k biografii. Kn. 3. Vyp. 2. (gl. XXVI-XXXII)* [About Vl. S. Solovyov in his younger years. Biographic materials. B. 3. Iss. 2 (chap. XXVI-XXXII)], repr., Moscow, Kniga, 1990, 260 p. (in Russ.).

Mints Z.G. *Vladimir Solov'ev – poet* [Vladimir Solovyov as a poet], *Vl. Solov'ev Stikhotvoreniya i shutochnye pesy*, Leningrad, Sovet. pisatel', 1974, pp. 5-56. (in Russ.).

Mints Z.G. *Blok i traditsii russkoy demokraticeskoy literatury* [Blok and the democratic traditions of Russian literature], *Mints Z.G. Blok i russkiy simvolizm, in 3 vols.*, St. Petersburg, Iskusstvo, 2000, vol. 2, pp. 261-336. (in Russ.).

Mints Z.G. *K genezisu komicheskogo u Bloka (Vl. Solov'ev i A. Blok)* [To the genesis of the comic of Blok (Vl. Solovyov and A. Blok)], *Z.G. Mints, Blok i russkiy simvolizm, in 3 vols.*, St. Petersburg, Iskusstvo, 2000, vol. 2, pp. 389-442. (in Russ.).

Prashcheruk N.V. (comp.) *Mne nuzhen svet lyubvi tvoey: Lyubovnaya lirika 80–90-kh gg. XIX v.* [I need a light of your love. Love lyrics: 80-90-ies in the 19th century], Ekaterinburg, Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1992, 384 p. (in Russ.).

Prutkov K. *Srodstvo mirovykh sil: Misteriya v odinnadtsati yavleniyakh* [Affinity global forces: Mystery in eleven events], available at: <http://www.kozma.ru/works/dramas/affinity.htm> (accessed 01 February 2016). (in Russ.).

Rachinskiy G.A. *Vzglyad V.S. Solov'eva na krasotu* [V.S. Solovyov's view on beauty], *Voprosy filosofii i psikhologii*, Moscow, 1901, b. 56, no. 1, pp. 130-137. (in Russ.).

Rizhskiy M.I. *Kniga Iova: Iz istorii bibleyskogo teksta* [The book of Job: From the history of the biblical text], Novosibirsk, Nauka, Sibir. otd-nie, 1991, 248 p. (in Russ.).

Rodnyanskaya I.B. «*Belaya Liliya*» kak obrazets misterii-buff: k voprosu o zhanre i tipe yumora p'esy Vladimira Solov'eva [“The White Lily” as a mystery-bouffe: to the question about the genre and type of humor of Vladimir Solovyov’s play], I.B. Rodnyanskaya, *Dvizhenie literatury*, in 2 vols., Moscow, Yaz. slav. kul'tur, 2006, vol. 1, pp. 164-182. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and humorous plays], Leningrad, Sovet. pisatel', 1974, 352 p. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Lermontov* [Lermontov], V.S. Solov'ev, *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika*, Moscow, Kniga, 1990, pp. 441-457. (in Russ.).

Solovyov V.S. «*Nepodvizhno lish' solntse lyubvi...*» : *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [“Still only Sun love...”]: Poems. Prose. The letters. Memoirs of contemporaries], Moscow, Mosk. rabochiy, 1990, 445 p. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Predislovie k knige A.K. Tolstogo «Upyr'»* [Preface to A.K. Tolstoy’s book “Ghoul”], V.S. Solov'ev, *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika*, Moscow, Kniga, 1990, pp. 458-462. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Zhiznennaya drama Platona* [Drama of Plato’s life], V.S. Solov'ev, *Smysl lyubvi : izbr. proizvedeniya*, Moscow, Sovremennik, 1991, pp. 236-282. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Na zare tumannoy yunosti* [At the dawn of a nebulous youth], V.S. Solov'ev, *Smysl lyubvi : izbr. proizvedeniya*, Moscow, Sovremennik, 1991, pp. 459-473. (in Russ.).

Solovyov V.S. *O liricheskoy poezii: Po povodu poslednikh stikhotvoreniy Feta i Polonskogo* [On lyric poetry: about the latest poems of Fet and Polonsky], V.S. Solov'ev, *Smysl lyubvi : izbr. proizvedeniya*, Moscow, Sovremennik, 1991, pp. 85-110. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Smysl lyubvi* [Sense of love], V.S. Solov'ev, *Smysl lyubvi : izbr. proizvedeniya*, Moscow, Sovremennik, 1991, pp. 125-182. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Tri svidaniya (Moskva – London – Egipt. 1862-75-76)* [Three visits (Moscow – London – Egypt. 1862-75-76)], V.S. Solov'ev, *Smysl lyubvi : izbr. proizvedeniya*, Moscow, Sovremennik, 1991, pp. 449-455. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Krasota v prirode* [Beauty in nature], V.S. Solov'ev, *Izbrannyye proizvedeniya*, Rostov-on-Don, Feniks, 1998, pp. 276-331. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Kritika otvlechennykh nachal* [Criticism of abstract principles], V.S. Solov'ev, *Filosofskoe nachalo tsel'nogo znaniya*, Minsk, Kharvest, 1999, pp. 398-911. (in Russ.).

Solovyov S.M. *Bogoslovskie i kriticheskie ocherki* [Theological and critical essays], Tomsk, Vodoley, 1996, 256 p. (in Russ.).

Solovyov S.M. *Vladimir Solov'ev: Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya* [Vladimir Solovyov’s life and creative evolution], Moscow, Respublika, 1997, 432 p. (in Russ.).

Tolstoy A.K. *Don Zhuan* [Don Juan], A.K. Tolstoy, *Sobranie soch., in 4 vols.*, Moscow, Pravda, 1980, vol. 4, pp. 5-118. (in Russ.).

Tolstoy L.N. 1958. *Yunost'* [Youth], L.N. Tolstoy, *Sobranie soch., in 12 vols.*, Moscow, Goslitizdat., vol. 1, pp. 185-338. (in Russ.).

Trubetskoy E.N. *Lichnost' V.S. Solov'eva* [V.S. Solovyov’s personality], available at: http://az.lib.ru/t/trubeckoj_e_n/text_1911_soloviev.shtml (accessed 10 March 2016). (in Russ.).

Trubetskoy E.N. *Mirosozertsanie Vl.S. Solov'eva : v 2 t. T. 1* [Vl.S. Solovyov’s world outlook, in 2 vols., vol. 1], Moscow, T-vo tip. A.I. Mamontova, 1913, 652 p. (in Russ.).

Khrapovitskiy A. *Lozhnyy prorok* [The false prophet], available at: http://az.lib.ru/h/hrapowickij_a_p/text_1908_lozhny_prorok.shtml (accessed 21 March 2016). (in Russ.).

Tsimbaev N. *Klassicheskiy russkiy pisatel'* [The classical Russian writer], *V.S. Solov'ev, Smysl lyubvi : izbr. proizvedeniya*, Moscow, Sovremennik, 1991, pp. 3-26. (in Russ.).

Shaburov N.V. *Pleroma* [Pleroma], *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, 2001, available at: <http://iph.ras.ru> (accessed 25 March 2016). (in Russ.).

Shevchenko E.S. *Shutochnye p'esy V. Solov'eva: u istokov simvolistskoy misterii i simvolistskogo balagana* [V. Solovyov's comic plays: at the beginnings of the Symbolist mysteries and the Symbolist balagans], *Vestn. Tomsk. gos. un-ta*, 2009, iss. 4 (72), pp. 148-155. (in Russ.).

Shtayner R. *Dukhovnyy oblik Gete i ego otkrovenie v «Fauste» i v «Skazke o zmee i lilii»* [Spiritual image of Goethe and his revelation in “Faust” and “Tale of the Serpent and the Lily”], available at: <http://bdn-steiner.ru> (accessed 11 March 2016). (in Russ.).

Shtaynzal'ts A. *Roza o trinadtsati lepestkakh* [The rose with thirteen petals], Jerusalem, Moscow, Riga, Shamir, 1990, 220 p. (in Russ.).

Entsiklopediya simvoliki i geraldiki [Encyclopedia of Symbols and Heraldry], available at: <http://www.symbolarium.ru/index.php> (accessed 11 March 2016). (in Russ.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Трахтенберг А.Д. Идеологический концепт электронного правительства: как работает риторика разрыва? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 2. С. 41–58.

УДК 316.772.5

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.2.4158

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: КАК РАБОТАЕТ РИТОРИКА РАЗРЫВА?

Анна Давидовна Трахтенберг

кандидат политических наук,

старший научный сотрудник отдела философии

Института философии и права УрО РАН,

г. Екатеринбург. E-mail: cskiit@yandex.ru

Материал поступил в редколлегию 07.04.2017 г.

В статье анализируется глобальный концепт электронного правительства. Автор делает вывод, что концепт основан на риторике разрыва. Концепт отличает циклический характер эволюции: постоянно появляются все более совершенные версии (самая последняя – цифровое правительство). Каждый новый вариант строится с учетом последних достижений технологического прогресса на текущий период, однако при этом ключевой тезис о разрыве с прошлым состоянием государства, то есть о кардинальной трансформации классической «веберовской» системы государственного управления под влиянием информационных технологий, остается в неприкосновенности. Концепт работает по принципу «антиполитической машины», обеспечивая редукцию политических проблем, связанных с ролью государства в информационном обществе, до технических и одновременно легитимируя расширение и развитие системы разрешительных полномочий органов власти. Анализ «серой литературы» и документов государственного стратегического планирования РФ позволяет проследить, как риторика разрыва сохраняет устойчивость благодаря постоянному переосмыслению, дополнению и поддерживающим объяснениям.

Ключевые слова: государственное управление, электронное правительство, риторика разрыва, «антиполитическая машина».

Внедрение в государственное управление информационно-коммуникационных технологий является общемировой тенденцией. Это внедрение породило глобальный дискурс, в соответствии с которым переход государственного управления на новую технологическую основу (электронные базы данных, «безбумажный документооборот», геоинформационные системы, краудсорсинговые платформы и т.п.) означает также его институциональную перестройку, изменение всей системы отношений как внутри органов власти (переход от взаимодействия преимущественно по вертикали к взаимодействию по горизонтали), так и между органами власти и обществом (сотрудничество вплоть до совместного принятия решений). Для описания ожидаемого революционного результата используется термин «электронное правительство».

Подчеркнем, что данный термин связан с идеей реформирования системы государственного управления с момента своего появления в 1993 г. Термин «Electronic government» впервые был употреблен в аналитическом отчете о состоянии системы государственного управления США («National Performance Review», далее NPR), подготовленном в рамках анонсированной администрацией Б. Клинтона реформы по «изобретению правительства заново» («reinventing government», далее REGO). Еще во время предвыборной кампании Б. Клинтон заявлял о необходимости радикально модернизировать аппарат государственного управления, в условиях информационной революции безнадежно отставший от потребностей общества. В общем плане это означало строительство государственного управления исходя из принципов корпоративного менеджмента (соответствующая модель получила название «новый государственный менеджмент» и неоднократно подробно анализировалась в научной литературе, включая отечественную [Оболонский 2014; Барабашев 2016]). Одним из главных направлений модернизации должно было стать широкое внедрение информационных технологий.

В качестве сопровождения и пояснения к NPR был опубликован стратегический документ «Реинжиниринг посредством информационных технологий», в котором утверждалось, что «правительство будущего» (то есть электронное правительство) преодолет барьеры времени и пространства и станет предоставлять людям информацию и услуги там и тогда, где и когда им это будет нужно. Авторы прямо указывали источник своего вдохновения – электронную торговлю (e-commerce): «...электронное правительство – это расширение идеи, впервые реализованной в системе электронных банковских платежей. Точно так же как банкоматы, пластиковые кредитные карточки и национальные сети сделали банки более удобными, электронное правительство сделает взаимодействие с государством более легким и быстрым» [Reengineering... 1993]. Иными словами, речь шла о максимальном снижении транзакционных издержек. Использование информационных технологий находилось в одном ряду с другими мерами, направленными на повышение процессной эффективности деятельности чиновников и раз-

витие частно-государственного партнерства. Для нового государственного менеджмента вообще был характерен культ будущего и эффективности не как инструментальных, а как нормативных ценностей (на что уже в 1994 г. обратил внимание, критикуя REGO, Р. Мо [Мое 1994]).

Реформа Б. Клинтона так и не привела к тем кардинальным переменам, которые были обещаны, однако каждый следующий американский президент, вне зависимости от того, какую партию он представлял, считал долгом заявить о своей приверженности концепту электронного правительства. Это касается и Дж. Буша, по инициативе которого в 2002 г. для обеспечения сильного лидерства при внедрении информационных технологий в федеральные ведомства, четкой регламентации стандартов и программ информационной безопасности и единых норм охраны информации, получаемой от граждан в статистических целях [About E-Gov 2002], был принят закон об электронном правительстве («E-Government Act»), и Б. Обамы, поставившего в 2009 г. в меморандуме «О прозрачности и открытом правительстве» задачу с помощью данных, накопленных при посредстве информационных технологий, обеспечить беспрецедентный уровень открытости правительства, сформировав систему прозрачности, гражданского участия и сотрудничества [Obama 2009]. Даже Д. Трамп, позиционирующий себя как *enfant terrible* в сфере американской политики, счел нужным создать Агентство американских инноваций (ОАИ), которое должно, в числе прочего, провести модернизацию технологической инфраструктуры и баз данных всех министерств и ведомств и вообще внедрить в систему государственного управления «новейшие инновации» [Parker, Rucker 2017].

Таким образом, электронное правительство в дискурсивном плане выступает как воплощение общего блага, существующего поверх политических различий. На подчеркнутую политическую нейтральность концепта еще в 2005 г. обратил внимание Р. Вест, обобщивший опыт первого десятилетия развития электронного правительства в США: «Основная идея состояла в том, что электронное управление – это технократическая реформа без политической или идеологической повестки, направленная исключительно на повышение эффективности государственного управления» [West 2005: 43].

С учетом символической значимости информационных технологий в современной культуре как воплощения технического, а следовательно, и социального прогресса популярность концепта «электронное правительство» у американских политиков не вызывает удивления. Эта же символическая значимость обеспечила и выход концепта на международный уровень. В соответствии с моделью «управленческой моды» Э. Абрахамсона мейнстримная управленческая технология должна поддерживать уверенность в возможности рационального управленческого прогресса [Abrahamson 1996]. Внедрение информационных технологий не только порождает такую уверенность, но и создает основания для дополнительной рациональной легитимации системы государственного управления как передовой, современной, соответствующей запросам общества.

Международная мода на электронное правительство породила огромный объем экспертной «серой литературы», посвященной проблемам

адаптации государства к условиям информационного общества и производимой влиятельными международными организациями (ООН, Всемирный банк) и глобальными игроками экспертного рынка в сфере менеджмента и информационных технологий (консалтинговые компании Accenture, Gartner, Capgemini), а также международными ИТ-корпорациями, предлагающими конкретные (весьма дорогостоящие) решения, призванные революционизировать систему государственного управления (IBM, Microsoft, HP, Cisco и др.).

О приобретении концептом «электронное правительство» международного статуса свидетельствует и тот факт, что с 2001 г. Департамент по экономическому и социальному развитию ООН начал вести мониторинг готовности стран мира к его развитию. Каждые два года публикуется международный рейтинг электронного правительства, в котором на основе анализа национальных государственных порталов (и с учетом ряда статистических показателей, таких как уровень проникновения Интернета и количество граждан, получивших вторичное и выше образование) оценивается, какое место занимает та или иная страна. Тем самым национальные правительства подталкиваются к использованию концепта, если они хотят соответствовать требованиям ООН.

В дискурсе электронного правительства постоянно воспроизводится риторика разрыва [Necht 2012] с прошлым, устаревшим и неправильным, состоянием. Глобальный дискурс регулярно обогащается концептами, описывающими этот разрыв: «электронное правительство», «правительство 2.0», «открытое правительство», «умное правительство», «мобильное правительство», «цифровое правительство» и т.п. Каждый концепт строится с учетом последних достижений технологического прогресса на текущий период, однако при этом базовый тезис о кардинальной трансформации классической «веберовской» системы государственного управления под влиянием информационных технологий остается в неприкосновенности.

Так, в отчете ООН за 2016 г. под электронным правительством понимается использование новейших электронных и мобильных решений для того, чтобы сделать предоставление государственных услуг более эффективным, доступным и отвечающим запросам граждан, а также для вовлечения граждан в принятие решений и повышения прозрачности и подотчетности государственных органов власти [United Nations E-Government Survey 2016: 1]. На первый взгляд, риторика разрыва тут практически отсутствует – ожидаемые изменения носят скорее количественный, чем качественный характер. Однако затем она вновь появляется: оказывается, что новейшие технологические решения, такие как «Большие данные», Интернет вещей, геоинформационные системы, создают возможности для формирования принципиально новой системы «предварительного управления» (anticipatory government) и проактивного предоставления гражданам услуг. В конечном счете должен совершиться переход от «правительства для вас» к «правительству с вами», когда органы власти не просто предвидят потребности людей и удовлетворяют их, но представляют собой платформы, на которой граждане и органы власти вместе ищут решение социальных проблем. Подобная модель получила название «цифровое правительство» [United Nations E-Government Survey 2016: 51].

Риторика электронного правительства можно рассматривать как частный случай работающей риторики (*workable rhetoric*) [Hood 2000: 171] государственного управления. В работающих риториках основным приемом является энтимема (неполно приведенный аргумент, недостающие части которого подразумеваются как очевидные). Рассуждение строится в виде цепочки утверждений, которые сопровождаются набором положительных примеров (в нашем случае – того, сколько пользы принесло гражданам внедрение электронного правительства) [Hood 2000: 183]. Мы называем этот риторический прием «пропуск хода»: например, в убедительном рассуждении о преимуществах *использования* «Интернета вещей», которое приведет к резкому сокращению государственных расходов на жилищно-коммунальное хозяйство, поскольку его состояние будет контролироваться в оперативном режиме, опускается упоминание того, что *внедрение* «Интернета вещей» и его поддержание в рабочем состоянии требуют, в свою очередь, расходов – и весьма значительных. Иными словами, описываются крайне позитивные конечные результаты внедрения при игнорировании неизбежных промежуточных проблем. На фоне рисующихся ослепительных перспектив реальные затраты и возможные проблемы кажутся незначительными.

Риторика электронного правительства успешно действует в самых неподходящих условиях. Так, под влиянием международной административной моды (и давлением Всемирного банка и международных фондов) развитием электронного правительства озаботились даже беднейшие страны Африки. Сторонников электронного правительства не смущает явное отсутствие экономических, социальных и организационных предпосылок к внедрению соответствующего комплекса технологий.

Например, в статье, посвященной сравнительному анализу перехода к электронному правительству в Иордании, Эфиопии и на Фиджи, авторы уверенно рассуждали о высоком антикоррупционном потенциале электронного правительства [Pathak et al. 2012], несмотря на то что, по их же собственным словам, в данных странах отсутствовала необходимая инфраструктура, государственные информационные ресурсы отличались низким качеством («дисфункциональны или устарели» [Pathak et al. 2012: 315]), граждане не владели компьютерной грамотностью и были слабо информированы о возможности взаимодействия с органами власти в электронном виде, а политическая ситуация отличалась высоким уровнем нестабильности; все это не позволяло сколько-нибудь эффективно планировать информатизацию. Иными словами, в анализируемых странах практически не имелось условий для «революции в управлении» посредством внедрения информационных технологий, что не мешало авторам сохранять оптимизм и рекомендовать в качестве основного рецепта достижения успеха широкое использование маркетинговых технологий с целью «продажи» гражданам преимуществ электронного правительства (опять осуществляя «пропуск хода», связанный с отсутствием средств, специалистов и интереса у граждан).

Данная статья представляется достаточно типической. И. Гальярдоне с соавторами, проанализировав целый комплекс исследований внедрения электронного правительства в странах Африки, пришли к выводу,

что информационные технологии описываются в них как существующие в своем собственном измерении и создающие новый слой возможностей, влияющих на функционирование государства, а не как новая переменная, которая вводится в уже сложившееся властные структуры и социальные сети [Gagliardone et al. 2015: 9].

Африканская ситуация именно в силу контраста между риторикой и реальностью показывает, что концепт электронного правительства достаточно агрессивно отрицает национальную специфику, а если и признает, то в самом ограниченном смысле: как препятствие, или, наоборот, как стимул к революции в государственном управлении, которую призваны совершить информационные технологии. Это не означает, что не предпринимаются усилия данную специфику все-таки выявить (например, на богатом китайском материале [см.: Kluver 2005; Holliday, Yep 2005; Schlaeger 2014]). Однако она оказывается трудноуловимой, что, скорее всего, свидетельствует о непригодности концепта «электронное правительство» для ее описания. Он принципиально не предполагает учета особенностей политического режима, политической и административной культуры и т.п., то есть тех самых характеристик, которые и определяют соответствующую национальную специфику.

Столь же непроницаем данный концепт для национальных неудач: по весьма приблизительным подсчетам Дж. Хикса, около четверти IT-проектов в сфере государственного управления в развитых странах завершаются полным провалом, а еще от трети до трех пятых – провалом частичным. В развивающихся странах полные провалы характерны для половины проектов, а частичные – для трети [Heeks].

Более того, на основе существующих методов определения результатов внедрения электронного правительства в лучшем случае можно оценить внутреннюю эффективность (efficiency), то есть насколько рачительно израсходованы выделенные на тот или иной проект средства, однако практически невозможно дать оценку его реальной пользы (efficacy) для конечных потребителей. Эксперты даже заговорили о парадоксе электронного правительства [Bertot, Jaeger 2008; Castelnovo 2010; Salvodelli, Codagnone, Misuraca 2012], связанном с практическими сложностями, порождаемыми попытками найти доказательства его полезности. А. Джайн описал данный парадокс применительно к США: проведенное им исследование показало, что чем больше отдельные штаты вкладывают в информационную инфраструктуру, тем хуже функционирует в этих штатах система государственного управления [Jaen 2003].

Таким образом, мы имеем дело с концептом, не позволяющим ни выявить национальную специфику, ни оценить результаты внедрения информационных технологий. Тем не менее он продолжает активно и широко использоваться и как объяснительная, и как оправдательная схема при выборе приоритетов развития системы государственного управления (и оценке эффективности соответствующих вложений).

При этом в обзорах литературы, посвященной внедрению электронного правительства в развитых странах и его диффузии в развивающийся мир, постоянно повторяются жалобы на то, что в академических исследованиях электронного правительства акцент делается на изучении техно-

логических, пользовательских и организационных аспектов электронного правительства, а не на рассмотрении политических, властных и социальных последствий широкого внедрения информационных технологий в государственное управление [Lipps, Schurpan 2009: 741]. Данная ситуация является в высшей степени устойчивой. В новейшем исследовании, посвященном истории электронного правительства, вновь подчеркиваются ярко выраженный технократический уклон и неоправданный технооптимизм большинства исследователей («история все время повторяется, и все новые технологии приветствуются как рассвет новой эры» [Bannister, Gronlund 2017: 2949]) и признается, что политологи по-прежнему держат проблему электронного правительства «на расстоянии вытянутой руки».

Можно предположить, что суть дела заключается не столько в элитарном сознании политологов, для которых концепт, имеющий своей основой наивный технологический детерминизм, не представляет сколько-нибудь значимого интереса, сколько в том, что данный концепт вообще не является теоретическим. Он не поддается фальсификации, так как выступает идеологическим конструктом, а «ключевое отличие идеологии от других типов нарративов состоит в том, что они встроены в процесс принятия политических решений» [Вахштайн 2014: 11].

Поэтому содержание концепта «электронное правительство», с одной стороны, контингентно, то есть зависит от национальной конфигурации влияний и инициатив, которая обуславливает принятие и принципиально-политического, и конкретных решений о внедрении информационных технологий в управление, а с другой – наднационально, ориентировано на следование международным стандартам.

Так, анализ документов государственного стратегического планирования 1994–2006 гг., посвященных переходу к электронному правительству, проведенный В. Беккерсом и В. Хомбургом в шести разных странах: в США, Великобритании, Австралии, Канаде, Нидерландах и в Дании, показал их полное содержательное тождество [Bekkers, Homburg 2007]. Беккерс и Хомбург выделили четыре основных мифа, которые повторялись из документа в документ: миф об электронном правительстве как новом и лучшем правительстве, миф об информационных технологиях как источнике прогресса, миф о плановом внедрении этих технологий и миф о просвещенном гражданине, потребность которого во влиянии на власть удовлетворяется электронным правительством. Авторы особо подчеркивали, что это именно мифы, имеющие мало общего с историей реального «грязного» («muddy») внедрения и использования информационных технологий в государственном управлении, однако устойчиво воспроизводящиеся вне зависимости от специфики соответствующей национальной среды.

О том, что информационные технологии являются мощной мифопорождающей структурой, существует достаточно обширная литература [Carey 1989; Sconce 2000; Mosco 2004; Barbrook 2007; Huhtamo, Parikka 2011; Curran, Fenton, Freeman 2016]. Вполне активно ведется и анализ концепта электронного правительства с позиций «критики технократической идеологии» [Morozov 2012; Tkacz 2014; Keen 2015], причем указываются и конкретные

носители данной идеологии – технологические магнаты Силиконовой долины (Е. Морозов, Н. Ткач), антикоммунистические экспертные институты времен «холодной войны», разрабатывавшие идеологию, способную противостоять марксизму (Р. Барбрук), неолиберальные экономисты (Р. Хассан) и т.д.

Однако в настоящее время нам известна только одна попытка создать теоретическую модель, в которой по возможности учитываются все участники процессов принятия решений в сфере электронного правительства. Это модель «опасного энтузиазма» Р. Голда и Ш. Голдфинч [Gould, Goldfinch 2006].

Сама по себе идея вписать информационные технологии в соответствующий организационный контекст принадлежит Дж. Фонтейн, ставшей автором пионерской работы об институциональной адаптации информационных технологий в системе государственного управления США [Fountain 2001]. Однако Дж. Фонтейн, а вслед за ней и Дж. Хикса [Heeks 2005] интересовало прежде всего то, каким образом организационный контекст определяет реальные пределы и эффективность использования информационных технологий, а не способ воспроизводства идеологии электронного правительства в этом контексте.

Р. Голд и Ш. Голдфинч выделили четыре основные группы участников процесса информатизации государственного управления, для каждой из которых характерна вера в абсолютные преимущества электронного правительства. Это сами сотрудники системы государственного управления, прежде всего высокопоставленные чиновники, принимающие решения о внедрении государственных систем, а также представители IT-индустрии, экспертного сообщества и посредники – «продажники». Каждую из этих групп отличает своя разновидность «опасного энтузиазма»: для государственных чиновников характерно преувеличение потенциала информационных технологий вплоть до их «идолизации», руководители IT-кампаний страдают технофилией, полагая, что с помощью новейших технологий можно решить любую проблему (Е. Морозов называет подобный подход «Интернет-центризм»), эксперты подвержены административной моде и склоняются к модным решениям хронических управленческих проблем, а посредники обязаны рекламировать достоинства предлагаемого товара с целью обеспечить его продажу. В результате риторика разрыва поддерживается и воспроизводится усилиями всех указанных выше сторон.

Нетрудно заметить, что среди них нет конечного потребителя: ни рядовых сотрудников органов власти, которым предстоит работать с новыми технологиями, ни рядовых сотрудников IT-кампаний, которые будут справляться с техническими проблемами-«багами», ни собственно граждан, жизнь которых призваны облегчить проекты в сфере электронного правительства. Таким образом, отсутствуют участники, которые могли бы поставить риторику разрыва под сомнение. Нельзя сказать, что это не осознается: «серая литература» в изобилии содержит рекомендации учитывать мнение рядовых исполнителей и вовлекать их в принятие решений, а также изучать и полнее удовлетворять потребности граждан [см., напр.: United Nations E-Government Survey 2016: 9]. Однако на практике принятие решений осуществляется по схеме, предложенной Р. Голдом и Ш. Голдфинч.

А это означает, что в сфере электронного правительства в полной мере действует так называемая дилемма Коллингриджа: если основные решения утверждаются централизованно, причем участвующие в обсуждении эксперты заинтересованы в укреплении своих институциональных позиций путем поддержки проекта, а потенциальные конечные пользователи полностью отсечены от принятия решений [Collingridge 1990: 13], то, до того как система внедрена, отрицательные последствия ее внедрения не могут быть просчитаны, и, после того как на ее внедрение потрачены значительные средства, внести какие-то изменения практически невозможно, в связи с чем приходится продолжать двигаться в раз избранном направлении, игнорируя проблему эффективности.

Поэтому те, кто отвечает за судьбу проекта, используют целую серию приемов, направленных на то, чтобы поддерживать риторику разрыва, нейтрализуя проблему эффективности. В частности, парадокс электронного правительства объясняется четырьмя способами. Ответственность может быть возложена на неправильную систему измерения, не позволяющую выявлять реальные эффекты, на то, что после внедрения прошло слишком мало времени, чтобы оценить эти эффекты, на то, что сами эффекты носят противоречивый характер (для одних групп они есть, для других – нет, так что итоговая сумма кажется нулевой), а также на ошибки менеджмента и недостаточную квалификацию исполнителей [Salvodelli, Codagnone, Misuraca 2012]. Чаще всего, по нашему мнению, используются первый и четвертый способы.

Возможна и постановка новой цели так, чтобы открывшиеся ослепительные перспективы (например, не просто предоставление государственных услуг он-лайн в рамках электронного правительства, а предоставление проактивных персонализированных электронных услуг в рамках цифрового правительства) заслонили хронические проблемы, в частности то, что реально в электронном виде оказываются в основном информационные услуги. Собственно, и этим, а не только постоянным появлением новых решений в сфере информационно-коммуникационных технологий объясняется непрерывное размножение моделей электронного правительства: желаемое будущее каждый раз называется по-разному, но в основе лежит все та же вера, что с помощью новых технологий можно произвести управленческую революцию.

Таким образом, риторика разрыва сохраняет устойчивость только благодаря постоянному переосмыслению, дополнению и поддерживающим объяснениям («пока не получилось, но вот-вот получится обязательно», «уже получается, но пока не у всех», «те, у кого не получается, не проявляют достаточной политической воли» и т.п.). Она одновременно непроницаема и открыта, причем каждая конкретная конфигурация определяется множеством факторов: международной модой, политическими решениями на высшем уровне, характером отношений между заказчиками и исполнителями на среднем уровне, степенью убедительности посредников-«продажников» и воздействия экспертов и т.п. В той мере, в какой конкретные конфигурации отражаются в «серой литературе», можно говорить о национальной специфике. Однако, как правило, риторика разрыва эту специфику сглаживает, поэтому она чаще находит отражение в «отходах» экспертного

производства, не попадающих в окончательные редакции стратегических документов, в коррекциях этих документов, носящих, на первый взгляд, странный и нелогичный характер, а также в анализе неудач, который, как правило, имеется в констатирующей части стратегических документов.

Чтобы пояснить, о чем идет речь, приведем несколько примеров, основанных на изучении стратегических документов в сфере электронного правительства Российской Федерации.

Первый пример связан с «Системным проектом электронного правительства», который готовился по поручению Президента РФ Д.А. Медведева в 2009–2010 гг. и был официально утвержден в 2010 г. [Системный проект формирования... 2010b].

В первоначальной редакции проекта была сделана попытка описать электронное правительство с позиций базовой структуры управления. Характерно, что отношения государства и общества в базовой структуре определялись словом «забота», а электронное правительство понималось как «новая форма проявления такой заботы» [Системный проект формирования... 2010а: 452]. При этом особо подчеркивалось, что эта базовая конструкция постоянно самовоспроизводится и электронное правительство не может ее принципиально поколебать. Было прямо заявлено, что технологии играют в этом отношении второстепенную (декоративную) роль [Системный проект формирования... 2010а: 447]. В окончательный вариант «Системного проекта...» эти рассуждения, отражающие некоторые существенные особенности отечественной модели взаимодействия власти и общества, не вошли.

«Системный проект...» разрабатывался для того, чтобы лечь в основу государственной программы «Информационное общество» [Распоряжение Правительства РФ № 1815-р, 2010], которая должна была сменить истекшую в 2010 г. Федеральную целевую программу (ФЦП) «Электронная Россия». Однако данная программа оказалась, по сути, автономным документом. В первоначальной редакции программы 2010 г. еще присутствовали подпрограмма 2 «Электронное государство и эффективность государственного управления» и целевые показатели, ориентированные на предоставление государственных услуг в электронном виде. Но в 2011 г. подпрограмму 2 сменила подпрограмма «Информационное государство» (термин, ранее нигде не фигурировавший и вызвавший явное удивление большинства экспертного сообщества). Цель подпрограммы была сформулирована предельно абстрактно: повышение уровня взаимодействия граждан, организаций и государства на основе информационных и телекоммуникационных технологий.

Чтобы понять, что произошло, следует проанализировать, какие изменения были внесены в целевые показатели стратегии (с помощью которых определяется ее эффективность). Ими стали доля электронного документооборота между органами государственной власти в общем объеме межведомственного документооборота, доля органов власти, имеющих скорость передачи данных не менее 2 Мбит/сек, и доля органов власти, использующих электронную подпись. Иными словами, электронные услуги из числа показателей выпали. Можно предположить, что таким образом нашли отражение интересы единого национального оператора электронного правительства

ОАО «Ростелеком»: были введены показатели, характеризующим развитие инфраструктуры вне зависимости от того, насколько эффективно эта инфраструктура способствует оказанию государственных услуг. Это означало выход за пределы привычного дискурса электронного правительства, поэтому пришлось ввести новый термин «информационное государство».

Однако данное отклонение от международного стандарта было довольно быстро преодолено. 6 мая 2012 г. вышел Указ Президента РФ от № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», в соответствии с которым доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к 2018 г. должна достичь не менее 70%, при этом уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг должен составить не менее 90% [Указ Президента РФ № 601, 2012]. Тем самым в центр снова были поставлены электронные услуги и произошло возвращение к стандартной международной системе оценки эффективности.

Указ № 601 породил целую серию концептуальных и нормативных документов и потребовал подготовки нового «Системного проекта электронного правительства». Такое поручение было дано в 2013 г., но новый вариант проекта появился только в 2016 г. Он учел все новейшие интернациональные тенденции, и прежде всего модель проактивного предоставления государственных услуг и концепт электронного правительства как платформы. Это было более чем актуально, поскольку в 2016 г. Российская Федерация опустилась в рейтинге UN DESA с 27-го на 35-е место, что было обусловлено недостаточным развитием транзакционных и коннективных сервисов [United Nations E-Government Survey 2016: 47].

Электронное правительство определено в «Системном проекте...» в соответствии с международной риторикой разрыва как система организации деятельности федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, обеспечивающая на основе применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия при реализации функций (оказании услуг) [Системный проект электронного правительства... 2016: 9]. Как особое направление развития электронного правительства были выделены поддержка гражданского общества и вовлечение граждан в процессы государственного и муниципального управления (краудсорсинг-проекты, народный контроль, общественные обсуждения и т.п.). Принципами развития электронного правительства должны были стать «ноль бумаги», «ноль чиновников» и «ноль проблем взаимодействия», что предполагает максимально эффективное и результативное управление, в котором рутинные процедуры полностью автоматизированы. Вводилась так называемая «реестровая модель» оказания государственных и муниципальных услуг, подразумевающая результат услуги в виде сведений в базовом государственном информационном ресурсе (БГИР) без выдачи результата на бумажном носителе [Системный проект электронного правительства... 2016: 31]. Получившийся концепт было предложено называть не электронным, а цифровым правительством в полном соответствии с текущей международной модой.

Однако в ходе заседания Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (24 октября 2016 г.) «Системный проект...» был подвергнут резкой критике. В частности, указывалось, что он не учитывает специфику российских регионов. Основным доводом против утверждения проекта стала непроработанность предлагаемых механизмов, что может привести к разрушению уже имеющихся структур без создания и отладки новых [Системный проект электронного правительства необходимо доработать... 2016]. Иными словами, конкретные исполнители выразили опасения, что «приземление» риторики будет осуществляться за счет возложения на них ответственности за плохое качество работы.

Критика «Системного проекта...» не означала отказа от глобальной риторики разрыва. Характерно, что новая версия электронного правительства – цифровое правительство – активно фигурирует в подготовленной Центром стратегических разработок А.В. Кудрина программе структурных реформ. В качестве ответа на вызовы времени в программе предлагается «...создать среду высокотехнологичной цифровой платформы государственного управления, которая обеспечит минимизацию человеческого фактора и сопутствующей ему коррупции и ошибок, автоматизирует сбор статистической, налоговой и иной отчетности, обеспечит принятие решений на основе анализа реальной ситуации» [Шклярук 2017].

В данном случае можно говорить не просто о воспроизводстве глобального концепта электронного правительства на национальном уровне, но о воспроизводстве по известной схеме Д. Кингдона «решения ищут проблемы» [Kingdon 2010], когда для локальных проблем предлагаются глобальные решения.

В целом концепт «электронное правительство», построенный на основе риторики разрыва, обладает очень высокой подвижностью. Он постоянно эволюционирует и путем реструктурирования уже имеющихся элементов (таких, как государственные услуги), и путем включения новых, а также посредством использования целого комплекса приемов, позволяющего обойти «парадокс неэффективности». Возникает вопрос: для чего участники процесса внедрения информационных технологий в государственное управление предпринимают столь значительные усилия? Для чего им требуется сопровождать технологический процесс постоянным идеологическим конструированием?

Как можно предположить, объясняется это тем, что внедрение информационных технологий в систему управления не столько перестраивает отношения власти и граждан, сколько создает среду, в которой данные отношения могут структурироваться заново. Граждане действительно получают новые возможности и начинают предъявлять новые требования. Концепт «электронное правительство» скорее препятствует, чем способствует реструктурированию этих отношений, так как работает по принципу «антиполитической машины» [Ferguson 1994], обеспечивая редукцию политических проблем, связанных с ролью государства в информационном обществе, до технических и одновременно легитимируя расширение и развитие системы разрешительных полномочий органов власти. Возможно,

именно поэтому его отличает повышенная устойчивость к критическому анализу и циклический характер эволюции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барабашев А.Г. 2016. Кризис государственного управления и его влияние на основные парадигмы государства и бюрократии // *Вопр. гос. и муницип. управления.* № 3. С. 163-194.

Вахштайн В.В. 2014. Пересборка города: между языком и пространством // *Социология власти.* № 2. С. 9-37.

Оболонский А.В. 2014. Бюрократия: В поисках новой модели (Эволюция теории и практики государственного управления в последние десятилетия) // *ОНС : Обществ. науки и современность.* № 3. С. 5-22.

Системный проект формирования в Российской Федерации инфраструктуры электронного правительства (первый вариант), 2010а. М. 460 с.

Системный проект формирования в Российской Федерации инфраструктуры электронного правительства, 2010b (утв. Правительственной комиссией по внедрению информационных технологий в деятельность государственных органов и органов местного самоуправления 13 июля 2010 г.). М. 93 с.

Системный проект электронного правительства необходимо доработать до 1 марта 2017 г. [Электронный ресурс], 2016 // Экспертный центр электронного государства. 03 нояб. URL: <http://d-russia.ru/sistemnyj-proekt-elektronnogo-pravitelstva-neobходимо-dorabotat-do-1-marta-2017.html> (дата обращения: 30.03.2017).

Системный проект электронного правительства Российской Федерации [Электронный ресурс], 2016. М. 94 с. URL: http://www.tadviser.ru/images/b/b2/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%AD%D0%9F2020_12.10.16.pdf (дата обращения: 30.03.2017).

Шклярук М.С. 2017. Государство как платформа, 2017–2035. [Электронный ресурс]. Установка на форсайт-сессию 16 февраля 2017 г. URL: <http://govcontrol.ru/wp-content/uploads/2017/02/10.pdf> (дата обращения: 30.03.2017).

About E-Gov. Presidential Statement. 2002. December 17. [Электронный ресурс]. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/omb/egov/g-3-statement.html> (дата обращения: 30.03.2017).

Abrahamson E. 1996. Management Fashion // *The Academy of Management Review.* Vol. 21, № 1. P. 254-285.

Bannister F., Gronlund A. 2017. E-Government Research: A brief history // *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences.* Hawaii, 4-7 Jan. 2017. P. 2943-2952.

Barbrook R. 2007. Imaginary Futures: From Thinking Machines to the Global Village. New York : Pluto Press. 334 p.

Bekkers V., Homburg V. 2007. The Myths of E-Government: Looking Beyond the Assumptions of a New and Better Government // *The Information Society.* Vol. 23, № 5. P. 373-382.

Bertot J.C., Jaeger P.T. 2008. The E-Government Paradox: Better Customer Service Doesn't necessarily cost less // *Government Information Quarterly.* Vol. 25, № 2. P. 846-860.

Carey J. 1989. Communication as Culture: Essays on Media and Society. Psychology Press. 241 p.

Castelnovo W. 2010. Is there E-Government Paradox // 10th European eGovernment Conference. Limerick : Academic Publishing. P. 90-98.

Collingridge D. 1990. Technology Organizations and Incrementalism: The Space Shuttle // *Technology Analysis & Strategic Management.* Vol. 2, № 2. P. 181-200.

Curran J., Fenton N., Freeman D. 2016. *Misunderstanding the Internet*. London : Routledge, 234 p.

Ferguson J. 1994. *The Anti-politics Machine: Development, Depoliticization and Bureaucratic Power in Lesotho*. Minnesota : Univ. of Minnesota Press. 336 p.

Fountain J.E. 2001. *Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change*. New York : Brookings Inst. Press, 256 p.

Gagliardone I., Kalember A., Kogen L., Nalwoga L., Stremmler N., Wairagala W. 2015. In Search of Local Knowledge on ICTs in Africa // *Stability: International J. of Security & Development*. Vol. 4(1), № 35. P. 1-15.

Gould J., Goldfinch Sh. 2006. *Dangerous Enthusiasms: E-Government, Computer Failure and Information System Development*. [Dunedin] (New Zealand) : Otago Univ. Press. 160 p.

Hecht G. 2012. *Being Nuclear: Africans and the Global Uranium Trade*. Cambridge, Mass.: The MIT Press. 475 p.

Heeks R. 2005. eGovernment as a carrier of context // *J. of Public Policy*. Vol. 25, № 1. P. 51-74.

Heeks R. Success and Failure Rates of eGovernment in Developing/Transitional Countries: Overview [Электронный ресурс] // eGovernment for Development Information Exchange. URL: <http://www.egov4dev.org/success> (дата обращения: 30.03.2017).

Holliday I., Yep R. 2005. E-Government in China // *Public Administration and Development*. Vol. 25, № 3. P. 239-249.

Hood C. 2000. *The Art of State: Culture, Rhetoric and Public Management*. London : Clarendon Press. 280 p.

Huhtamo E., Parikka J., (eds.) 2011. *Media Archeology. Approaches, Applications, and Implications* / eds. E. Huhtamo, J. Parikka. California : Univ. of California Press. 368 p.

Jaen A. 2005. Performance Paradox: Information Technology Investments and Administrative Performance in the Case of 50 U.S. State Governments // *International Conference on Information Systems (ICIS) 2003 Proceedings*. Vol. 33. P. 389-400.

Keen A. 2015. *The Internet Is Not the Answer*. New York : Atlantic Books. 304 p.

Kingdon J. 2010. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. 2nd ed. London : Pearson. 304 p.

Kluver R. 2005. The Architecture of Control: a Chinese Strategy for e-Governance // *J. of Public Policy*. Vol. 25, № 1. P. 75-97.

Lipps A.M., Schuppan T. 2009. Transforming e-Government Knowledge through Public Management Research // *Public Management Review*. Vol. 11, № 6. P. 739-749.

Moe R.C. 1994. The "Reinventing Government" Exercise: Misinterpreting the Problem, Misjudging the Consequences // *Public Administration Rev*. Vol. 54, № 2. P. 111-122.

Morozov E. 2012. *The Net Delusion: How Not to Liberate The World*. New York : Penguin. 432 p.

Mosco V. 2004. *The Digital Sublime: Myth, Power and Cyberspace*. Cambridge, Mass.: The MIT Press. 218 p.

Obama B. 2009. *Transparency and Open Government*. Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies. January 21 [Электронный ресурс]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/TransparencyandOpenGovernment (дата обращения: 30.03.2017).

Parker A., Rucker Ph. 2017. Trump taps Kushner to lead a SWAT team to fix government with business ideas [Электронный ресурс] // *The Washington Post*. March 26. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/trump-taps-kushner-to-lead-a-swat-team-to-fix-government-with-business-ideas/2017/03/26/9714a8b6-1254-11e7-ada0-1489b735b3a3_story.html?utm_term=.11692f1272d1 (дата обращения: 30.03.2017).

Pathak R.D., Belwal R., Singh G., Naz R., Smith R.F.I., Al-Zoubi K. 2012. Citizens' perceptions of corruption and e-governance in Jordan, Ethiopia and Fiji – the need for a marketing approach // *Electronic Government, An International J.* Vol. 9, № 3. P. 309-332.

Reengineering Through Information Technology. Accompanying Report of the National Performance Review [Электронный ресурс], 1993. Washington, D.C. : Office of the Vice President. Sept. URL: <http://govinfo.library.unt.edu/npr/library/reports/it.html> (дата обращения: 30.03.2017).

Salvodelli A., Codagnone C., Misuraca G. 2012. Explaining the eGovernment Paradox: An Analysis of Two Decades of Evidence from Scientific Literature and Practice on Barriers to eGovernment // *ICEGOV '12*. October 22–25, 2012. Albany, New York, USA. P. 287-296.

Schlaeger J. 2014. E-Government in China: Technology, Power and Local Government Reform. London : Routledge. 186 p.

Sconce J. 2000. Haunted Media: Electronic Presence from Telegraphy to Television. Durham, NC : Duke Univ. Press Books. 272 p.

Tkacz N. 2014. Wikipedia and the Politics of Openness. Chicago, Mich. : Univ. of Chicago Press. 224 p.

United Nations E-Government Survey 2016: E-Government in Support of Sustainable Development [Электронный ресурс], 2016 / United Nations Department of Economic and Social Affairs. UN, Geneva. 220 p. URL: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN96407.pdf> (дата обращения: 30.03.2017).

West D.M. 2005. Digital government: Technology and public sector performance. Princeton, New Jersey : Princeton Univ. Press. 256 p.

Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2012. 9 мая. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html> (дата обращения: 30.03.2017).

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 года № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)” (с изм. и доп.)» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/199708/#ixzz3rhSxRqYc> (дата обращения: 30.03.2017).

A. Trakhtenberg. Ideologicheskii kontsept Elektronogo pravitel'stva: kak rabotayet ritorika razryva? [E-Government as ideological concept: how does rupture talk function?], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 41-58. (in Russ.).

Anna D. Trakhtenberg, Candidate of Political Science, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: cskiit@yandex.ru

Article recived 07.04.2017, accepted 09.06.2017, available online 01.07.2017.

E-GOVERNMENT AS IDEOLOGICAL CONCEPT: HOW DOES RUPTURE TALK FUNCTION

Abstract: The article analyzes the global concept of e-government. The conclusion is drawn that the concept is based on the “rupture talk”. The concept is characterized by

the cyclical nature of evolution: the new versions are constantly appearing (the latest is the digital government). Each new variant takes into account the latest achievements of technological progress, however, the basic thesis about the rupture with the past state (i.e. the cardinal transformation of the classical “Weber” system of state administration) under the influence of information technologies, remains untouched. The concept functions as an “anti-politics machine”, transforming political and social problems related to the role of the state in the information society, to technical ones, and at the same time legitimizing the expansion of permissive powers of the authorities. Based on the analysis of “gray literature” and documents of the state strategic planning of the Russian Federation, it is shown how “rupture talk” remains stable due to constant rethinking, supplementing and supporting explanations.

Keywords: public administration; e-government; rupture talk; anti-politics machine.

References

About E-Gov, *Presidential Statement*, 2002, December 17, available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/omb/egov/g-3-statement.html> (accessed 30 March 2017).

Abrahamson E. Management Fashion, *The Academy of Management Review*, 1996, vol. 21, no. 1, pp. 254-285.

Bannister F., Gronlund A. E-Government Research: A brief history, *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences, Hawaii, 4-7 Jan. 2017*, pp. 2943-2952.

Barabashev A.G. *Krizis gosudarstvennogo upravleniya i ego vliyanie na osnovnye paradigmy gosudarstva i byurokratii* [The crisis of public administration and its influence on the main paradigms of the state and bureaucracy], *Vopr. gos. i munitsip. upravleniya*, 2016, no. 3, pp. 163-194. (in Russ.).

Barbrook R. *Imaginary Futures: From Thinking Machines to the Global Village*, New York, Pluto Press, 2007, 334 p.

Bekkers V., Homburg V. The Myths of E-Government: Looking Beyond the Assumptions of a New and Better Government, *The Information Society*, 2007, vol. 23, no. 5, pp. 373-382.

Bertot J.C., Jaeger P.T. The E-Government Paradox: Better Customer Service Doesn't necessarily cost less, *Government Information Quarterly*, 2008, vol. 25, no. 2, pp. 846-860.

Carey J. *Communication as Culture: Essays on Media and Society*, Psychology Press, 1989, 241 p.

Castelnovo W. Is there E-Government Paradox, *10th European eGovernment Conference*, Limerick, Academic Publishing, 2010, pp. 90-98.

Collingridge D. Technology Organizations and Incrementalism: The Space Shuttle, *Technology Analysis & Strategic Management*, 1990, vol. 2, no. 2, pp. 181-200.

Curran J., Fenton N., Freeman D. *Misunderstanding the Internet*, London, Routledge, 2016, 234 p.

Ferguson J. *The Anti-politics Machine: Development, Depoliticization and Bureaucratic Power in Lesotho*, Minnesota, Univ. of Minnesota Press, 1994, 336 p.

Fountain J.E. 2001. *Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change*. New York : Brookings Inst. Press, 256 p.

Gagliardone I., Kalemera A., Kogen L., Nalwoga L., Stremlau N., Wairagala W. In Search of Local Knowledge on ICTs in Africa, *Stability: International J. of Security & Development*, 2015, vol. 4(1), no. 35, pp. 1-15.

Gould J., Goldfinch Sh. *Dangerous Enthusiasms: E-Government, Computer Failure and Information System Development*, [Dunedin] (New Zealand), Otago Univ. Press, 2006, 160 p.

Hecht G. *Being Nuclear: Africans and the Global Uranium Trade*, Cambridge, Mass., The MIT Press, 2012, 475 p.

Heeks R. eGovernment as a carrier of context, *J. of Public Policy*, 2005, vol. 25, no. 1, pp. 51-74.

Heeks R. Success and Failure Rates of eGovernment in Developing/Transitional Countries: Overview, *eGovernment for Development Information Exchange*, available at: <http://www.egov4dev.org/success> (accessed 30 March 2017).

Holliday I., Yep R. E-Government in China, *Public Administration and Development*, 2005, vol. 25, no. 3, pp. 239-249.

Hood C. *The Art of State: Culture, Rhetoric and Public Management*, London, Clarendon Press, 2000, 280 p.

Huhtamo E., Parikka J., (eds.) *Media Archeology. Approaches, Applications, and Implications*, California, Univ. of California Press, 2011, 368 p.

Jaen A. Performance Paradox: Information Technology Investments and Administrative Performance in the Case of 50 U.S. State Governments, *International Conference on Information Systems (ICIS) 2003 Proceedings*, 2003, vol. 33, pp. 389-400.

Keen A. *The Internet Is Not the Answer*, New York, Atlantic Books, 2015, 304 p.

Kingdon J. *Agendas, Alternatives and Public Policies*, 2nd ed., 2010, London, Pearson, 304 p.

Kluver R. The Architecture of Control: a Chinese Strategy for e-Governance, *J. of Public Policy*, 2005, vol. 25, no. 1, pp. 75-97.

Lipps A.M., Schuppan T. Transforming e-Government Knowledge through Public Management Research, *Public Management Review*, 2009, vol. 11, no. 6, pp. 739-749.

Moe R.C. The "Reinventing Government" Exercise: Misinterpreting the Problem, Misjudging the Consequences, *Public Administration Review*, 1994, vol. 54, no. 2, pp. 111-122.

Morozov E. *The Net Delusion: How Not to Liberate The World*, New York, Penguin, 2012, 432 p.

Mosco V. *The Digital Sublime: Myth, Power and Cyberspace*, Cambridge, Mass., The MIT Press, 2004, 218 p.

Obama B. *Transparency and Open Government. Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies*. 2009. January 21, available at: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/TransparencyandOpenGovernment (accessed 30 March 2017).

Obolonskiy A.V. *Byurokratiya: V poiskakh novoy modeli (Evolyutsiya teorii i praktiki gosudarstvennogo upravleniya v poslednie desyatletiya)* [Bureaucracy: In Search of a New Model (Evolution of the Theory and Practice of Public Administration in the Last Decades)], *ONS : Obshchestv. nauki i sovremennost'*, 2014, no. 3, pp. 5-22. (in Russ.).

Parker A., Rucker Ph. Trump taps Kushner to lead a SWAT team to fix government with business ideas, *The Washington Post*, 2017, March 26, available at: https://www.washingtonpost.com/politics/trump-taps-kushner-to-lead-a-swat-team-to-fix-government-with-business-ideas/2017/03/26/9714a8b6-1254-11e7-ada0-1489b735b3a3_story.html?utm_term=.11692f1272d1 (accessed 30 March 2017).

Pathak R.D., Belwal R., Singh G., Naz R., Smith R.F.I., Al-Zoubi K. Citizens' perceptions of corruption and e-governance in Jordan, Ethiopia and Fiji – the need for a marketing approach, *Electronic Government, An International J.*, 2012, vol. 9, no. 3, pp. 309-332.

Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 20 oktyabrya 2010 goda 1815-r. «O gosudarstvennoy programme Rossiyskoy Federatsii "Informatsionnoe obshchestvo (2011–2020 gody)" (s izm. i dop.)» [Order of the Government of the Russian Federation of October 20, 2010 1815-r. «On the State Program of the Russian Federation « Information Society (2011-2020)» (as amended)», available at: <http://base.garant.ru/199708/#ixzz3rhSxRqYc> (accessed 30 March 2017). (in Russ.).

Reengineering Through Information Technology. Accompanying Report of the National Performance Review, Washington, D.C., Office of the Vice President, 1993, Sept., available at: <http://govinfo.library.unt.edu/npr/library/reports/it.html> (accessed 30 March 2017).

Salvodelli A., Codagnone C., Misuraca G. Explaining the eGovernment Paradox: An Analysis of Two Decades of Evidence from Scientific Literature and Practice on Barriers to eGovernment, *ICEGOV '12. October 22–25, 2012*, Albany, New York, USA, 2012, pp. 287–296.

Schlaeger J. *E-Government in China: Technology, Power and Local Government Reform*, London, Routledge, 2014, 186 p.

Sconce J. *Haunted Media: Electronic Presence from Telegraphy to Television*, Durham, NC, Duke Univ. Press Books, 2000, 272 p.

Shklyaruk M.S. *Gosudarstvo kak platforma, 2017–2035* [The state as a platform: 2017–2035. Proposals for the foresight session], available at: <http://govcontrol.ru/wp-content/uploads/2017/02/10.pdf> (accessed 30 March 2017). (in Russ.).

Sistemnyy proekt elektronogo pravitel'stva neobkhodimo dorabotat' do 1 marta 2017 g. [Expert Center of E-Government. The e-government system project needs to be finalized by March 1, 2017], *Ekspertnyy tsentr elektronogo gosudarstva*, 2016, 03 November, available at: <http://d-russia.ru/sistemnyj-proekt-elektronogo-pravitelstva-neobkhodimo-dorabotat-do-1-marta-2017.html> (accessed 30 March 2017). (in Russ.).

Sistemnyy proekt elektronogo pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii [System project of the electronic government of the Russian Federation], Moscow, 2016, 94 p., available at: http://www.tadviser.ru/images/b/b2/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%AD%D0%9F2020_12.10.16.pdf (accessed 30 March 2017). (in Russ.).

Sistemnyy proekt formirovaniya v Rossiyskoy Federatsii infrastruktury elektronogo pravitel'stva (pervyy variant) [A system project for the formation of the e-government infrastructure in the Russian Federation (first option)], 2010, Moscow, 460 p. (in Russ.).

Sistemnyy proekt formirovaniya v Rossiyskoy Federatsii infrastruktury elektronogo pravitel'stva, 2010 (utv. Pravitel'stvennoy komissiey povnedreniyu informatsionnykh tekhnologiy v deyatel'nost' gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravleniya 13 iyulya 2010 g.) [The system project for the formation of the e-government infrastructure in the Russian Federation (approved by the Government Commission on the Implementation of Information Technologies in the Activities of State Bodies and Local Governments on July 13, 2010)], Moscow, 93 p. (in Russ.).

Tkacz N. *Wikipedia and the Politics of Openness*, Chicago, Mich., Univ. of Chicago Press, 2014, 224 p.

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 6 maya 2012 goda № 601 «Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya» [Presidential Decree of May 6, 2012 No. 601 “On the main directions of improving the system of public administration”], *Ros. gaz.*, 2012, 9 May, available at: <http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html> (accessed 30 March 2017). (in Russ.).

United Nations E-Government Survey 2016: E-Government in Support of Sustainable Development, United Nations Department of Economic and Social Affairs, UN, Geneva, 2016, 220 p., available: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN96407.pdf> (accessed 30 March 2017).

Vakhshtayn V.V. *Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom* [Re-assembly of the city: between language and space], *Sotsiologiya vlasti*, 2014, no. 2, pp. 9–37. (in Russ.).

West D.M. *Digital government: Technology and public sector performance*, Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Press, 2005, 256 p.

Петрова Р.И. Неформальные взаимодействия элит: практика праймериз «Единой России» в Пермском крае // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 2. С. 59–70.

УДК 324

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.2.5970

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭЛИТ: ПРАКТИКА ПРАЙМЕРИЗ «ЕДИНОЙ РОССИИ» В ПЕРМСКОМ КРАЕ¹

Регина Игоревна Петрова

аспирант Института философии и права УрО РАН,
старший лаборант-исследователь

Отдела по исследованию политических институтов
и процессов Пермского научного центра УрО РАН,
ассистент кафедры политических наук

Пермского государственного национального исследовательского университета,
г. Пермь. E-mail: rance.regina@mail.ru

Материал поступил в редколлегию 29.12.2016 г.

Следуя логике неоинституционализма, автор анализирует формальные и неформальные практики и взаимодействия при проведении предварительного голосования (праймериз) партии «Единая Россия» в Пермском крае. В статье оцениваются потенциал и эффект от соотношения формального и неформального в публичном пространстве, а также трансформации института и его структурных характеристик, описываются неформальные методы коммуникации, спекулятивные методы организации и привлечения избирателей. Автор приходит к выводу, что элитам все чаще приходится прибегать к использованию неформальных методов коммуникации, которые удобны для них, однако это имеет негативный эффект в публичном пространстве и является показателем дефицита легальных механизмов работы с избирателем. С другой стороны, именно развитие неформальных элементов института, которые составляют его «ядро», может повлиять на дальнейшую трансформацию всего института, что имеет перспективы положительной динамики.

Ключевые слова: праймериз, неформальные практики, региональные элиты, неоинституционализм.

Проблема неформальных практик и взаимодействий в современной политической науке является одной из актуальных в последнее десятилетие. Исследователи рассматривают методологические основания и соотношения формальных и неформальных практик и следующие за этими процессами трансформации политических институтов [Гельман 2010; Гельман 2003], проводят прикладной анализ эмпирических данных власти в регионах и

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект № МК-8766.2016.6.

малых городах России [Чирикова 2015], изучают неформальные институты постсоветских стран [Шкель 2014: 1582-1585], выявляют логику и причины неформальной институционализации в России [Гельман 2003].

Неформальные практики существуют фактически в каждом институте; в данном случае предпринята попытка проанализировать процедуру предварительного голосования (праймериз) партии «Единая Россия» для определения кандидатов на основные выборы в Законодательное Собрание Пермского края. Важно отметить, что практически одновременно прошло предварительное голосование для выбора кандидатов в органы власти трех уровней: Городскую Думу, Законодательное Собрание и Государственную Думу. Однако праймериз по выбору кандидатов в Законодательное Собрание по открытой модели проводились в регионе впервые, что давало возможность участия как членам партии, так и беспартийным. Значима здесь также специфика межэлитных отношений. Пермская региональная элита традиционно является фрагментированной, политические и экономические акторы и группы обладают определенным влиянием и ресурсами, что позволяет им соперничать и конкурировать между собой [Борисова 2010]. Поляризованность элиты, с одной стороны, ограничивает монополизацию власти, а с другой – вынуждает идти на создание коалиций. Эта особенность пермской политики играет важную роль при формировании регионального парламента, что в сочетании с открытой формой проведения праймериз позволяет наблюдать и оценивать характер межэлитных взаимодействий, эффект и потенциал соотношения формального и неформального, выявлять иерархию контроля между акторами. И хотя номинально Законодательное Собрание – орган власти региональный, местом действия и принятия решений, так или иначе, остается именно городское пространство. Город Пермь как региональный центр усиливает свои позиции за счет того, что является местом локации органов и учреждений региональной власти, территориальных управлений федеральных государственных структур и фактически местом сосредоточения городской и региональной элиты.

Неформальное управление, практики, институты и взаимодействия установились, по оценке исследователей, в результате режимных трансформаций, связанных с распадом СССР, и характерны не только для современной России, но и для стран постсоветского пространства. Постепенная редукция, а затем и крах коммунистической власти, ослабление традиционных институтов способствовали тому, что элитные клики, преследуя собственные цели, стали приобретать широкие полномочия, проникать в область публичной политики и распространять свое влияние на различные сферы общественной жизни. Отношения внутри клана строились без привязки к институциональным постам, а в соответствии с возможностью владеть и распределять экономические и административные ресурсы. Таким образом, идет процесс подмены формальных институтов неформальными отношениями [Шкель 2014: 1582-1585].

Обоснованным считается рассмотрение неформальных практик с точки зрения логики неоинституционализма. В отличие от классического понимания институтов как формальных организаций, отвечающих нормам

права и работающих по четкой регламентирующей схеме, неоинституционализм обращает внимание не только на формально-правовые, но и на реальные аспекты политического процесса, охватывая тем самым и неформальные институты. При этом расширяются рамки анализа, который теперь не ограничивается исключительно государственными органами, а включает также анализ социетальных институтов, политические акторы и группы которых формируют свои интересы и отношения по поводу власти.

Как отмечает Д. Норт, любой институт, подобно четко регламентированной спортивной игре, «представляет собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом» [North 1996: 19]. В свою очередь, пространство внутри этих рамок состоит из «формальных писанных правил и дополняющих их неформальных кодексов» [North 1996: 25], лежащих более глубоко и не являющихся очевидными. Соблюдение этих правил, их соотношение, эффективность использования, доминирование и возможный «перекосяк» в одну или другую сторону и формируют институт, или, по выражению автора, составляют «характер игры».

Думается, что эффект от неформальной составляющей института может проявляться по-разному. Возможен вариант, когда неформальная часть дополняет формальную, не оказывает деструктивного влияния на весь институт, а, наоборот, делает его более гибким и работоспособным. Противоположный эффект получается, когда части формального и неформального кодексов находятся в конфликте, правила, входящие в формальный блок и составляющие его, нарушаются. В этом случае происходит деструкция с возможной последующей «порчей» института [Гельман 2010].

Российские праймериз являются классическим примером импортированного института. Согласно теории неоинституционализма, импорт института – это революционное институциональное изменение, отличающееся резкостью, одномоментностью, независимостью от траектории предыдущего развития, социальной рискованностью процесса [Дудич 2009]. Существуют несколько видов импорта институтов: из развитых стран, из собственной истории, из истории других стран, из теоретической модели. Российские праймериз были импортированы по первому типу, из развитой страны. Страной-реципиентом стали США, история создания и развития праймериз которых насчитывает более ста лет. Положительная «кредитная история» института была проверена годами, хотя, что важно отметить, практика проведения праймериз также не лишена неформального компонента. Цель импортирования института – смена траектории институционального развития [Олейник 2002: 202]. В случае с российскими праймериз основная официальная миссия института заключалась в развитии внутрипартийной конкуренции, демократизации партии, открытии каналов для участия масс в политике.

Партия «Единая Россия» регулярно проводит праймериз для определения кандидатов на основные выборы в органы власти разных уровней. Впервые к этому мероприятию партия власти прибегла в 2007 г., формируя список кандидатов на основные выборы в Государственную Думу. Кампании по предварительному голосованию в 2007 и 2011 гг. не вызвали ни

особого резонанса в СМИ, ни реакции общественности. Процедура была до конца не понятна, преимущественно из-за иностранного названия и из-за того, что регламенты постоянно переписывались, положения в документах часто не согласовывались между собой. Отсутствие острого интереса к праймериз объясняется еще и тем, что была выбрана полузакрытая форма проведения процедуры, голосование осуществлялось через систему делегатов. Корпус делегатов, или выборщиков, формировался по принципу «50 на 50%» из Регионального координационного совета, в который входили члены партии «Единая Россия» и представители Общероссийского народного фронта. Формальная часть (или алгоритм проведения процедуры) состояла из нескольких этапов: после объявления о начале проведения общенародных праймериз организовывался сбор предложений по кандидатурам. После этого общие списки направлялись в Федеральный координационный совет для согласования кандидатур. После одобрения Федеральным советом кандидатов начинались непосредственно праймериз. На протяжении предварительных выборов потенциальные кандидаты выступали в домах культуры, кинотеатрах, объектах культурного назначения, в спортивных комплексах перед выборщиками, останавливаясь на ключевых позициях своих предложений по улучшению работы той или иной сферы, после чего выборщики отдавали свои голоса за понравившихся им кандидатов. Голосование проходило около месяца, затем опять-таки уже готовые списки направлялись в Федеральный совет на одобрение. По окончании праймериз была проведена конференция регионального отделения партии, а чуть позже объявлены окончательные результаты праймериз после корректировки Федеральным советом списка кандидатур. Таким образом, праймериз являлись сугубо партийным и преимущественно закрытым мероприятием.

Тем не менее уже тогда можно было наблюдать наличие неформальной составляющей института, то есть те моменты, которые не были прописаны в регламенте праймериз, не имели официального статуса, не афишировались. Пример тому – корректировка федеральным центром итогового списка. В кампании 2011 г. в Пермском крае из 10 фамилий, обозначенных в отредактированном федеральном списке, 8 не были представлены в первой десятке регионального списка кандидатов в Государственную Думу, а трое вообще не были зарегистрированы, то есть несмотря на голосование, которое проходило в регионе, фактически итоги праймериз были сформированы федеральным Центром. Исключительно партийное мероприятие не обошлось тогда и без контроля со стороны администрации губернатора. По словам одного из участника праймериз в Пермском крае [Экспертное интервью с участником...], всей организацией данной процедуры занималась администрация губернатора, которой были даны четкие и жесткие инструкции.

К масштабным и многоуровневым выборам 2016 г. процедура предварительного голосования была изменена. Региональным отделениям партии было предложено самостоятельно определиться с моделью праймериз. Пермский край, как и большинство регионов, предпочел проведение предварительного голосования по открытой схеме, за исключением

праймериз по выбору кандидатов в Городскую Думу, где была использована полузакрытая модель [Без предварительной записи]. Изменения коснулись не только формы и правил проведения праймериз, распространения этой практики на разные уровни власти, но и самого названия. Федеральным руководством партии было спущено указание отказаться от американского варианта названия процедуры – «праймериз» и использовать исключительно российский аналог – «предварительное голосование», тем самым сделать ее более понятной для избирателя.

Согласно регламенту организации и проведения предварительного голосования по выбору кандидатов в Законодательное Собрание, стать участником праймериз мог как член партии «Единая Россия», так и беспартийный, а возможность проголосовать имел каждый гражданин (выборщик), достигший 18 лет, в пределах своего избирательного округа [Регламент...]. Предполагалось, что зарегистрированные участники предварительного голосования проведут организованные партией встречи с выборщиками. В регламенте подчеркивалось, что предпочтительная форма выступления участников – дебаты. Однако дебаты участников праймериз в Законодательное Собрание ни разу не состоялись; не были организованы и официальные встречи кандидатов с выборщиками. Важно отметить, что сам процесс опубликования регламента был затянут, а представители регионального партийного отделения не давали комментариев относительно того, когда появятся правила праймериз и будет ли вообще проводиться предварительное голосование для определения кандидатов в региональный парламент.

Местным партийным руководством на протяжении всей кампании предварительного голосования артикулировался тезис о проведении максимально честной и открытой борьбы, прозрачного голосования [Демкин], а слоган о формировании «народной команды» [Предварительные выборы...] стал одним из центральных.

Однако, как показала практика проведения предварительного голосования по определению кандидатов в депутаты Законодательного Собрания, соблюдение новых формальных правил, установленных партией, без применения неформальной составляющей невозможно. Усложнившиеся новые правила игры поставили в трудное положение региональное отделение партии и администрацию края, которым было необходимо обеспечить высокую явку и привлечь избирателя в день предварительного голосования, а также сформировать «правильный» список кандидатов по итогам.

Из официальных механизмов привлечения избирателя в регламенте указана возможность проведения самостоятельной агитации в свою поддержку и распространения материалов, предварительно предоставленных в Организационный комитет партии [Регламент...]. Запрещаются агитация, побуждающая голосовать против другого участника предварительного голосования, и, конечно, подкуп выборщика – вручение денежных средств как оплаты голоса «за» или «против» конкретного участника. Неофициальная часть процедуры оказалась намного шире и разнообразнее по применяемым механизмам и методам официальной части, прописанной в регламенте.

К числу неформальных механизмов привлечения и оптимизации партийного состава относятся регулярные встречи и совещания в администрации губернатора края с потенциальными, а позже с уже зарегистрированными участниками предварительного голосования от партии «Единая Россия». Так, на одной из таких встреч «Совместное совещание руководителей избирательной кампании в Пермском краю...» присутствовал лично губернатор В.Ф. Басаргин. Он, как пишут СМИ, раздавал конкретные указания и рекомендации по увеличению результатов партии на выборах [На партию...], активной работе с главами городов и районов в плане продвижения партии в муниципалитетах [Самый лучший округ...]. Очевидно, что административный ресурс был задействован с самого начала кампании по предварительному голосованию с целью контроля ситуации еще на старте. В свою очередь, некоторым беспартийным участникам праймериз поступало предложение из администрации о встрече для выяснения их дальнейших планов и возможности сотрудничества.

Для привлечения избирателей использовался целый комплекс манипулятивных методов, которые фактически представляли собой различные приемы подкупа избирателей, но не являлись таковыми согласно существующему регламенту. Например, стало известно о наборе агитаторов по объявлению, основной задачей которых было каким угодно образом замотивировать избирателя, проживающего на конкретной улице, указанной в задании, отдать свой голос в пользу определенных участников праймериз [Получается, один голос...]. По условиям договора, второй экземпляр которого никогда не передавался агитатору, за каждого «обработанного» избирателя можно было выручить 700 р. Открывшиеся по всему городу офисы с подобным предложением о работе просуществовали недолго, информация об этом просочилась в прессу, а главное – финансовый ресурс вступил в противоречие с административным.

В день голосования отмечено применение еще одного спекулятивного метода по организации и привлечению избирателя. Два крупных предприятия города устроили лотерею для своих работников. Билеты лотереи с ценными призами можно было купить только после голосования в поддержку кандидата от завода. Важно отметить, что «лотерейные» участки с большим перевесом голосов справились со своей задачей обеспечить нужный результат.

Выгодно реализовать свой голос можно было и непосредственно перед входом в некоторые избирательные участки, где под видом продажи рассады выдавались денежные средства в обмен на голос, отданный за определенного участника праймериз.

Организационная составляющая процедуры явилась показателем неготовности партии к проведению подобных мероприятий. Некоторые участки не успели открыться к началу голосования, бюллетени закончились уже к середине дня, из-за неразберихи с привязкой к избирательным участкам люди голосовали по два раза на разных участках. В жалобах, поступивших в оргкомитет партии, говорилось о подкупе избирателей различного рода способами, исчезновении из списка фамилий кандидатов, об

организационных недочетах. Итоги предварительного голосования стали известны лишь спустя пять дней. Результаты в двух округах, не устроившие партию, были отменены под предлогом выявления множества нарушений [Третьякова]. Однако участники, не согласившись с этим решением, направили заявление в Генеральный совет партии, который обязал региональное отделение восстановить начальные результаты голосования по этим округам [Генсовет ЕР...]. И несмотря на весь организационный хаос и откровенную куплю-продажу голосов, партийное руководство признало предварительное голосование успешным.

Важно отметить территориальную привязку кампаний предварительного голосования, связанные с этим формирование иерархии контроля и спектр участников. Праймериз в 2011 г. по выборам депутатов в Государственную Думу в Пермском крае осуществлялись администрацией губернатора под контролем федерального Центра. Ключевой задачей было провести нужных для федералов людей в итоговый список, поэтому среди участников праймериз в регионе можно было наблюдать множество варягов, никак не связанных с городом. В 2016 г. праймериз в Пермском крае имели непосредственную привязку к территории, к городу. Участниками предварительного голосования были преимущественно представители местной политической, экономической элиты, общественные деятели города. Основных участников условно можно разделить на несколько групп: это прежде всего коалиция, сформированная губернатором В.Ф. Басаргиным, куда вошли партийные функционеры единороссы, общественные деятели, часть муниципалов и «промышленников», причем степень лояльности к губернатору внутри этой группы не была однородной. Коалиция Д. Скриванова, бывшего депутата Законодательного Собрания Пермского края (2000–2016), а ныне депутата Государственной Думы, была более сплоченной, она объединила часть представителей «Единой России» и установила определенный контроль над региональными отделениями «Справедливой России» и ЛДПР. Также можно было наблюдать самостоятельных игроков, не входивших ни в одну из групп и не имевших весомой поддержки и ресурсов. И, вопреки попыткам администрации города контролировать ситуацию, были округа, где присутствовала реальная конкуренция, борьба с непредсказуемым итогом. Интересным является и то, как выстраивалась иерархия контроля. Если праймериз по выборам кандидатов в Государственную Думу, так или иначе, проходили под присмотром федерального Центра, переговоры о потенциальных участниках проводились в Москве, то контроль над кампанией по выборам кандидатов в Законодательное Собрание и Городскую Думу и ее участниками осуществлялся непосредственно главой администрации города.

Если говорить об эффекте предварительного голосования в публичном поле, то он носит однозначно негативный характер. Проводя праймериз по выборам кандидатов в Государственную Думу в 2007 и 2011 гг. по закрытой и полузакрытой модели, организаторы нужного результата добивались кулуарно; последнее слово было за федеральным Центром. Полузакрытая схема праймериз перед выборами в Городскую Думу, которая была использована

в 2016 г., являлась попыткой максимально формализовать, ограничить кампанию в публичном пространстве и сократить возможную конкуренцию. Обратившись к открытой форме проведения праймериз перед выборами в Законодательное Собрание, региональные элиты были предоставлены в какой-то мере сами себе и имели больше самостоятельности в принятии решений. Но ситуация с восстановлением результатов в двух округах показала, во-первых, что за федеральным Центром остается последнее решение, а во-вторых, что этот поворот событий приближает все действие к реальным праймериз: за кого избиратель отдал больше голосов, тот и стал победителем. При вовлечении в партийную процедуру обычных избирателей задача обеспечения нужного результата стала намного сложнее, чем и объясняется использованием столь широкого арсенала манипулятивных методов, с одной стороны, а с другой – является показателем дефицита легальных механизмов работы с избирателем. И если политической задачей праймериз была «реанимация» партии, то ее скорее можно считать невыполненной. По результатам исследований «Левада-центра», рейтинг партии в мае упал на 7% (в апреле он составлял 42%, в мае – 35%). Понижение позиции партии наряду с утратой интереса к выборам в целом связывают, в числе прочего, и с проведенным по всей стране предварительным голосованием [Предварительный провал]. Снижение рейтинга партии в регионе подтверждают и результаты внутренних закрытых опросов. Вследствие того что фактически избирательная кампания началась раньше, возникла проблема повторной мобилизации избирателя, который, приняв участие в партийных выборах, посчитал свой гражданский долг исполненным. Этот фактор, по мнению экспертов Комитета гражданских инициатив, считается одной из наиболее значимых причин низкой явки на выборах 18 сентября [Правовые и политические особенности...].

Если обратиться к институциональным эффектам от проведения праймериз, то процедура в целом представляется многослойной. За формальной «оболочкой», регламентированным механизмом проведения праймериз, за заявлениями о максимальной честности и прозрачности скрывается неформальное «ядро» из личных договоренностей, использования административного и партийного ресурса, разного рода манипуляций. И если раньше «оболочка», в силу закрытого сценария проведения праймериз, была нежизнеспособной, аморфной, не интересной, что, в свою очередь, влияло и на «ядро», пределы которого были ограничены, то, учитывая перемены формальных правил (содержания «оболочки») при проведении открытых праймериз, неформальное «ядро» стало разнообразнее, ярче, в том числе и благодаря использованию различных манипуляций. В связи с этим думается, что смена правил пошла на пользу всему институту. А разнообразие неформальных практик и при этом удержание реального результата голосования приближают так называемое предварительное голосование «Единой России» к праймериз классического образца (в американском варианте). Таким образом, подобное соотношение формального и неформального в институте праймериз может иметь положительную динамику и предполагает поиск вариантов для дальнейшего развития и трансформации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Без предварительной записи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2687540/> (дата обращения: 11.09.2016).
- Борисова Н.В. 2010. Пермь: локальный режим в крупном российском городе [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/bo9.html/> (дата обращения: 01.12.2016).
- Гельман В. 2003. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // ПОЛИС : Полит. исслед. № 4. С. 6-25.
- Гельман В. 2006. Политика институционального строительства в современной России: интересы, идеологии, информация и изменения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rapn.ru/library.php?d=292&n=35&p=10/> (дата обращения: 23.08.2016).
- Гельман В. 2010. Подрывные институты и неформальное управление в современной России : препринт М-13/10. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. 28 с.
- Генсовет ЕР признал победителями праймериз Лобанова и Занина [Электронный ресурс]. URL: http://v-kurse.ru/news/politics/prezidium_gensoвета_er_priznal_pobeditelyami_praymeriz_lobanova_i_zanin_2437191/ (дата обращения: 10.08.2016).
- Демкин Н. Кандидаты в Законодательное Собрание будут народными [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Единая Россия». URL: <http://pg.er.ru/news/item/id/1452/> (дата обращения: 10.07.2016).
- Дудич В. 2009. К вопросу об импорте экономических институтов в современной экономической модели [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/140/014.pdf> (дата обращения: 25.04.2013).
- Итоги праймериз по двум округам в Пермском крае отменены, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.business-class.su/news/2016/05/27/itogi-praymeriz-po-dvum-okrugam-v-permskom-krae-otmeneny> (дата обращения: 08.09.2016).
- Кынев А. 2014. Выборы региональных парламентов в России 2009-2013: От партизации к персонализации. М. : Центр «Панорама». 728 с.
- На партию, а не на себя, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.business-class.su/news/2016/04/09/na-partiyu-a-ne-na-sebya> (дата обращения: 18.07.2016).
- Олейник А. 2002. Институциональная экономика : учеб. пособие. М. : Инфра-М. 416 с.
- Получается, один голос стоит ровно 700 рублей [Электронный ресурс]. URL: <http://zvzda.ru/articles/3f0621be59a2> (дата обращения: 10.08.2016).
- Правовые и политические особенности предварительного отбора партиями кандидатов на Российских выборах 2016 года [Электронный ресурс] // Комитет гражданских инициатив. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2896/> (дата обращения: 01.12.2016).
- Предварительные выборы – всенародное выдвижение кандидатов [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Единая Россия». URL: <http://pg.er.ru/news/item/id/2998/> (дата обращения: 19.09.2016).
- Предварительный провал [Электронный ресурс] // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/07/predvaritelnyj-proval/> (дата обращения: 01.12.2016).
- Регламент по организации и проведению предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Пермского края третьего созыва [Электронный ресурс] URL: <https://permkrai.er.ru/media/userdata/files/2016/03/18/reglament-zs-model-1.pdf> (дата обращения: 12.08.2016).
- Самый лучший округ в мире [Электронный ресурс]. URL: <http://kommersant.ru/doc/2960468> (дата обращения: 20.09.2016).

Третьякова Е. В двух округах Пермского края итоги праймериз признаны недействительными [Электронный ресурс] // Комсомольская правда – Пермь. URL: <http://www.perm.kp.ru/online/news/2405837/> (дата обращения: 19.09.2016).

Чирикова А.Е. 2015. Власть в России в неформальной проекции: регионы и малые города // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Обществ. науки. Вып. 1 (1). С. 5-25.

Шкель С.Н. 2014. Неформальные институты в политическом процессе постсоветских государств // Fundamental research. № 12. С. 1582-1585.

Экспертное интервью с участником праймериз по определению кандидатов в депутаты Государственной Думы в Пермском крае в 2011 г. Из личного архива автора.

North D. 1996. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 153 p.

R. Petrova. Neformal'nyye vzaimodeystviya elit: praktika praymeriz «Yedinoy Rossii» v Permskom kraye [Informal interaction of elites: primaries of «United Russia»'s practice in Perm region], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 59-70. (in Russ.).

Regina I. Petrova, Graduate Student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Senior Laboratory Researcher, Department of Political Institutions and Processes, PSC UB RAS, Assistant, Department of Political Science, PSSRU, Perm'. Email: rance.regina@mail.ru

Article recived 29.12.2016, accepted 03.04.2017, available online 01.07.2017.

INFORMAL INTERACTION OF ELITES: PRIMARIES OF «UNITED RUSSIA»'S PRACTICE IN PERM REGION

Abstract: Based on the logic of neo-institutionalism, the article analyzes the formal and informal practices and interaction during the preliminary voting of the party “United Russia” (the primaries) in the Perm region. The potential and impact of formal and informal relations in both public space and transformation of the institute and its structural characteristics is evaluated. The informal methods of communication, speculative methods of organizing and attracting voters are described. The author concludes that the elites increasingly have to resort to informal methods of communication that are convenient for them, but this has a negative effect in the public space, and is seen as a measure of the deficit of legal mechanisms in working with the voters. On the other hand, the development of the informal side of the institute, which acts as its “core”, may affect the further transformation and development of the whole institute that has prospects of positive dynamics.

Keywords: primaries, informal practices, regional elites, neo-institutionalism.

References

Bez predvaritel'noy zapisi [Without pre-recording], available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2687540/> (accessed 11 September 2016). (in Russ).

Borisova N.V. *Perm': lokal'nyy rezhim v krupnom rossiyskom gorode* [Perm: Local regime in major Russian city], available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/bo9.html> (accessed 1 December 2016). (in Russ).

Chirikova A.E. *Vlast' v Rossii v neformal'noy proektsii: regiony i malye goroda* [Power in Russia in an informal projection: regions and towns], *Vestn. Tambov. un-ta, Ser.: Obshchestv. nauki*, 2015, iss. 1 (1), pp. 5-25. (in Russ).

Demkin N. *Kandidaty v Zakonodatel'noe Sobranie budut narodnymi* [The candidates to the Legislative Assembly will be public], available at: <http://pg.er.ru/news/item/id/1452/> (accessed 10 July 2016). (in Russ).

Dudich V. *K voprosu ob importe ekonomicheskikh institutov v sovremennoy ekonomicheskoy modeli, 2009* [On the issue of import economic institutions in the current economic model], available at: <http://www.lib.csu.ru/vch/140/014.pdf> (accessed 25 April 2013). (in Russ).

Ekspertnoe interv'y u s uchastnikom praymeriz po opredeleniyu kandidatov v deputaty Gosudarstvennoy Dumy v Permskom krae v 2011 g. [Expert interviews with party primaries to determine candidates for the State Duma in the Perm region in 2011: from the personal archive of the author]. (in Russ).

Gelman V. *Institutsional'noe stroitel'stvo i neformal'nye instituty v sovremennoy rossiyskoy politike* [Institutional Construction and Informal Institutions in Modern Russian Politics], *POLIS : Polit. issled.*, 2003, no. 4, pp. 6-25. (in Russ).

Gelman V. *Podryvnye instituty i neformal'noe upravlenie v sovremennoy Rossii* [Disruptive institutions and informal management in modern Russia], St. Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2010, 28 p. (in Russ).

Gelman V. *Politika institutsional'nogo stroitel'stva v sovremennoy Rossii: interesy, ideologii, informatsiya i izmeneniya* [The policy of institutional construction in modern Russia: interests, ideologies, information and changes], available at: <http://www.rapn.ru/library.php?d=292&n=35&p=10/> (accessed 23 August 2016). (in Russ).

Gensovet ER priznal pobeditel'yami praymeriz Lobanova i Zanina, 2016 [EP General Council recognized the winners of the primaries and Zanina Lobanov, 2016], available at: http://v-kurse.ru/news/politics/prezidium_gensoveta_er_priznal_pobeditel'yami_praymeriz_lobanova_i_zanin_2437191/ (accessed 10 August 2016). (in Russ).

Itogi praymeriz po dvum okrugam v Permskom krae otmeneny, 2016 [The results of the primaries in two districts in the Perm region canceled], available at: <http://www.business-class.su/news/2016/05/27/itogi-praymeriz-po-dvum-okrugam-v-permskom-krae-otmeneny> (accessed 8 September 2016). (in Russ).

Kynev A. *Vybory regional'nykh parlamentov v Rossii 2009-2013: Ot partizatsii k personalizatsii* [The elections of regional parliaments in Russia 2009-2013: From partization to personalization], Moscow, Tsentr "Panorama", 2014, 728 p. (in Russ).

Na partiyu, a ne na sebya [To the party and not to yourself], available at: <http://www.business-class.su/news/2016/04/09/na-partiyu-a-ne-na-sebya> (accessed 18 July 2016). (in Russ).

North D. *Institutions, institutional change and economic performance*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1996, 153 p.

Oleynik A. *Institutsional'naya ekonomika : ucheb. posobie* [Institutional economy], Moscow, Infra-M, 2002, 416 p. (in Russ).

Poluchaetsya, odin golos stoit rovno 700 rubley [It turns out, one vote is worth exactly 700 rubles], available at: <http://zvzda.ru/articles/3f0621be59a2> (accessed 10 August 2016). (in Russ).

Pravovye i politicheskie osobennosti predvaritel'nogo otbora partijami kandidatov na Rossiyskikh vyborah 2016 goda [Legal and political features of the preliminary selection

by parties of candidates in the Russian elections of 2016], available at: <https://komitetgi.ru/analytics/2896/> (accessed 1 December 2016). (in Russ).

Predvaritel'nye vybory – vsenarodnoe vydvizhenie kandidatov [Pre-election nationwide-nomination of candidates], available at: <http://pg.er.ru/news/item/id/2998/> (accessed 19 September 2016). (in Russ).

Predvaritel'nyy proval [Preliminary failure], available at: <http://www.levada.ru/2016/06/07/predvaritelnyj-proval/> (accessed 1 December 2016). (in Russ).

Reglament po organizatsii i provedeniyu predvaritel'nogo golosovaniya po kandidaturam dlya posleduyushchego vydvizheniya ot Partii «EDINAYa ROSSIYa» kandidatov v deputaty Zakonodatel'nogo Sobraniya Permskogo kraia tret'ego sozyva [Rules on the organization and conduct of early voting on candidates for the subsequent nomination of the Party “United Russia” of candidates for deputies of the Legislative Assembly of the Perm region of the third convocation], available at: <https://permkrai.er.ru/media/userdata/files/2016/03/18/reglament-zs-model-1.pdf> (accessed 12 August 2016). (in Russ).

Samyy luchshiy okrug v mire [The best district in the world], available at: <http://kommersant.ru/doc/2960468> (accessed 20 September 2016). (in Russ).

Shkel S.N. *Neformal'nye instituty v politicheskom protsesse postsovetskikh gosudarstv* [Informal institutions in the political process of post-Soviet states], *Fundamental research*, 2014, no. 12, pp. 1582-1585. (in Russ).

Tretyakova E. *V dvukh okrugakh Permskogo kraia itogi praymeriz priznany nedeystvitelnymi* [In two districts of the Perm region the results of the primaries invalidated], available at: <http://www.perm.kp.ru/online/news/2405837/> (accessed 19 September 2016). (in Russ).

Выдрин И.В., Эмих В.В. Принцип субсидиарности в организации местного самоуправления в России и Польше // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 2. С. 71–99.

УДК 34:352.075

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.2.7199

ПРИНЦИП СУБСИДИАРНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ И ПОЛЬШЕ

Игорь Вячеславович Выдрин

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: inst-vidrin@mail.ru

Валентина Викторовна Эмих

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 19.01.2017 г.

В статье анализируется преломление принципа субсидиарности в правовых системах местного самоуправления России и Польши. На основе сравнительного анализа авторы рассматривают следующие вопросы: формирование целостной концепции субсидиарности в социальном учении Католической церкви, исторические и правовые основы субсидиарности в системах местного самоуправления, принцип субсидиарности в территориальной организации местного самоуправления, соотношения субсидиарности и децентрализации власти, распределение публичных задач

между разными уровнями публичной власти исходя из принципа субсидиарности, самостоятельность и независимость единиц местного самоуправления как показатель субсидиарности, принцип субсидиарности в организации системы местных органов власти и в финансовой сфере, проявление субсидиарности в институтах демократии в России и Польше.

По мнению авторов, принцип субсидиарности имеет два аспекта – внутренний и внешний. Оба аспекта отражены и в законодательстве Польши, и в законодательстве России. Но в законодательстве России этот принцип формально не закреплен и акцент сделан на внутренний аспект субсидиарности – на отношения между государством и местным самоуправлением, а также на отношения между разными уровнями организации местного самоуправления. В Польше данный принцип закреплен на конституционном уровне применительно к отношениям между государством и гражданским обществом. В обеих странах содержательное наполнение концепции субсидиарности зависит от усмотрения законодателя. Однако Конституционным трибуналом Польши были сформулированы критерии субсидиарности, которые должны быть использованы в законодательном процессе. Ввиду отсутствия подобных критериев в России усмотрение законодателя становится излишне широким. Несмотря на провозглашение отделения местного самоуправления от государства, принципы самостоятельности и независимости органов местного самоуправления нарушаются, особенно в финансовой сфере. Принципы субсидиарности и децентрализация власти сохраняют важное значение в общественно-политической жизни в России, но авторы делают вывод о наметившихся тенденциях их формализации и даже нарушения.

Ключевые слова: субсидиарность, принцип, местное самоуправление, децентрализация, демократия, гражданское общество, Европейская хартия местного самоуправления, социальное учение Католической церкви.

В современном мире принцип субсидиарности стал объектом исследования во многих областях знаний – в политологии и управлении, юриспруденции и экономике. С его помощью решаются разнообразные задачи, такие как гармонизация отношений между обществом и государством, развитие гражданского общества, обеспечение социального равновесия, построение демократического общества, где человек является высшей ценностью, распределение задач и компетенции между разными уровнями публичной власти. В различных областях знаний, сферах жизнедеятельности, правовых и политических системах, социально-экономических условиях открываются новые грани субсидиарности. В сфере местного самоуправления данный принцип позволяет приблизить власть к гражданам, привлечь их к решению публичных задач, но в то же время оправдать вмешательство государства в местные дела. На примере российского и польского опыта применения субсидиарности в организации местного самоуправления рассмотрим содержание данного принципа и особенности его преломления в правовых системах России и Польши.

Идея субсидиарности в социальном учении Католической церкви. Идея субсидиарности начала формироваться еще в античной философии (лат. *subsidiarius* – вспомогательный, резервный) и имеет давние традиции в европейской политико-правовой мысли. Отдельные ее элементы (размышления о человеке и обществе, роли индивида в обществе и т.п.)

можно обнаружить в письмах Фомы Аквинского, трудах немецкого мыслителя Йоханнеса Альтхауса, позднее – Георга Гегеля и Вильгельма Гумбольдта и многих других ученых и общественных деятелей. Большое влияние на становление субсидиарности имела практика реализации федеративного устройства в Германии и отдельных скандинавских государствах. В качестве целостной концепции она получила закрепление в социальном учении Католической церкви, центральным тезисом которого стали взаимосвязь и взаимответственность личности и общества.

Первоначально принцип субсидиарности нашел обоснование в энцикликах папы Льва XIII о христианском устройстве государств *Immortale Dei* [Leo XIII Holy Father 1885], о капитале и труде *Rerum Novarum* [Leo XIII Holy Father 1891]. Общий замысел понтифика проанализировать отношения между пролетариатом и капиталом впоследствии расширился и приобрел черты целостной концепции, содержащей прогрессивные для того времени идеи. Папа Лев пришел к выводу, что государство обязано способствовать улучшению положения рабочих и фиксировать границы своего вмешательства: «Государство не должно поглощать ни индивида, ни семью; им разрешено действовать свободно... в той мере, в какой это согласуется с общим благом и интересами других» [Leo XIII Holy Father 1891: 35]. Эти суждения были положены в дальнейшем в основу идеи субсидиарности.

Идеи Льва XIII подхватил его преемник – папа Пий XI. В энциклике *Quadragesimo Anno* [Pius XI Holy Father 1931] он определил субсидиарность как принцип социальной мудрости и сформулировал его следующим образом: «Как абсолютно неверно передавать сообществу то, что индивиды могут выполнить по собственной инициативе, так и несправедливо в то же время закреплять за более крупными и вышестоящими объединениями то, что менее крупные и нижестоящие объединения могут выполнить сами» [Pius XI Holy Father 1931: 79]. Государство может и должно вмешиваться только тогда, когда «...речь идет об обеспечении общего блага путем воплощения в жизнь принципа распределительной справедливости» [Онопренко 2014: 183]. Общество должно контролировать, чтобы государственные органы выполняли те задания, которые не могут быть выполнены органами местного самоуправления. Пий XI видел в принципе субсидиарности единственный эффективный способ адекватного распределения полномочий и гарантию от чрезмерного вмешательства государства.

В энциклике *Centesimus Annus* [John Paul II Holy Father 1991] папа Иоанн Павел II взглянул на принцип субсидиарности иначе, акцентировав внимание на активной личности, а не на государстве. Общество, состоящее из таких личностей, функционирует на основе субсидиарности, смысл которой состоит в следующем: «Сообщество более высокого порядка не должно вмешиваться во внутреннюю жизнь сообщества более низкого порядка, присваивая его функции, но, напротив, должно поддерживать его в случае необходимости и помочь скоординировать его деятельность с другими составляющими общества, всегда исходя из общего блага» [John Paul II Holy Father 1991: 48].

Таким образом, в социальном учении Католической церкви субсидиарность сформировалась в системе «свобода – ответственность» как принцип общественного устройства, сопряженный с идеалами социальной солидарности и ориентированный в первую очередь на индивида, его роль в обществе и государстве. Становление данного принципа во многом связано с возрождением духовного наследия Фомы Аквинского в учениях Католической церкви конца XIX – начала XX в. [Пономарев 2009: 58-60]. Томизм основан на концепте естественного права – каждое творение встает на путь развития и оказывается вовлечено в действие общемирового вечного закона, который выражается не только в единстве законов природы, но и в естественном праве. Социальное бытие человека сопряжено с его встраиванием в иерархическую систему общества, в которой он должен согласовывать свою волю с общим благом как объединяющим вектором развития.

Именно в широком понимании – в качестве основы построения взаимоотношений индивида и общества как органического целого – принцип субсидиарности активно развивается в правовой доктрине и закрепляется в правовых системах ряда западноевропейских государств после Второй мировой войны. Рассмотрение субсидиарности в парадигме социального государства и федерализма стало возможным, в числе прочего, благодаря многочисленным исследованиям европейских ученых. Позднее этот принцип был воспринят при интеграции европейских государств в Европейский союз, что позволило сохранить государственный суверенитет стран-участников этого союза. В настоящее время данный принцип часто используется в национальных правовых системах для распределения задач между уровнями публичной власти и зачастую сводится к отнесению рассмотрения публичных задач на наиболее низкий уровень, где они могут эффективно решаться.

Исторические основы субсидиарности в организации публичной власти на местном уровне в России и Польше. Местное самоуправление – ровесник современной России, если не брать в расчет пятидесятилетний период его существования до Октябрьской революции 1917 г., а также редкие всплески интереса к нему, случавшиеся на начальном этапе Советской власти. Гражданская война, классовая борьба, хозяйственная разруха в стране объективно не способствовали децентрализации, выражением которой является территориальное самоуправление. Советы, сценитированные конституционным принципом демократического централизма, на несколько десятилетий стали политической формой организации народа, существуя в статусе органов государственной власти на местах. В таких условиях местное самоуправление едва ли могло встроиться в качестве обязательного элемента в советский государственный уклад.

Другой вопрос, был ли у него шанс адаптироваться при более благоприятных обстоятельствах, случись таковые в советский период. Здесь тоже есть сомнения, поскольку известный всем самоуправленческий архетип, подразумевающий выборность, организационную и функциональную самостоятельность местных органов, автономию самоуправленческих территорий, наличие собственных материальных и финансовых ресурсов, мало

согласуется с многовековой стратегией российского управления, обозначаемой в разные периоды истории как «централизация», «самодержавие», «административно-командная система» или «вертикаль власти».

Даже после двух десятилетий вполне успешных самоуправленческих реформ в России в 1870–1880-е гг., в значительной мере ожививших социальную и хозяйственную жизнь страны, местному самоуправлению было отказано в доверии. Это нашло отражение, к примеру, в Городовом положении от 11 июля 1892 г., сократившем и без того немногочисленный корпус избирателей, ужесточившем административный контроль, наделившем правительственные учреждения правом отмены актов городской власти по мотивам их нецелесообразности, чего прежде не было. А ведь подписавший его император Александр III в преамбуле Положения прямо признавал заслуги местного самоуправления, которое «в течение двадцати лет своего применения принесло немаловажную пользу», «благоустройство городских поселений заметно поднялось, и улучшились многие условия городской жизни» [[Титов, Чистяков 1990: 420-421].

Тем не менее позитивные практические результаты, приток в земские, городские органы власти полезных обществу и государству людей не гарантировали местному самоуправлению монаршей милости, и все оттого, что русское самодержавие не терпело не подчиненной ему или не исходящей от него власти. Вот, кажется, главная причина всех неудач местного самоуправления в России. Оно потому обрекалось на провал, что имело источником своего происхождения волю местного сообщества, а не волеизъявление монарха или его уполномоченного наместника.

Надежду на укоренение местного самоуправления как прямое проявление принципа субсидиарности подала современная Россия, последовавшая примеру европейского сообщества в плане его юридической формализации. Согласно Европейской хартии местного самоуправления последнее предстает в виде императива, сопутствующего любому демократическому и правовому государству, его эталона, обеспечивающего эффективное и одновременно приближенное к гражданину управление, признанного национальным законодательством, а по возможности и конституциями стран, разделяющими принципы Хартии. Российская Федерация, изо всех сил стремившаяся в 1990-е гг. адаптироваться к европейским политическим и экономическим структурам, была готова согласиться с чем угодно, тем более с такой, казалось бы ни к чему не обязывающей, трактовкой местного самоуправления, забыв на время о выработанном веками главным российском управленческом коде – централизации.

Днем рождения современного местного самоуправления в Польше считается 8 марта 1990 г., когда был принят Закон «О гминном самоуправлении» [Ustawa o samorządzie gminnym, 1990], который возродил по сути ликвидированное в эпоху коммунизма местное самоуправление. Постепенно происходило возвращение к самоуправлению гмины в традициях II Речи Посполитой, а также в соответствии с системой классического германского самоуправления [Izdebski 2014: 89]. Господствовавшая в государстве «реального социализма» идеология требовала централизации

принятия решений. В польском законодательстве с 1970-х гг. и вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х гг. народные советы определялись как органы государственной власти и общественного самоуправления, а в 1990-х гг. – как органы территориального управления. Появление в повестке дня в начале 1990-х гг. идей децентрализации и демонополизации государственной власти и принципа вспоможения (*zasada pomocniczości* – в польской научной литературе и в отдельных законодательных актах используется именно такое наименование принципа субсидиарности) вызвало неприятие со стороны общества, но впоследствии эти идеи и принцип нашли общественную поддержку. Проводимая реформа местного самоуправления была сконцентрирована на пяти предложенных Ежи Регульски (полпред по реформе местного самоуправления в правительстве Тадеуша Мазовецкого) направлениях демонополизации государственной власти: в политической сфере, сфере публичных функций, сфере собственности и местной экономики, сфере публичных финансов, сфере администрации [Регульски 2004: 5-6]. Впоследствии реформа дала толчок для развития страны.

В начале 1990-х гг. Россия и Польша оказались в относительно сходных исторических условиях – в этих странах не было опыта функционирования местного самоуправления, связанного с активностью гражданского общества; обе страны имели коммунистическое наследие, препятствовавшее децентрализации власти и внедрению принципа субсидиарности в организацию публичной власти на местном уровне. В то же время разные политические условия привели к различному воплощению субсидиарности в действительной организации местного самоуправления.

Правовая основа субсидиарности в организации местного самоуправления в России и Польше. В общем виде принцип субсидиарности сформулирован в Европейской хартии местного самоуправления: «Осуществление публичных полномочий, как правило, должно возлагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам. Передача какой-либо функции другому органу должна производиться с учетом объема и характера конкретной задачи, а также требований эффективности и экономии» [European Charter 1985: art. 4]. Хартия выступает составной частью правовых систем обоих государств, но сформированная в развитие положений Хартии правовая основа субсидиарности в них существенно отличается.

Хартия ратифицирована Польшей 22 ноября 1993 г. Характерной особенностью правового регулирования принципа субсидиарности в Польше является его конституционное закрепление. В преамбуле действующей Конституции Речи Посполитой Польской (далее – Конституция Польши) указано: «Мы, польский народ – все граждане Республики, как верующие в Бога ... вводим Конституцию Республики Польши как основные законы для государства, опирающиеся на уважение свободы и справедливости, взаимодействие властей, общественный диалог, а также на принцип субсидиарности, укрепляющий права граждан и их сообществ» [Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej 1997]. Таким образом, субсидиарность напрямую относится к организации гражданского общества, к положению граждан в обществе и государстве. В Законе «Об общественно-полезной деятельности

и о волонтиariate», часто называемом в Польше «конституцией третьего сектора», субсидиарность обозначена среди принципов, на основе которых строится взаимодействие органов публичной администрации и неправительственных организаций при реализации публичных задач [Ustawa o działalności, 2003: art. 5]. В Законе «О помощи лицам, имеющим право на получение алиментов», установлено, что «конституционный принцип субсидиарности накладывает на государство обязанность помощи только тем лицам, которые сами не в состоянии обеспечивать свои потребности и не получают причитающейся им помощи от лиц, обязанных выплачивать им алименты» [Ustawa o pomocy... 2007]. В Законе «О помощи семье и системе временной опеки» указывается, что задачи в данной сфере решаются в соответствии с принципом субсидиарности, особенно если законами установлена их реализация через местные органы власти. Обязанность решения данных задач возложена на органы публичной администрации и органы единиц территориального самоуправления, но предусмотрена возможность поручения данных задач неправительственным организациям [Ustawa o wspieraniu rodziny, 2011: art. 3].

В Польше принцип субсидиарности законодательно закреплен применительно к системе «индивид – гражданское общество – публичная власть», но при этом законодательная дефиниция данного принципа отсутствует. В правовых актах, регламентирующих отношения между правительственной администрацией и органами территориального самоуправления [Ustawa o samorządzie gminnym, 1990; Ustawa o samorządzie powiatowym, 1998; Ustawa o samorządzie województwa, 1998], данный принцип напрямую не закреплен, но его содержание они раскрывают. Принцип субсидиарности в организации местного самоуправления неоднократно исследовался в решениях Конституционного трибунала Республики Польши.

В отличие от Польши в Российской Федерации Конституция не использует термин «субсидиарность», равно как не содержит его Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон об общих принципах организации местного самоуправления) [Федеральный закон 131-ФЗ, 2003]. Но идея субсидиарности, выраженная в Европейской хартии местного самоуправления (ратифицирована Россией 11 апреля 1998 г.), присутствует в российском законодательстве.

Формально принципы Хартии соблюдены Россией, Конституция и текущее законодательство которой оценили местное самоуправление по самому высшему баллу, наделив его базовыми характеристиками в качестве основы конституционного строя, формы территориального народовластия, конституционного права граждан на участие в решении местных дел. В современной России все начала местного самоуправления, являющиеся разными гранями принципа субсидиарности, нашли закрепление в Конституции и текущем законодательстве. Конституция РФ положила в основу его создания ряд положений, в числе которых обязательное признание местного самоуправления государством; самостоятельность в пределах отведенных ему полномочий; организационная и функциональная автономия органов

местного самоуправления, с момента принятия Основного закона страны переставших быть частью общей системы государственной власти; отнесение установления общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; непосредственное осуществление местного самоуправления гражданами; определение населением структуры органов местного самоуправления [Конституция, 1993: ст. 12, 72, 130, 131]. По сути, эти положения составляют ядро субсидиарности как по линии разграничения полномочий между различными уровнями публичной власти, так и в плане отношений органов местного самоуправления и населения муниципальных образований, равно несущих собственную долю тягот в осуществлении самоуправленческих начал. Конституционные положения развиты в Законе об общих принципах организации местного самоуправления, Бюджетном кодексе Российской Федерации, Налоговом кодексе Российской Федерации, иных нормативных правовых актах Российской Федерации, нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации. Отдельные аспекты субсидиарности в организации местного самоуправления нашли отражение в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации.

Принцип субсидиарности пронизывает систему организации местного самоуправления и проявляется в различных аспектах организации местного самоуправления, что обусловило сходство в правовой регламентации – положения действующей и в России, и в Польше Европейской хартии местного самоуправления представлены в соответствующей конституции и текущем законодательстве, регулирующем вопросы устройства публичной власти на местном уровне. Вместе с тем если в России данный принцип используется преимущественно для распределения задач между государственной и местной властью, то в Польше – также для распределения задач в системе «гражданское общество – публичная власть». Иными словами, в Польше принцип субсидиарности задействован при регламентации более широкого круга общественных отношений, что и повлияло на характер правовых актов, в которых отражен данный принцип, – правовые акты, закрепляющие принцип субсидиарности в России и в Польше, отличны по предмету правового регулирования.

Принцип субсидиарности в территориальной организации местного самоуправления. Вопрос о границах муниципалитетов всегда являлся одним из самых обсуждаемых в науке и практике, а территориальный аспект был и остается важнейшим в любой самоуправленческой реформе. Аксиомой субсидиарности следует считать максимальное приближение местных органов власти к населению при сохранении эффективности осуществления публичных функций. Предпосылкой для реализации этого положения служит оптимальная территориальная организация местного самоуправления. Какая единица местного самоуправления должна рассматриваться в качестве низовой? Какова наиболее отвечающая интересам населения система самоуправляющихся территориальных единиц? Эти и подобные им вопросы становятся ключевыми при реформировании местного

самоуправления практически в каждой стране. В польской и российской самоуправленческой практике не выработано единых критериев относительно территориальных основ местного самоуправления. В ходе реформирования местного самоуправления и в России, и в Польше для определения его территориальной основы использовалась совокупность критериев: численность и плотность населения, доступность административных и экономических центров, исторически сложившееся деление территории, природные условия, пути сообщения, перспективы экономического развития, социальная инфраструктура и др. На 1 января 2016 г. в Польше (численность населения – около 38 млн чел.) создано 2478 гмин (из них 1559 – сельские, 303 – городские и 616 – сельско-городские), 380 повятов (из них 314 повятов и 66 городов на правах повятов) и 16 воеводств. В России (численность населения примерно 136 млн чел.) на ту же дату, по данным Росстата (www.gks.ru), функционировало 22406 муниципалитетов, в том числе 1592 городских и 18177 сельских поселений, 1788 муниципальных районов, 563 городских округа, 267 внутригородских территорий городов федерального значения, 19 внутригородских районов.

В Польше прогрессивный опыт территориальной организации местного самоуправления с высокой степенью децентрализации был накоплен уже во времена Речи Посполитой шляхетской и II Речи Посполитой Польской. Во времена разделов местное самоуправление дифференцировалось в зависимости от того, под власть какого государства попала соответствующая часть Польши, – достаточно сильное местное самоуправление было и в австрийской, и в прусской частях. Отдельные тенденции к децентрализации наметились в ходе реформ 1972–1975 гг. и 1983 г., которые привели к отступлению от так называемого принципа демократического централизма, но тем не менее власть на местах по-прежнему оставалась продолжением центральной власти [Чехарина 2014: 168]. Гминное самоуправление было восстановлено в 1990 г., воеводское (вместо 49, функционировавших с 1975 г., введено 16 воеводств, как во времена II Речи Посполитой) и повятовое (ликвидированное во время реформы 1973–1975 гг.) – с 1 января 1999 г.

Дискуссионным остается вопрос о статусе функционирующих в границах гмин солецтв, джелниц и иных территориальных образований, по сути, наиболее приближенных к населению, но не являющихся самостоятельными единицами территориального самоуправления. В решении Конституционного трибунала от 07.12.2005 г. [Wyrok Kp 3/05, 2005] положения Закона «О внесении изменений в Закон “О статусе столичного города Варшавы”» были признаны неконституционными в части наделения джелниц правами по реализации задач по охране здоровья и управления детскими яслями. По мнению суда, создание вспомогательных структур приближает власть к населению и отвечает принципу субсидиарности, но следует учитывать, что джелницы вправе реализовывать такие задания только при условии их изначального закрепления Конституцией и законами за гминами.

В России территориальная система местного самоуправления стала складываться в 1860–1870 гг. Земское самоуправление охватывало губернии и уезды; городское самоуправление – губернские и уездные города.

Низовой управленческий уровень – волости оказались в орбите самоуправления много позже (в сентябре 1917 г.), когда было образовано 9,5 тыс. волостных земств, которые по известным причинам не нашли применения.

К моменту появления института местного самоуправления в начале 1990-х гг. в России насчитывалось более 30 тыс. территорий местных Советов. В течение 10 лет (1995–2005) функционировало около 12 тыс. муниципальных образований. Территориальные пределы местного самоуправления вновь расширились в наше время, что связано с законодательной обязанностью его осуществления на всей территории Российской Федерации – в сельских и городских поселениях, муниципальных районах, городских округах и даже на внутригородских территориях городов федерального значения. В период с 2005 по 2009 г. в стране было создано 24,5 тыс. муниципальных образований, число которых впоследствии неуклонно снижалось, в первую очередь за счет упразднения сельских муниципалитетов как самых недееспособных.

В 2014 г. границы местного самоуправления вновь раздвинулись за счет возможности создания новых типов муниципальных образований – городских округов с внутригородским делением и внутригородских районов. Данная реформа вызывает споры по поводу ее целесообразности и административно-принудительных методов осуществления. Одним из мотивов ее проведения стала установка на более глубокое внедрение принципа субсидиарности, связанное с попытками максимального сближения органов местного самоуправления с населением. Собственно, авторы данной законодательной инициативы руководствовались характеристикой местного самоуправления как власти, самой близкой людям, озвученной Президентом РФ В.В. Путиным еще в 2001 г. [Путин 2001]. В настоящее время в Российской Федерации функционируют 3 городских округа с внутригородским делением (Челябинск, Самара, Махачкала) и 19 внутригородских районов (бывшие административные районы в указанных городах).

Принцип субсидиарности и децентрализация власти, распределение задач между уровнями публичной власти в России и Польше. Принцип субсидиарности подразумевает вовлечение граждан и местных сообществ в решение вопросов местного уровня. Согласно данному принципу человек является субъектом власти, а не ее объектом. Публичная же власть призвана помочь решить те задачи, которые не могут реализовать индивид, семья, общество. Именно поэтому преамбула Конституции Польши ориентирует на то, что принцип субсидиарности должен укрепить права граждан и их сообществ [Konstytucja, 1997]. При этом Конституционным трибуналом принцип субсидиарности трактуется в качестве нормы, регуливающей общественный и политический порядок как часть национального правопорядка. Если принцип децентрализации ориентирован на отношения между органами публичной власти, то принцип субсидиарности охватывает также проблематику гражданского общества и участие граждан в осуществлении публичной власти [Bandarzewski, Chmielnicki, Kisiel 2007: 64]. Можно сказать, что принцип субсидиарности в организации территориального самоуправления проявляется в двух аспектах. Внутренний аспект

характеризует отношения в системе «правительственная администрация – территориальное самоуправление», то есть отношения между единицами территориального самоуправления и публичной администрацией, а также между отдельными единицами территориального самоуправления, а внешний – в системе «гражданское общество – территориальное самоуправление», то есть отношения между единицами территориального самоуправления и индивидами, обществом в целом.

В Российской Федерации акцент первоначально делался на внутреннем аспекте принципа субсидиарности. Собственно, само местное самоуправление, часто отождествляемое с процессом децентрализации власти, есть свидетельство воплощенной субсидиарности. Основу внутреннего аспекта принципа субсидиарности составляют децентрализованная организация публичной власти и предоставление муниципалитетам ее атрибутов. Внешний аспект субсидиарности в России по линии «местное самоуправление – население муниципального образования» наиболее выпукло заявлен в принятом в 2003 г. Законе об общих принципах организации местного самоуправления, который установил перечень институтов прямой демократии, позволяющих гражданам участвовать в решении местных дел.

Децентрализация, в свою очередь, предполагает рациональное распределение задач между разными уровнями осуществления публичной власти. Применительно к Польше необходимо вести речь о распределении задач а) между правительственной администрацией и территориальным самоуправлением и б) в трехуровневой системе самоуправления «гмина – повят – воеводство». Первое базируется на презумпции задач единиц территориального самоуправления [Konstytucja, 1997: art. 16, 163] и примате задач самоуправления над интересами государства при решении вопросов, касающихся граждан и их сообществ. Второе – на принципе рассмотрения вопросов, имеющих первостепенное значение для граждан, органами публичной власти, наиболее приближенными к населению, и на доминировании задач гмины при распределении задач в системе «воеводство – повят – гмина» [Konstytucja, 1997: art. 164].

Децентрализация публичной власти и управления в Российской Федерации осуществлялась примерно в этом же направлении: по линии распределения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также в плане разграничения вопросов местного значения между различными типами муниципальных образований. Процессы эти протекали довольно болезненно, у муниципалитетов изымались те или иные сферы деятельности, которые передавались в ведение региональных органов государственной власти. Зато решение оставшихся вопросов местного значения могло осуществляться только органами местного самоуправления, что подчеркивалось Конституционным Судом РФ в период 1990-х гг.

Позднее федеральный законодатель определил случаи, когда вопросы местного значения временно могут решаться органами власти субъектов РФ [Федеральный закон 131-ФЗ, 2003: 75]. С 2014 г. у муниципалитетов (как правило, самых крупных) сокращается зона ответственности и целые

блоки вопросов местного значения отныне относятся к компетенции органов государственной власти регионов. Данное обстоятельство можно охарактеризовать как отступление от принципа субсидиарности, муниципальной практики 1990-х гг., правовых позиций Конституционного Суда РФ, сформулированных в это же время.

В системе муниципальных образований, существующих в Российской Федерации в настоящее время, доминируют городские округа как самые крупные муниципалитеты, ведающие наибольшим перечнем вопросов местного значения и обладающие ресурсами для их реализации.

Из самого принципа субсидиарности не вытекает непосредственно, в каких пропорциях должна быть осуществлена децентрализация власти, и поэтому эти пропорции варьируются в разных правовых системах. Важно учитывать и субъективные, и объективные критерии.

В Польше основным уровнем реализации публичной власти является местный – задачи, не закрепленные за государством, решает территориальное самоуправление. Государство выступает в качестве «резервной силы» и реализует свои задачи преимущественно в двух случаях: когда речь идет о вопросах общенационального уровня и когда в силу организационных или экономических причин вопрос не может быть решен иным субъектом [Cіparała 2001: 36-37]. Но это не означает безусловного возложения всех функций на единицы территориального самоуправления; речь идет о таком распределении задач, которые бы отвечало принципу эффективности деятельности, осуществляемой на соответствующем уровне публичной власти. Конструкция доминирования власти самоуправления не гарантирует, что фактически больший объем задач будет закреплен за единицами самоуправления. Данная конструкция предполагает, что территориальное самоуправление будет действовать в тех рамках, в которых законодатель считает допустимым невыполнение этих задач иными органами публичной власти [Dąbek, Zimmermann 2005: 17]. Но тем не менее Конституция несет для законодателя ориентир для закрепления за территориальным самоуправлением значительной, хотя и не обязательно большей, части задач [Konstytucja, 1997: 16 (4)].

Согласно Решению Конституционного трибунала от 18.07.2006 г. правовая дефиниция децентрализации включает три момента: 1) передачу публичных задач на местный уровень, 2) установление гарантий самостоятельности местных органов и возможности принятия ими решений по публичным вопросам, 3) обеспечение финансирования властной политики единиц территориального самоуправления. Границы децентрализации, по мнению Конституционного трибунала, могут изменяться в зависимости от изменения политики государства, локальной экономики, возможности выполнения местной администрацией задач на основе принципа субсидиарности, социально-экономических условий. Децентрализация не исключает передачи публичных функций от органов единиц территориального самоуправления органам другого уровня [Wyrok K 24/02, 2003].

Доминирование компетенции гмины предполагает, что воеводство или повят должны решать задачи только в тех случаях, когда гмина не в

состоянии самостоятельно решить ее; это и должно учитываться при распределении компетенции в системе «гмина – повят – воеводство». Более того, согласно Конституции именно гмина рассматривается в качестве основной единицы территориального самоуправления, но это положение не дает возможности сделать полноценный вывод о задачах данной единицы территориального самоуправления [Konstytucja, 1997: 164 (1)]. Основная – еще не значит наиболее приближенная к гражданину, но в границах повятов функционирует несколько гмин, отсюда и вывод, что собственно гмина и есть ближайшая к гражданину территориальная единица; впрочем, это не находит полного подтверждения в круге ее задач [Krasnowolski 2012: 14]. Конституционный трибунал полагает, что нельзя сводить субсидиарность к необходимости выполнения задач как можно на более низком уровне – законодатель должен оценить, на каком уровне власти наиболее эффективней будет выполнение определенных публичных задач [Skrenty 2009: 250-252; Dobek 2008]. К числу критериев относятся баланс локальных и общенациональных интересов, охват и характер задания, эффективность и экономичность его выполнения.

Таким образом, принцип доминирования задач гмин не является абсолютным. Как показывает анализ решений Конституционного трибунала, он ограничен другими конституционными принципами и ценностями. Знаковым для трактовки принципа субсидиарности и принципа децентрализации выступает решение Конституционного трибунала от 18.02.2003 г. по вопросу об объединении 11 гмин в единую двухмиллионную Варшавскую гмину. В данном решении указано: «Принцип субсидиарности следует понимать во всей его многогранности, которая заключается в том, что укрепление прав граждан и их сообществ не означает согласия с деятельностью публичной власти на более высоком местном уровне, а, напротив, требует такого рода деятельности, если решение проблем на основном уровне не представляется возможным» [Wyrok K 24/02, 2003]. Трибунал подчеркнул, что децентрализация сочетается с принципом единства Республики Польши [Konstytucja, 1997: 3] и не исключает возможности изъятия какого-либо вопроса с местного уровня и его передачу органу власти другого уровня. Такое исключение должно осуществляться в рамках права и быть основанным на принципе рациональности. Децентрализация означает не только отсутствие сосредоточения власти, но и поиск наиболее эффективных отношений. Децентрализация должна обеспечить единицам территориального самоуправления способность реализации публичной власти. Именно законодатель должен оценить, какое распределение задач между разными уровнями организации публичной власти лучше обеспечит это и какая территориальная основа необходима в данном случае.

Конституционный трибунал выработал в своей практике следующие критерии рационального распределения задач между уровнями власти для законодателя: *целевой критерий* – способно ли осуществляемое законодательное регулирование достичь своей цели, *критерий охраны публичных интересов* – необходимо ли данное законодательство для охраны публичных интересов, *критерий пропорциональности* – является ли регулирование

пропорциональным бремени, возлагаемому посредством него на граждан. Более того, законодатель может принять решение не только о децентрализации власти, но и, напротив, о ее централизации, если это требуется для рационального и эффективного решения публичных задач.

Наибольшее число вопросов, связанных с реализацией принципов субсидиарности и децентрализации, возникает в сфере образования, здравоохранения, территориального планирования, строительства дорог и коммуникаций [Krasnowolski 2012: 13]. К примеру, единицы территориального самоуправления обязаны финансировать образовательные учреждения, но не могут влиять на образовательный процесс.

В Польше принцип субсидиарности получил на законодательном уровне не лишь общее регулирование. Конкретные же критерии распределения задач между государством и самоуправлением, между единицами территориального самоуправления в системе «гмина – повят – воеводство» были выработаны для законодателя Конституционным трибуналом в ходе его практической деятельности. Принцип субсидиарности рассматривается в качестве динамичного. Концепция субсидиарности, сложившаяся в практике Конституционного трибунала, нередко критикуется за ее чрезмерную гибкость, предоставление законодателю чрезмерной свободы усмотрения, граничащей с самоволием [Chmielnicki 2005: 67-68].

В российской правовой доктрине не представлены четкие критерии распределения задач между различными уровнями публичной власти. Точно так же отсутствуют подобные критерии при определении перечней вопросов местного значения. Не помог в этом отношении и Конституционный Суд РФ, оставивший законодателю широкую свободу усмотрения в конкретных политических и социально-экономических условиях. Единственное, что можно припомнить на этот счет, – это выводы Конституционного Суда, запрещающие установление региональными законами полномочий конкретных органов местного самоуправления [Постановление № 3-П, 1998], передачу муниципальными органами власти части своих полномочий по решению вопросов местного значения органам государственной власти субъектов РФ [Постановление № 15-П, 2000]. Однако с тех пор многое изменилось. Уже отмечалось, что федеральное законодательство с 2014 г. допускает передачу полномочий муниципальной власти регионам, причем по самым разным вопросам местного значения, в том числе по градостроительству, землепользованию, рекламе и т.п. На отсутствие необходимой четкости в сфере компетенции местного самоуправления указывает то обстоятельство, что она остается одной из самых уязвимых. Регулярные законодательные изменения в компетенционной сфере лихорадят муниципальные власти, вынуждают их подстраиваться под новые обязанности, перекраивать штаты исполнительной власти, изыскивать финансовые ресурсы для решения все новых задач [Выдрин 2012: 120-121].

Базовый объем предметов ведения (в российском законодательстве используется термин «вопросы местного значения», в польском – «сферы деятельности») единиц местного самоуправления в России и Польше совпадает. Это вопросы образования; социальной помощи; дорожная

деятельность; отдельные вопросы в области градостроительства, лесного и водного хозяйства, охраны окружающей среды; благоустройство территории; обеспечение водой, канализационное обслуживание, обеспечение электроэнергией и иные вопросы жилищно-коммунального обслуживания; организация работы библиотек.

Вместе с тем сравнительный анализ предметов ведения единиц местного самоуправления в России и Польше показывает значительное расширение их объема в России за счет вовлечения муниципалитетов в осуществление, по сути, государственных функций или организационного обеспечения выполнения таких функций. К вопросам местного значения городского, сельского поселения отнесены, в частности, участие в профилактике терроризма и экстремизма, участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах поселения, предоставление помещения для работы на обслуживаемом административном участке поселения сотруднику, замещающему должность участкового уполномоченного полиции [Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003: 14].

Обращает на себя внимание также значительный объем государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления. Российское местное самоуправление, как никогда ранее юридически оснащенное, получившее конституционное закрепление, многократно обласканное на словах, на деле продолжает сталкиваться с большими трудностями. Пробуя в очередной раз прижиться на российской почве, местное самоуправление, а с ним и принцип субсидиарности по-прежнему остаются заложниками борьбы децентрализации и централизации управления, в которой чаще побеждает последняя.

Самостоятельность и независимость единиц местного самоуправления при реализации публичной власти в России и Польше. И в России, и в Польше гарантируются самостоятельность единиц местного самоуправления и их независимость от иных субъектов.

Как указано в Решении Конституционного трибунала от 18.07.2006 г., децентрализация органов подразумевает самостоятельное функционирование в законодательно допустимых границах и независимость, то есть свободу от вмешательства в их деятельность органов высшего уровня [Wyrok U 5/04, 2006]. Децентрализация власти – это не только процесс закрепления центральными органами управления задач на более низком уровне организации публичной власти, но и расширение сферы компетенции действующих на данном уровне органов до самостоятельного принятия решений от своего имени и под свою ответственность. Самостоятельность органов единиц территориального самоуправления не абсолютна. В решении Конституционного трибунала от 08.03.2002 г. рассматривались пределы самостоятельности единиц территориального самоуправления и возможности их ограничения. Трибунал признал соответствующими Конституции положения закона о системе образования, предписывающие территориальному самоуправлению получать положительное мнение инспектора по образованию при ликвидации школы [Wyrok K 29/00, 2002]. Здесь следует соотнести цель и аксиологию закона, устанавливающего ограничение: адекватна

ли цель средствам, используемым законодателем? Усмотрение законодателя не может быть безграничным, он должен исходить из публичного интереса и из принципа субсидиарности, который становится тем конституционным предписанием, в соответствии с которым определяются задачи и компетенция публичной власти. Иными словами, принцип субсидиарности выступает в качестве ограничителя для законодателя – Сейма Республики Польша.

В законодательстве Польши отсутствует положение об отделении государства от местного самоуправления, но единицы территориального самоуправления обладают достаточно высокой степенью самостоятельности как в области управления (самостоятельное принятие решений в определенных законодателем сферах деятельности, издание собственных актов и др.), так и в области экономики (наделение единиц собственным имуществом на праве собственности с соответствующими полномочиями собственника, самостоятельное участие единиц в хозяйственном обороте в качестве юридических лиц, решение вопросов бюджета и др.) и независимы от правительственной администрации. Конституционный трибунал исходит из того, что децентрализация власти не предполагает создания иерархической системы уровней организации публичной власти, но допускает возможность надзора со стороны правительственной администрации на предмет законности [Dobek 2008]. В гмине органами указанного надзора являются премьер-министр, воевода и региональная счетная палата. Гарантией от чрезмерного вмешательства надзорных органов в деятельность органов территориального самоуправления служит их право на обращение в административный суд. На уровне воеводства реализуются как задачи самоуправления, так и задачи правительственной администрации. В повятах службы правительственной администрации – пожарной охраны, санитарной инспекции, ветеринарной инспекции, инспекции строительного надзора – встроены в администрацию.

Ретроспектива самоуправленческого вопроса в России свидетельствует о доминанте государственной доктрины, трактующей местное самоуправление в качестве децентрализованного государственного управления, особой государственной власти на местах, основанной на выборных началах, на отмеренной для него государством организационной и функциональной автономии. Согласно этой концепции местное самоуправление имеет своим источником верховную власть, от которой местное самоуправление зависит в большом и малом.

Категоричность, с которой Конституция России исключила местное самоуправление из системы государственной власти, свидетельствует о том, что это не государственный, а особый публично-властный институт, учрежденный на низовом уровне управления. Предмет его повседневной заботы – не государственные дела, а, главным образом, муниципальные (публичные) интересы, выраженные в категории «вопросы местного значения». Органы местного самоуправления обладают полновесным набором властных признаков, что в значительной степени сближает, но не отождествляет их с государственной системой. Данное обстоятельство породило массу правовых

особенностей во взаимоотношениях государства и местного самоуправления, связанных с организационным и функциональным обособлением муниципального управленческого звена.

Конституционная модель местного самоуправления вызывает у многих неудовольствие по поводу ее искусственности и якобы разрушающего влияния на единство вертикали власти. Ее критиками выступили отдельные ученые, практики, которые заявляют, что местное самоуправление в Российской Федерации не состоялось [Атаманчук 2001: 34], называют его «институтом частнокорпоративной власти, лишенным всякого контроля со стороны государства» [Казанцев 2001: 32]. Эти и другие выпады с «обвинительным уклоном» диктуются неприятием конституционной модели местного самоуправления. Профессор С.А. Авакьян, не раз выразивший сомнение в реалистичности и действенности ст. 12 Конституции РФ, уверен, что она создала иллюзию местной власти, функционирующей как нечто свободное и автономное от политической власти и государственного управления [Стенограмма парламентских слушаний 2001: 7-12]. Как будто эта критика – такого же свойства, но в ней есть и другой подтекст: декларируемая Конституцией РФ самостоятельность местного самоуправления на деле ограничена множеством факторов. Предметы ведения муниципалитетов всех типов определяются исключительно федеральной властью. Она же в основном подбирает «ключи» к их решению, то есть устанавливает полномочия органов местного самоуправления. Финансовые источники, наполняющие местные бюджеты, регулируются государством. И таких примеров, свидетельствующих о том, что якобы бесконтрольное местное самоуправление существует по правилам, диктуемым государством, достаточно.

Принцип субсидиарности в организации системы органов на местном уровне в России и Польше. В России эта грань субсидиарности нашла выражение в конституционной формуле: структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно [Конституция, 1993: ч. 2 ст. 131]. Закон об общих принципах организации местного самоуправления намеренно расширил список муниципальных органов власти, провозгласив часть из них в качестве обязательных органов местного самоуправления [Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003: п. 2 ст. 34]. Два из трех обязательных органов (глава муниципального образования и представительный орган) являются выборными, что означает непосредственную причастность населения к их формированию. Это одна из сторон внешнего аспекта принципа субсидиарности по линии «местное самоуправление – население».

В Польше обязательными считаются представительные и исполнительные органы. В гмине это совет гмины, в повяте – совет повята, в воеводстве – сеймик воеводства. Все представительные органы на местном уровне формируются путем избрания их членов посредством всеобщих прямых выборов. Исполнительными органами единиц территориального самоуправления являются: в сельской гмине – вуйт; в сельско-городской – бурмистр; в городской гмине – бурмистр или президент; в повяте – управление повята во главе со старостой; в воеводстве – управление воеводства

во главе с маршалом. Вуйт, бурмистр и президент избираются населением, в связи с чем отзыв вуйта, бурмистра, президента допускается только на референдуме. Совет повята выбирает членов управления повята и старосту [Ustawa 1998: 27]; совет воеводства – членов управления воеводства и маршалека [Ustawa 1998: 32]. Совет повята и совет воеводства освобождают от должности указанных лиц.

Принцип субсидиарности в бюджетно-финансовой сфере на местном уровне в России и Польше. В России принцип субсидиарности в указанной сфере проявляется не столь очевидно. Приходится констатировать финансовую зависимость российских муниципалитетов от государства. Еще в 2007 г. в ежегодном докладе Совета Федерации «О состоянии законодательства Российской Федерации» было заявлено о дотационности 95% муниципалитетов в стране [Законодательное обеспечение реформы... 2007: 6-11]. В 2010 г. председатель комитета Государственной Думы по вопросам местного самоуправления В. Тимченко отметил, что совокупные поступления в муниципальные бюджеты от местных налогов составляют всего 4% от общих доходов муниципалитетов [Тимченко 2010: 6-10]. Основные доходные источники местного самоуправления формируются путем отчислений от федеральных и региональных налогов (доля которых порой сокращается), а также за счет субсидий и дотаций, поступающих в местные бюджеты в рамках федеральных и региональных целевых программ. По сути, это тотальная зависимость. Состояние дел в финансово-бюджетной сфере наглядно иллюстрирует пример Екатеринбурга, где с каждого заработанного рубля городу остается 16-17 копеек [Белая книга... 2013: 18].

К тому же все последние годы федеральная власть лишала местное самоуправление имущества, находящегося в муниципальной собственности, которая является существенным источником пополнения местных бюджетов. К примеру, Закон об общих принципах организации местного самоуправления обязал муниципальную власть отчуждать или репрофилировать имущество, не предназначенное для решения вопросов местного значения. А Федеральный закон «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Федеральный закон № 159-ФЗ, 2008] наделил предпринимателей преимущественным правом приобретения арендуемого имущества в ущерб интересам муниципалитетов.

Финансовая зависимость муниципалитетов в России может быть преодолена за счет наращивания собственной доходной базы, перераспределения некоторых видов налогов в пользу группы местных налогов, установления стабильных нормативов отчислений в бюджеты муниципальных образований. Окончательное решение данного вопроса находится исключительно в ведении федеральной власти.

В Польше единицы территориального самоуправления имеют достаточно высокий уровень бюджетной обеспеченности. По данным инфор-

мационного портала Главного управления статистики (<http://stat.gov.pl>), в 2014 г. совокупный бюджет всех единиц территориального самоуправления составлял около трети бюджета страны. Исходя из принципа субсидиарности гминам при установлении сферы их деятельности в 1990 г. была передана значительная часть государственного имущества, которое и по сегодняшний день позволяет этим низовым единицам получать существенный собственный доход. Повятам и воеводствам имущество выделялось по мере закрепления за ними тех или иных вопросов ведения и полномочий. Распределение предметов ведения в системе «воеводство – повят – гмина» на основе принципа вспоможения отражается не только на объеме этих задач, но и на соотношении размера бюджетов единиц территориального самоуправления (140, 24, 16 млрд злт соответственно, по данным на 2014 г.), структуре доходов (в бюджетах повятов и воеводств нет доходов от местных налогов, поступления от этих налогов являются доходом гмин), уровне отчислений от налога на доходы физических лиц в соответствующий бюджет (39,34% – в бюджеты гмин, 10,25% – в бюджеты повятов, 1,6% – в бюджеты воеводств). Вместе с тем бюджетно-финансовая область остается одной из проблемных в территориальном самоуправлении Польши. Собственные доходы и финансовая помощь соотносятся в структуре бюджета гмины примерно 1:1; в связи с этим остро стоит вопрос увеличения собственных доходов гмины. Здесь используются различные финансовые инструменты. В частности, муниципалитеты в Польше выступают участниками рынка капитала и в качестве юридического лица рассматривается именно муниципалитет, а не его органы. Такое участие дает возможность привлечения средств, необходимых для финансирования инвестиций. Муниципалитеты являются участниками Биржи ценных бумаг и внебиржевого рынка и, хотя и неактивно, пользуются этой возможностью. Кроме того, энергично привлекаются финансовые средства Европейского союза. Подача заявок – весьма трудная процедура, но работники муниципалитетов с этим справляются, что свидетельствует о высоком уровне их финансовой грамотности. Проводится реформирование налоговой системы. Налоговые полномочия гмин крайне ограничены, у повятов и воеводств их нет вовсе. Отсутствует комплексное правовое регулирование местной системы налогов и сборов. Деятельность единиц территориального самоуправления муниципалитетов ориентирована не только на выполнение публичных услуг, но и на стимулирование экономического развития. Сохраняется проблема выведения средств из бюджета путем создания внебюджетных целевых фондов, хотя в 2009 г. возможности их функционирования были существенно ограничены, часть из них упразднена.

Роль местной казны в обеспечении самостоятельности единиц местного самоуправления трудно переоценить. Сколь обширными бы ни были предметы ведения и полномочия, самостоятельное принятие решений, направленных на их реализацию, невозможно без надлежащего экономического обеспечения. Чем больше имущества находится в собственности единицы, чем больше бюджетных средств, которыми она вправе распоряжаться, тем выше влияние представительного органа единицы и, следовательно, влияние населения в целом.

Принцип субсидиарности и институты прямой демократии на местном уровне в России и Польше. Российский законодатель, как представляется, многое сделал для внедрения именно этой грани субсидиарности в практику местного самоуправления. Достаточно сказать, что в соответствии с российским законодательством местное самоуправление есть деятельность населения муниципального образования, самостоятельное и под свою ответственность решение им вопросов местного значения [Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003: п. 2 ст. 1]. Данный аспект принципа субсидиарности, который авторы называют внешним, имеет отношение к разграничению полномочий и ответственности между муниципальным сообществом, жителями муниципалитета и органами местного самоуправления. Известно, что муниципальные власти, борющиеся за полномочия и бюджетные ресурсы с региональными органами власти, сами неохотно шли на то, чтобы поделиться властью (хотя бы и номинально) с населением.

В целях развития муниципальной демократии в законодательстве были предусмотрены различные формы прямого народовластия, объединенные в институты непосредственного осуществления населением местного самоуправления (к примеру, муниципальные выборы и референдумы) и участия населения в таком осуществлении (опросы граждан, публичные слушания). Кроме того что они получили отражение в Законе об общих принципах организации местного самоуправления [Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003: 22-33], институты непосредственной демократии являются обязательным компонентом уставов муниципальных образований, а некоторые из них со временем стали частью распространенной муниципальной практики.

Однако в последнее время положение отдельных институтов муниципальной демократии поколебалось. Известно, что в большинстве самоуправляющихся территорий в связи с переходом к избранию глав муниципалитетов депутатами местных представительных органов прямые выборы просто отменены. Отмечается также пренебрежение общественным мнением, которое либо вообще не принимается во внимание, либо учитывается посредством суррогатных форм прямой демократии, не предусмотренных федеральным законодательством, зато с легкостью вводимых региональными законами. В Свердловской области это, например, народные слушания, социологические опросы и публичные консультации, которые могут применяться при решении вопросов об изменении статуса (преобразовании) муниципальных образований. Особую остроту данный вопрос приобрел в 2014 г. в связи с расширением классификатора муниципальных образований за счет городских округов с внутригородским делением и внутригородских районов.

В Польше прилагаются значительные усилия для развития институтов партисипации на местном уровне. Широкое распространение получили референдум и институт общественного бюджета. На местных референдумах решается широкий круг вопросов в рамках предметов ведения и полномочий единиц территориального самоуправления [Ustawa 2000:2]. Более того, на референдум на уровне гмины может быть вынесен вопрос самообложения граждан для решения проблем, отнесенных к компетенции гмины. Наиболее распространенные из них – вывоз и утилизация мусора, а также

проблемы здравоохранения. На факультативных референдумах решались вопросы о проведении олимпийских игр (Закопане 1997 г., Краков 2014 г.), строительстве электропередач, строительстве городской больницы.

С 2011 г. в Польше (впервые введен в Сопоте) существует такой институт партисипации, как общественный бюджет (другое название – бюджет партисипацийный). Он предполагает включение в бюджет определенных финансовых обязательств по инициативе граждан; в отличие от консультаций с общественностью его результат обязателен, выполнение контролируется посредством общественного мониторинга. Основу данного института составляет ст. 5 закона о гминном самоуправлении [Ustawa, 1990: 5], где закреплено консультирование с общественностью; согласно этой статье и принимаются акты советами гмин (более 180 гмин реализуют данный институт).

Существенное направление развития партисипации составляет создание инфраструктуры доступа к публичной информации на местном уровне. База была заложена в начале 2000-х гг. в рамках акции «Прозрачная Польша», когда было создано Бюро обслуживания клиентов и разработаны детальные каталоги услуг. Акция была инициирована фондами по развитию демократии на местном уровне с учетом результатов соцопросов, которые показывали неверие граждан в идею местного самоуправления. Право на доступ к публичной информации включает незамедлительный доступ к публичной информации (в том числе об имуществе единиц территориального самоуправления, публичных повинностях, публичном долге), право на участие в заседаниях коллегиальных органов, сформированных в ходе прямых выборов, и право на ознакомление с официальными документами. Кроме того, ведется работа в направлении развития сотрудничества единиц территориального самоуправления с неправительственными организациями.

* * *

В Польше принцип субсидиарности получил конституционное закрепление и характеризуется как динамичный, «эластичный» принцип, воплощение которого применительно к системе местного самоуправления осуществляет законодатель в рамках, задаваемых Конституционным Трибуналом. В сравнении с Польшей в России принцип субсидиарности не имеет даже законодательного закрепления. Не встречается он и в актах Конституционного Суда РФ, хотя существо субсидиарности, конечно же, нашло отражение в законодательстве РФ. Высшим проявлением этого стали положения ст. 12 Конституции России, исключившие органы местного самоуправления из системы государственной власти, наделившие их организационной и функциональной самостоятельностью в пределах отведенных полномочий. Отсутствие должного правового регулирования предоставляет законодателю широкое усмотрение при реализации принципа субсидиарности в конкретных условиях.

К конституционной модели местного самоуправления в России много претензий с самых разных сторон. В последнее время развитие ситуации предложено самой практикой. Ничего не меняя с точки зрения конституционного регулирования, местное самоуправление приближают к

государственной власти, в первую очередь за счет изменения пропорции федерального участия в нормативном обеспечении местного самоуправления в пользу федерального центра. С принятием в 2003 г. Закона об общих принципах организации местного самоуправления централизованное начало в регламентации отношений местного самоуправления принимает зачастую характер мелочной опеки. Это настолько очевидно для тех, кто занимается муниципальной тематикой в теории, а еще больше на практике, что не требует особых доказательств.

Ради объективности отметим, что в этом отчасти повинно само местное самоуправление, побудившее центральную власть более активно вмешаться в его устройство. Достаточно вспомнить пример Читы, где городские депутаты в середине 1990-х гг. принимали часть своих решений «по наиболее важным городским делам» в форме законов. Поэтому усиление централизации в данной сфере есть ответная реакция на вольности самих «самоуправленцев». В целом единообразие и унификация, идущие с федерального уровня, – главные признаки реформы последних лет, причем последовательно осуществляемые [Выдрин 2015: 79]. Субсидиарность как принцип существования публичной власти вообще и местного самоуправления в частности отстывает перед ними.

Сформированный в социальном учении Католической церкви принцип subsidiarности стал универсальным принципом. Яркой иллюстрацией этого универсализма является его различное преломление в правовых системах местного самоуправления России и Польши. Принцип subsidiarности позволяет достраивать различные модели управления, не меняя сущности их функционирования. Новые социальные вызовы и новые политические и исторические реалии в России и Польше ставят задачи поиска нового эффективного распределения публичных задач на основе принципа subsidiarности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Атаманчук Г.В. 2001. Нам не нужны виртуальные муниципальные образования // Российская Федерация сегодня. № 6. С. 34-35.
- Белая книга местного самоуправления, 2013 / Администрация г. Екатеринбург. Екатеринбург. 36 с.
- Выдрин И.В. 2012. Муниципальное право России : учебник. М. : Норма : Инфра-М. 256 с.
- Выдрин И.В. 2015. Местное самоуправление в России: от идеи к практике // Конституц. и муницип. право. № 11. С. 75-80.
- Законодательное обеспечение реформы местного самоуправления // Самоуправление: теория и практика. 2007. № 4. С. 6-11.
- Казанцев Н. 2001. Что упустил законодатель // Российская Федерация сегодня. № 4. С. 32-33.
- Онопренко Л.А. 2014. Принцип subsidiarности и его отражение в социальной доктрине Католической церкви // PolitBook. № 3. С. 178-191.
- Пономарев М.В. 2009. Принцип subsidiarности – диалектика свободы и ответственности // Вестн. Моск. гос. пед. ун-та. Сер. «Юрид. науки». № 1. С. 56-63.

Путин В.В. 2001. Владимир Путин: «Нужно вернуть престиж местного самоуправления» // Рос. газ. 28 февр.

Регульски Е. 2004. Реформирование государства и построение гражданского общества. Польский опыт. Фонд развития местной демократии [Электронный ресурс]. 23 с. URL: http://msps.su/files/2011/09/Reformiowanie_panstwa_JReg_RUS.pdf (дата обращения: 04.01.2017).

Стенограмма парламентских слушаний «Проблемы законодательства в области местного самоуправления» 19 января 2001 г. // Местное право. 2001. № 2-3. С. 5-49.

Тимченко В. 2010. О некоторых вопросах развития местного самоуправления в России в связи с реализацией Федерального закона Рос. Федерации № 131-ФЗ // Муницип. власть. № 3. С. 6-10.

Титов Ю.П., Чистяков О.И. (ред.) 1990. Хрестоматия по истории государства и права СССР (дооктябрьский период) / Т.Е. Новицкая, В.П. Портнов, Н.А. Семидеркин, Ю.П. Титов, О.И. Чистяков ; под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистяков. М. : Юрид. лит. 479 с.

Чехарина В.И. 2014. Реформы местного самоуправления в Польше (из европейского опыта) // Тр. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. № 5. С. 165-179.

Конституция Российской Федерации, 1993 // Рос. газ. 1993. 25 дек.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2008. № 30. Ст. 3615.

Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской республики от 17 апреля 1996 года “О системе органов государственной власти в Удмуртской республике”» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1997. № 5. Ст. 708.

Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года “Об органах исполнительной власти в Республике Коми”» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1998. № 4. Ст. 532.

Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года “О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной закон) Курской области”» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2000. № 50. Ст. 4943.

Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 2 апреля 2002 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края “О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления” и закона Корякского автономного округа “О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе” в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 14. Ст. 1374.

Bandarzewski K., Chmielnicki P., Kisiel W. 2007. Prawo samorządu terytorialnego w Polsce. Warszawa : LexisNexis. 414 s.

Ciapała J. 2001. Konstytucyjny status samorządu terytorialnego // Zarys prawa samorządu terytorialnego / red. M. Ofiarska, J. Ciapała. Poznań. S. 36-37.

Chmielnicki P. 2005. "Istotna część zadań publicznych" i zasada subsydiarności jako konstytucyjne dyrektywy określające zakres działania samorządu terytorialnego i ich realizacja w ustawodawstwie i orzecznictwie // Samorząd terytorialny. Zasady ustrojowe i praktyka ; red. P. Sarnecki, Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe. S. 57-82.

Dąbek D., Zimmermann J. 2005. Decentralizacja poprzez samorząd terytorialny w ustawodawstwie i orzecznictwie podkonstytucyjnym // Samorząd terytorialny. Zasady ustrojowe i praktyka ; red. P. Sarnecki, Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe. S. 17.

Dobek A. 2008. Zasada pomocniczości w orzecznictwie Trybunału Konstytucyjnego // Studia Erasmiana Wratislaviensia. Zeszyt 3: Państwo – koncepcje i zadania. S. 155-168.

Izdebski H. 2014. Samorząd terytorialny. Podstawy ustroju i działalności. Wydanie 3. Warszawa : LexisNexis. 488 s.

John Paul II Holy Father. 1991. "Centesimus Annus" : Encyclical letter to his venerable brother bishops in the episcopate the priests and deacons families of men and women religious all the Christian faithful and to all men and women of good will on the hundredth anniversary of Rerum Novarum [Электронный ресурс]. URL: http://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_01051991_centesimus-annus.html (дата обращения: 03.01.2017).

Krasnowolski A. 2012. Subsidiarność w prawie i w praktyce samorządowej. Warszawa. 16 s.

Pius XI Holy Father. 1931. Quadragesimo Anno : Encyclical of Pope Pius XI on reconstruction of the social order to our venerable brethren, the patriarchs, primates, archbishops, bishops, and other ordinaries in peace and communion with the apostolic see, and likewise to all the faithful of the catholic world [Электронный ресурс]. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xi/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_19310515_quadragesimo-anno.html (дата обращения: 03.01.2017).

Leo XIII Holy Father. 1885. "Immortale Dei" : Encyclical of Pope Leo XIII on the Christian Constitution of States, 1885 [Электронный ресурс]. URL: http://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_01111885_immortale-dei.html (дата обращения: 03.01.2017).

Leo XIII Holy Father. 1891. Rerum Novarum : Encyclical of Pope Leo XIII on capital and labor [Электронный ресурс]. URL: http://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum.html (дата обращения: 03.01.2017).

Skrenty Z. 2009. Zagrożenia dla konstytucyjnej zasady pomocniczości i wynikającego z niej władztwa planistycznego gminy w świetle rozwiązań ustawy o szczególnych zasadach przygotowania i realizacji inwestycji w zakresie dróg publicznych // PWSZ IPiA Studia Lubuskie. Tom V. Sulechów. S. 247-264.

European Charter of Local Self-Government [Электронный ресурс]. Strasbourg, 15.10.1985 // European Treaty Series. № 122. URL: <http://www.e-democracy.md/files/elections/european-charter-local-self-government-15-10-1985-en.pdf> (дата обращения: 03.01.2017).

Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. // Dziennik Ustaw. 1997. Nr. 78. Poz. 483.

Ustawa z dnia 8 marca 1990 r. o samorządzie gminnym // Dziennik Ustaw. 1990. Nr. 16. Poz. 95.

Ustawa z dnia 5 czerwca 1998 r. o samorządzie województwa // Dziennik Ustaw. 1998. Nr. 91. Poz. 576.

Ustawa z dnia 5 czerwca 1998 r. o samorządzie powiatowym // Dziennik Ustaw. 1998. Nr. 91. Poz. 578.

Ustawa z dnia 15 września 2000 r. o referendum lokalnym // Dziennik Ustaw. 2000. Nr. 88. Poz. 985.

Ustawa z dnia 24 kwietnia 2003 r. o działalności pożytku publicznego i o wolontariacie // Dziennik Ustaw. 2003. Nr. 96. Poz. 873.

Ustawa z dnia 7 września 2007 r. o pomocy osobom uprawnionym do alimentów // Dziennik Ustaw. 2007. Nr. 192. Poz. 1378.

Ustawa z dnia 9 czerwca 2011 r. o wspieraniu rodziny i systemie pieczy zastępcze // Dziennik Ustaw. 2011. Nr. 149. Poz. 887.

Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 8 maja 2002 r. K 29/00 // Orzecznictwo Trybunału Konstytucyjnego. Zbiór Urzędowy. 2002. Nr. 3-A. Poz. 30.

Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 18 lutego 2003 r. K 24/02 // Dz.U. 2003. Nr. 38. Poz. 334.

Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 7 grudnia 2005 r. Kp 3/05 // Orzecznictwo Trybunału Konstytucyjnego. Zbiór Urzędowy. 2005. Nr. 11-A. Poz. 131.

Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 18 lipca 2006 r. U 5/04 // Dziennik Ustaw. 2006. Nr. 134. Poz. 948.

I. Vydrin, V. Emikh. Printsip subsidiarnosti v organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossii i Pol'she [Principle of subsidiarity in organization of self-government in Russia and Poland], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 71-99. (in Russ.).

Valentina V. Emikh, Candidate of Law, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg.
E-mail: emikh.valentina@gmail.com.

Igor V. Vydrin, Doctor of Law, Associate Professor, Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg.
E-mail: inst-vidrin@mail.ru.

Article recived 19.01.2017 , accepted 23.03.2017, available online 01.07.2017.

PRINCIPLE OF SUBSIDIARITY IN ORGANISATION OF SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA AND POLAND

Abstract: The article analyses reflection of the principle of subsidiarity in Russian and Polish legal systems of local self-government. On the base of comparative analysis, the authors consider the following issues: formation of the integrated subsidiarity conception in Catholic social teaching; historical and legal bases of subsidiarity in the systems of local self-government; principle of subsidiarity in territorial organization of local self-government; correlation of subsidiarity and decentralization of power; delamination of public tasks between different levels of the public power according to the principle of subsidiarity; autonomy and independency of municipality as a marker of subsidiarity; principle of subsidiarity in organization of the system of local bodies of power and in financial sphere; reflection of subsidiarity in the institutions of democracy in Russia and Poland.

According to the authors, the principle of subsidiarity has two aspects – internal and external ones. Both aspects are reflected in the legislation of Poland, as well as in the legislation of the RF. Nevertheless, in Russia, there is no formalization of this principle in legislation, and the attention is centered on the internal aspect of subsidiarity – relations between the state and local self-government, as well as relations between different levels of local self-government. As for Poland, there is constitutional legal regulation of this principle in respect of relations between public power and civil society. In both countries, the substantial scope of the subsidiarity conception depends on the discretion of legislator. However, the Constitutional Tribunal of Poland has formulated criteria of subsidiarity that should be used in the law-making process. Because of the absence of such criteria in Russia, the discretion of legislator is too wide. In spite of proclamation of separation of self-government from the state, principles of autonomy and independency of the bodies of local self-government are violated, especially in financial sphere. The principles of subsidiarity and decentralization of power are important for social and political life in Russia. Nevertheless, the authors outlines the tendencies of their formalization and even violation.

Keywords: subsidiarity; principle; local self-government; decentralization; democracy; civil society; European Charter of the Local Self-government; catholic social teaching.

References

Atamanchuk G.V. *Nam ne nuzhny virtual'nye munitsipal'nye obrazovaniya* [We don't need virtual municipalities], *Rossiyskaya Federatsiya segodnya*, 2001, no. 6, pp. 34-35. (in Russ.).

Bandarzewski K., Chmielnicki R., Kisiel W. *Prawo samorządu terytorialnego w Polsce* [The law of territorial self-government in Poland], Warsaw, LexisNexis, 2007, 414 p. (in Polish).

Belaya kniga mestnogo samoupravleniya [White book of the local self-government], Ekaterinburg. 2013, 36 p. (in Russ.).

Chekharina V.I. *Reformy mestnogo samoupravleniya v Pol'she (iz evropeyskogo opyta)* [Reforms of the local self-government in Poland (from the European experience)], *Tr. In-ta gosudarstva i prava Ros. akad. nauk*, 2014, no. 5, pp. 165-179. (in Russ.).

Chmielnicki P. *"Istotna część zadań publicznych" i zasada subsydiarności jako konstytucyjne dyrektywy określające zakres działania samorządu terytorialnego i ich realizacja w ustawodawstwie i orzecznictwie* ["Substantial part of the public tasks" and the principle of subsidiarity as a constitutional directive specifying the scope of activity of the territorial self-government and their implementation in law-making process and justice], *P. Sarnecki (ed.) Samorząd terytorialny. Zasady ustrojowe i praktyka*, Warsaw, Wydawnictwo Sejmowe, 2005, pp. 57-82. (in Polish).

Ciapała J. *Konstytucyjny status samorządu terytorialnego* [Constitutional status of territorial self-government], *M. Ofiarska, J. Ciapała (eds.) Zarys prawa samorządu terytorialnego*, Poznan, 2001, pp. 36-37. (in Polish).

Dąbek D., Zimmermann J. *Decentralizacja poprzez samorząd terytorialny w ustawodawstwie i orzecznictwie podkonstytucyjnym* [Decentralization among territorial self-government in law-making process and underconstitutional judgment], *P. Sarnecki (ed.) Samorząd terytorialny. Zasady ustrojowe i praktyka*, Warsaw, Wydawnictwo Sejmowe, 2005, pp. 17. (in Polish).

Dobek A. *Zasada pomocniczości w orzecznictwie Trybunału Konstytucyjnego* [Principle of subsidiarity in judgment of Constitutional Tribunal], *Studia Erasmiiana Wratislaviensia. Zeszyt 3: Państwo – koncepcje i zadania*, 2008, pp. 155-168. (in Polish).

European Charter of Local Self-Government. Strasbourg, 15.10.1985, *European Treaty Series*, no. 122, available at: <http://www.e-democracy.md/files/elections/european-charter-local-self-government-15-10-1985-en.pdf> (accessed 03 January 2017).

Federal'nyy zakon ot 22 iyulya 2008 g. № 159-FZ «Ob osobennostyakh otchuzhdeniya nedvizhimogo imushchestva, nakhodyashchegosya v gosudarstvennoy sobstvennosti sub»ektov Rossiyskoy Federatsii ili v munitsipal'noy sobstvennosti i arenduemogo sub»ektami malogo i srednego predprinimatel'stva, i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of July 22, 2008 № 159-FZ “On the Peculiarities of Alienation of Real Estate owned by the Subjects of the Russian Federation or Municipalities and Rented by the Subjects of Small and Medium Business, and on the amending some legislative acts of the Russian Federation”], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2008, no. 30, art. 3615. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of October 6, 2003 No 131-FZ “On the general principles of the local self-government organization in Russia”], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2003, no. 40, art. 3822. (in Russ.).

Izdebski H. *Samorząd terytorialny. Podstawy ustroju i działalności* [Territorial self-government. Bases of formation and activity], 3 ed., Warsaw, LexisNexis, 2014, 488 p. (in Polish).

John Paul II Holy Father. “*Centesimus Annus*”: *Encyclical letter to his venerable brother bishops in the episcopate the priests and deacons families of men and women religious all the Christian faithful and to all men and women of good will on the hundredth anniversary of Rerum Novarum, 1991*, available at: http://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_01051991_centesimus-annus.html (accessed 03 January 2017).

Kazantsev N. *Chto upustil zakonodatel'* [What did the legislator miss], *Rossiyskaya Federatsiya segodnya*, 2001, no. 4, pp. 32-33. (in Russ.).

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Constitution of the Russian Federation 1993], *Ros. gaz.*, 1993, 25 Dec. (in Russ.).

Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. [Constitution of Poland of April 2, 1997], *Dziennik Ustaw*, 1997, no. 78, position 483. (in Polish).

Krasnowolski A. *Subsydiarność w prawie i w praktyce samorządowej* [Subsidiarity in law and self-government practice], Warsaw, 2012, 16 p. (in Polish).

Leo XIII Holy Father. “*Immortale Dei*”: *Encyclical of Pope Leo XIII on the Christian Constitution of States, 1885*, available at: http://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_01111885_immortale-dei.html (accessed 03 January 2017).

Leo XIII Holy Father. *Rerum Novarum*: *Encyclical of Pope Leo XIII on capital and labor, 1891*, available at: http://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum.html (accessed 03 January 2017).

Onoprenko L.A. *Printsip subsidiarnosti i ego otrazhenie v sotsial'noy doktrine Katolicheskoy tserkvi* [The principle of subsidiarity and its reflection in the social doctrine of Catholic Church], *PolitBook*, 2014, no. 3, pp. 178-191. (in Russ.).

Pius XI Holy Father. *Quadragesimo Anno*: *Encyclical of Pope Pius XI on reconstruction of the social order to our venerable brethren, the patriarchs, primates, archbishops, bishops, and other ordinaries in peace and communion with the apostolic see, and likewise to all the faithful of the catholic world, 1931*, available at: http://w2.vatican.va/content/pius-xi/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_19310515_quadragesimo-anno.html (accessed 03 January 2017).

Ponomarev M.V. *Printsip subsidiarnosti – dialektika svobody i otvetstvennosti* [The principle of subsidiarity – dialectics of freedom and responsibility], *Vestn. Mosk. gos. ped. un-ta. Ser. «Yurid. nauki»*, 2009, no. 1, pp. 56-63. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 15 yanvarya 1998 g. № 3-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti statey 80, 92, 93 i 94 Konstitutsii Respubliki Komi i stat' i 31 Zakona Respubliki Komi ot 31 oktyabrya 1994 goda "Ob organakh ispolnitel'noy vlasti v Respublike Komi"» [Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of January, 15 1998 No. 3-P "On the case concerning the review of constitutionality of the articles 80, 92,93 and 94 of the Komi Republic Constitution and the article 31 of the Law of the Komi Republic of October 31, 1994 On the Bodies of Executive Power in the Komi Republic"], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 1998, no. 4, art. 532. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 2 aprelya 2002 g. № 7-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy Zakona Krasnoyarskogo kraya "O poryadke otzyva deputata predstavitel'nogo organa mestnogo samoupravleniya" i zakona Koryakskogo avtonomnogo okruga "O poryadke otzyva deputata predstavitel'nogo organa mestnogo samoupravleniya, vybornogo dolzhnostnogo litsa mestnogo samoupravleniya v Koryakskom avtonomnom okruge" v svyazi s zhalobami zayaviteley A.G. Zlobina i Yu.A. Khnaeva» [Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 2, 2002 No. 7-P "On the case concerning the review of constitutionality of some statements of the Law of the Krasnoyarsk region "On the Order of the Recall of Deputy of the Local Legislative Assembly" and of the Law of the Koryak Autonomous Area "On the Order of the Recall of the Deputy of the Local Legislative Assembly, the Local Elective Official in the Koryak Autonomous District" in relation to complaints of A.G. Zlobin and U.A. Chnaev"], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2002, no. 14, art. 1374. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 24 yanvarya 1997 g. № 1-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti Zakona Udmurtskoy respubliki ot 17 aprelya 1996 goda "O sisteme organov gosudarstvennoy vlasti v Udmurtskoy respublike"» [Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of January, 17 1996 No. 1-P "On the case concerning the review of constitutionality of the Law of the Udmurt Republic of April 17, 1996 On the System of the Bodies of State Power in the Udmurt Republic"], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 1997, no. 5, art. 708. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 30 noyabrya 2000 g. № 15-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy Ustava (Osnovnogo zakona) Kurskoy oblasti v redaktsii Zakona Kurskoy oblasti ot 22 marta 1999 goda "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Ustav (Osnovnoy zakon) Kurskoy oblasti"» [Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of November, 30 2000 No. 15-P "On the case concerning the review of constitutionality of some statements of the Charter of the Kursk oblast as amended by the Law of the Kursk Oblast of March 22, 1999 On the amending the Charter of the Kursk Oblast"], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2000, no. 50, art. 4943. (in Russ.).

Putin V.V. *Vladimir Putin: «Nuzhno vernut' prestizh mestnogo samoupravleniya»* [It is necessary to return the prestige of local self-government], *Ros. gaz.*, 2001, 28 Febr. (in Russ.).

Regul'ski E. *Reformirovanie gosudarstva i postroenie grazhdanskogo obshchestva. Pol'skiy opyt* [State reforming and civil law constructing], *Fond razvitiya mestnoy demokratii*, 2004, 23 p., available at: http://msps.su/files/2011/09/Reformirovanie_panstwa_JReg_RUS.pdf (accessed 04 January 2017). (in Russ.).

Skrenty Z. *Zagrozenia dla konstytucyjnej zasady pomocniczości i wynikajacego z niej wladztwa planistycznego gminy w swietle rozwiazań ustawy o szczegolnych zasadach przygotowania i realizacji inwestycji w zakresie dróg publicznych* [Threats to the constitutional principle of subsidiarity and the resulting commune's planning capacity in view of solutions of law about special rules of the preparation and the realization of the investment within the range rights of road], *PWSZ IPiA Studia Lubuskie*, vol. 5, Sulechów, 2009, pp. 247-264. (in Polish).

Stenogramma parlamentskikh slushaniy «Problemy zakonodatel'stva v oblasti mestnogo samoupravleniya» 19 yanvarya 2001 g. [Stenograph of the parliament hearings “The problems of legislation in the sphere of local self-government”], *Mestnoe pravo*, 2001, no. 2-3, pp. 5-49. (in Russ.).

Timchenko V. *O nekotorykh voprosakh razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossii v svyazi s realizatsiey Federal'nogo zakona Ros. Federatsii № 131-FZ* [On some issues of development of local self-government in Russia in connection with realization of the federal law № 131], *Munitsip. vlast'*, 2010, no. 3, pp. 6-10. (in Russ.).

Titov Yu.P., Chistyakov O.I. (eds.) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava SSSR (dooktyabr'skiy period)* [Reading-book on the history of state and law of the USSR], Moscow, Yurid. lit., 1990, 479 p. (in Russ.).

Ustawa z dnia 15 września 2000 r. o referendum lokalnym [Law of September 15, 2000 on the local referendum], *Dziennik Ustaw*, 2000, no. 88, position 985. (in Polish).

Ustawaz dnia 24 kwietnia 2003 r. o działalności pożytku publicznego i o wolontariacie [Law of April 24, 2003 on the public useful activity and the volunteer work], *Dziennik Ustaw*, 2003, no. 96, position 873. (in Polish).

Ustawa z dnia 5 czerwca 1998 r. o samorządzie powiatowym [Law of June 5, 1998 on the powiat-level self-government], *Dziennik Ustaw*, 1998, no. 91, position 578. (in Polish).

Ustawa z dnia 5 czerwca 1998 r. o samorządzie województwa [Law of June 5, 1998 on the voivodeship self-government], *Dziennik Ustaw*, 1998, no. 91, position 576. (in Polish).

Ustawa z dnia 7 września 2007 r. o pomocy osobom uprawnionym do alimentów [Law of September 7, 2007 on the aid to persons entitled to aliments], *Dziennik Ustaw*, 2007, no. 192, position 1378. (in Polish).

Ustawa z dnia 8 marca 1990 r. o samorządzie gminnym [Law of March 8, 1990 on the gmina-level self-government], *Dziennik Ustaw*, 1990, no. 16, position 95. (in Polish).

Ustawa z dnia 9 czerwca 2011 r. o wspieraniu rodziny i systemie pieczy zastępcze [Law of June 9, 2011 on the family supporting and care system], *Dziennik Ustaw*, 2011, no. 149, position 887. (in Polish).

Vydrin I.V. *Mestnoe samoupravlenie v Rossii: ot idei k praktike* [Local self-government in Russia: from idea to practice], *Konstituts. i munitsip. pravo*, 2015, no. 11, pp. 75-80. (in Russ.).

Vydrin I.V. *Munitsipal'noe pravo Rossii: uchebnik* [Municipal law of Russia: textbook], Moscow, Norma, Infra-M, 2012, 256 p. (in Russ.).

Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 18 lipca 2006 r. U 5/04 [Judgment of the Constitutional Tribunal of July 18, 2006 U 5/04], *Dziennik Ustaw*, 2006, no. 134, position 948. (in Polish).

Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 18 lutego 2003 r. K 24/02 [Judgment of the Constitutional Tribunal of February 18, 2003 K 24/02], *Dziennik Ustaw*, 2003, no. 38, position 334. (in Polish).

Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 8 maja 2002 r. K 29/00 [Judgment of the Constitutional Tribunal of May 8, 2002 K 29/00], *Orzecznictwo Trybunału Konstytucyjnego. Zbiór Urzędowy*, 2002, no. 3-A, position 30. (in Polish).

Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 7 grudnia 2005 r. Kp 3/05 [Judgment of the Constitutional Tribunal of December 7, 2005 Kp 3/05n], *Orzecznictwo Trybunału Konstytucyjnego. Zbiór Urzędowy*, 2005, no. 11-A, position 131. (in Polish).

Zakonodatel'noe obespechenie reformy mestnogo samoupravleniya [Legislation supporting of the local self-government reform], *Samoupravlenie: teoriya i praktika*, 2007, no. 4, pp. 6-11. (in Russ.).

Воронецкий П.М. Некоторые вопросы правового регулирования использования государственных языков в сфере российского образования // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 2. С. 100–113.

УДК 342.725.3

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.2.100113

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ В СФЕРЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Петр Михайлович Воронежский

кандидат юридических наук,

доцент кафедры конституционного и муниципального права

Карельского филиала РАНХиГС

при Президенте РФ, г. Петрозаводск.

E-mail: corbeau-82@mail.ru

Материал поступил в редколлегию 09.01.2017 г.

В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с правовым регулированием использования государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик в составе Российской Федерации в сфере образования как в прошлом, так и в современный период. Автор исследует вопрос о языке получения образования определенного уровня, анализируя положения Федерального закона «Об образовании», федеральных государственных образовательных стандартов и законов республик. Согласно указанным законам и нормативным документам, исключительно на государственном языке Российской Федерации можно получить среднее общее образование, а также высшее образование по специальностям и направлениям подготовки, указанным в стандартах, утвержденных до вступления в силу Федерального закона «Об образовании». Образование остальных уровней может быть получено как на государственном языке Российской Федерации, так и на государственных языках республик. В работе уделяется внимание и правовым аспектам изучения государственных языков в качестве предметов, при этом четко разделяются понятия «язык обучения» и «язык, изучаемый в качестве предмета». В общем и целом обязательность изучения государственного языка республики в образовательных организациях согласуется с официальным статусом данного языка как государственного, следовательно, как республиканский законодатель, так и образовательные организации вправе предусмотреть его обязательное изучение в рамках определенных предметных областей, указанных в стандартах общего образования. Автор настаивает на недопустимости введения обязанности изучения государственного языка республики только для лиц соответствующей национальности, критикует термины «носитель языка» и «родной язык» с точки зрения их неопределенности. Он полагает возможным решение в федеральном законе вопроса либо об обязательности, либо о добровольности изучения государственного языка

республики для всех лиц, получающих общее образование, вне зависимости от национальности.

Ключевые слова: государственный язык Российской Федерации, государственный язык республики, язык образования, преподавание государственного языка, обязательное изучение государственного языка.

Как известно, в соответствии с Конституцией Российской Федерации [Конституция Российской Федерации 1993: ч. 2 ст. 68] республики в составе России вправе устанавливать свои государственные языки. Данные языки, а также иные языки народов РФ могут употребляться в различных областях деятельности, в том числе в сфере образования. К сожалению, правовое регулирование использования языков в указанной сфере не является совершенным и данное несовершенство на практике способно существенно ограничивать права человека.

Для начала необходимо исследовать вопрос о том, на каком языке в России можно получить образование того или иного уровня. Это представляется особенно важным в отношении основного общего образования, поскольку его получение является не только правом человека, но и обязанностью. В публикациях начала 1990-х гг. дискутировалось предложение обеспечить всех граждан возможностью обучаться на любом языке по их желанию [Джафаркулиев 1990: 25], что на практике нельзя реализовать ни при каких условиях. В действовавшем ранее федеральном законодательстве об образовании предусматривалось, что граждане РФ имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования [Закон Российской Федерации № 3266-1, 1992: ч. 2 ст. 6]. При этом говорилось, что язык, на котором ведутся обучение и воспитание в образовательном учреждении, определяется его учредителем (учредителями) и (или) уставом учреждения [Закон Российской Федерации № 3266-1, 1992: ч. 3 ст. 6].

То есть образовательные учреждения в качестве языка образования были вправе выбирать любой язык. Согласно данным переписей населения 2002 и 2010 гг., самым распространенным языком в России оказался русский, поэтому неудивительно, что он при этом также является языком образования, выбранным абсолютным большинством образовательных учреждений [см.: Итоги... 2002; Итоги... 2010].

В настоящее время в федеральном законодательстве об образовании установлено, что в образовательных организациях образовательная деятельность осуществляется на государственном языке РФ [Федеральный закон № 273-ФЗ, 2012: ч. 2 ст. 14]. Там же указано, что граждане РФ имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов РФ, из чего можно сделать вывод о том, что федеральный закон не позволяет получить среднее общее и профессиональное образование на каком-либо ином языке, кроме русского [Федеральный закон № 273-ФЗ, 2012: ч. 4 ст. 14]. Но при этом прописано, что языки образования определяются локальными нормативными

актами образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализуемым ею образовательным программам [Федеральный закон № 273-ФЗ, 2012: ч. 6 ст. 14]. Представляется, что положение этой части нужно толковать системно с положением ч. 4 ст. 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», позволяющим получить образование не на русском языке, только если оно не выше определенного уровня. Также полагаем, что какие-либо исключения из данного положения возможны, если они предусмотрены федеральным законом, а не подзаконным актом. Например, при соблюдении определенных условий законом допускается возможность получения образования на иностранном языке [Федеральный закон № 273-ФЗ, 2012: ч. 5 ст. 14].

Далее следует рассмотреть вопрос о том, как выбор языка образования регулируется федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС). Например, во ФГОС дошкольного образования указано, что программа предусматривает возможность ее реализации на родном языке [Приказ Минобрнауки России № 1155, 2013: п. 1.9]. Во ФГОС начального [Приказ Минобрнауки России № 373, 2009], основного [Приказ Минобрнауки России № 1897, 2010] и среднего общего образования [Приказ Минобрнауки России № 413, 2012] вопрос выбора языка не рассматривается. Следовательно, в силу вышеупомянутой ч. 4 ст. 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» начальное и основное общее образование могут быть получены как на русском, так и не на русском языке, а среднее общее образование может быть получено исключительно на русском.

Особый интерес представляют действующие ФГОС среднего профессионального образования. Абсолютно во всех этих стандартах прописано, что реализация той или иной программы подготовки специалистов среднего звена или программы подготовки квалифицированных рабочих может осуществляться образовательной организацией на государственном языке республики РФ в соответствии с законодательством республики [Приказ Минобрнауки России № 718, 2013: п. 7.17].

Во ФГОС высшего образования вопрос выбора языка образования решается иначе. И здесь ситуация двоякая. Во-первых, в стандартах, принятых в соответствии с прежним Законом РФ «Об образовании», вопрос выбора языка образования никак не регулируется [Приказ Минобрнауки России № 1763, 2010]. Следовательно, образование по таким специальностям (направлениям подготовки) может быть получено только на русском языке. Во ФГОС, утвержденных уже после принятия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», указано, что образовательная деятельность по той или иной программе бакалавриата, магистратуры или специалитета реализуется на государственном языке РФ, если иное не определено локальным нормативным актом организации [Приказ Минобрнауки России № 1511, 2016: п. 3.6].

В итоге представляется, что в настоящее время наблюдается ряд противоречий в сфере правового регулирования выбора образовательной организацией языка образования, в связи с чем одно из положений ч. 4 ст. 14

Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» можно было бы изложить следующим образом:

«Граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, в порядке, установленном законодательством об образовании. Граждане Российской Федерации имеют право на получение среднего общего, среднего профессионального и высшего образования на государственном языке республики, родном языке из числа языков народов Российской Федерации, если это предусмотрено федеральными государственными образовательными стандартами».

Как правило, степень распространенности языка обучения, не являющегося русским, зависит от востребованности данного языка среди населения конкретной республики. Например, в Якутии из 634 общеобразовательных организаций республики обучение на якутском языке ведется в 334 школах, на русском языке – в 300 школах. При этом 91,3 тыс. школьников обучаются на русском языке, 39 тыс. школьников – на якутском [Никифорова, Борисова 2015: 547]. В период конца 1990-х – начала 2000-х гг. существовала возможность получить также высшее образование на якутском языке [Тимеркаев 2001: 64].

В любом случае нужно отметить, что вне зависимости от языка, на котором реализуется та или иная образовательная программа, в соответствии с ФГОС преподавание и изучение государственного языка РФ осуществляются в рамках любых образовательных программ. То есть государственный язык России всегда изучается как предмет благодаря своему государственному статусу. Федеральное законодательство прямо не предусматривает обязанности граждан РФ владеть государственным языком РФ, однако основное общее образование направлено на становление и формирование личности обучающегося, в том числе на овладение государственным языком РФ [Федеральный закон № 273-ФЗ, 2012: ч. 2 ст. 66]. Поэтому можно вести речь о так называемой косвенной обязанности российских граждан владеть государственным языком РФ.

Далее необходимо проанализировать вопросы правового регулирования преподавания государственных языков республик в качестве предмета в образовательных организациях данных республик. В законе указано, что преподавание и изучение государственных языков республик осуществляются в соответствии с ФГОС, иными образовательными стандартами не в ущерб преподаванию и изучению государственного языка РФ [Федеральный закон № 273-ФЗ, 2012: ч. 3 ст. 14]. Если говорить о стандартах общего образования, то государственные языки республик изучаются в рамках определенных предметных областей. В частности, в стандарте начального общего образования эта область именуется как «Родной язык и литературное чтение на родном языке», в стандартах основного и среднего общего образования – «Родной язык и родная литература».

Нужно отметить, что все республики в своем законодательстве предусматривают изучение своих государственных языков в тех или иных образовательных организациях. Разница заключается в том, является ли данное изучение обязательным или не является, а также в объеме количества часов данного изучения.

Законы многих республик, например Башкортостана [Закон Республики Башкортостан № 696-з, 2013: ч. 1 ст. 6], Ингушетии [Закон Республики Ингушетия № 5-ПЗ, 2014: ч. 3 ст. 5] и Хакасии [Закон Республики Хакасия № 60-ЗРХ, 2013: ч. 1 ст. 10], не говорят ни о добровольности, ни об обязательности изучения языков. Они лишь устанавливают, что государственный язык республики изучается в тех или иных образовательных организациях в рамках образовательных программ в соответствии с ФГОС, зачастую повторяя при этом положение ч. 3 ст. 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». И здесь неясно, вправе ли образовательная организация не вводить обязательное изучение государственного языка республики как предмета. Так, например, по данным 2013 г., в Бурятии только 80% школ ввели изучение бурятского языка как предмета независимо от национальности учащихся [Дырхеева, Хилханова 2014: 219].

Существуют и исключения. Например, некоторые противоречия наблюдаются в якутском законодательстве. В одном из законов указано, что в русскоязычных общеобразовательных организациях, классах и группах, в местах смешанного или компактного проживания якутского населения язык саха *изучается* как предмет, а в других местах его изучение вводится исходя из потребностей населения [Закон Республики Саха (Якутия) № 1170-ХП, 1992: ст. 27]. В ст. 30 того же закона говорится о том, что в государственных и муниципальных образовательных организациях *может* вводиться преподавание и изучение языка саха как одного из государственных языков. Аналогичное положение содержится в другом законе [Закон Республики Саха (Якутия) 1401-3 № 359-V, 2014: ч. 2 ст. 6]. То есть не вполне ясно, вправе ли образовательная организация не вводить в рамках той или иной образовательной программы изучение якутского языка как предмета.

В законодательстве Республики Алтай указано, что в государственных и муниципальных образовательных организациях *может* вводиться преподавание и изучение алтайского языка [Закон Республики Алтай № 9-6, 1993: ст. 18]. Судя по всему, право выбора относительно введения изучения алтайского языка как предмета принадлежит самой образовательной организации.

Стоит заметить, что вопрос об обязательности изучения государственного языка в Республике Алтай стал предметом судебного разбирательства в Верховном Суде РФ [Определение Верховного Суда Российской Федерации № 52-Г01-7, 2001]. Аналогичный вопрос рассматривался в Верховном Суде Республики Адыгея [Решение Верховного Суда Республики Адыгея № 3-32/2006, 2006]. В этих решениях суды запретили установление ограничений или привилегий при использовании того или иного языка, тем более в зависимости от национальности, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ. То есть суды настояли на том, что обязательное

изучение государственного языка республики даже в качестве предмета является ограничением права на выбор языка обучения, и такое ограничение может быть предусмотрено исключительно *федеральным* законом при условии соблюдения положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

В настоящее время законодательство об образовании ряда республик [Закон Республики Адыгея № 264, 2013: ч. 1 ст. 3; Закон Карачаево-Черкесской Республики № 72-РЗ, 2013: ч. 6 ст. 5] предусматривает, что во всех образовательных организациях, обучение в которых ведется на русском языке, с первого класса в качестве *обязательного* учебного предмета для носителей языка вводится преподавание и изучение государственного языка республики. При этом под носителем языка понимается лицо, владеющее соответствующим языком.

Не вполне ясно, как образовательные организации в вышеуказанных республиках должны определять факт того, является ли конкретный ребенок носителем языка или нет, и правомерно ли связывать понятия «носитель языка» и «национальность». Представляется, что нет, поскольку иначе может наблюдаться дискриминация по национальному признаку.

Нужно отметить, что подобное положение уже было в законодательстве [Закон Карачаево-Черкесской Республики № 376-XXII, 1998: ч. 6 ст. 7] и его опротестовывал прокурор республики, причем решением республиканского суда [Решение Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики, 2009] заявление прокурора было удовлетворено. Однако Верховный Суд РФ не усмотрел нарушения законодательства, отметив, что «...по сути, в законе сформулирована мера должного поведения образовательного учреждения не с целью создания препятствий в изучении государственных языков, а с целью исключения возможных фактов необоснованного отказа образовательным учреждением гражданам в изучении выбранного ими государственного языка республики, и тем самым обеспечивается общедоступность изучения государственных языков, что согласуется с требованиями федерального законодательства, регламентирующими принципы языковой политики...» [Определение Верховного Суда РФ № 30-ГО9-3, 2009].

Законодательство Кабардино-Балкарской Республики закрепляет преподавание в общеобразовательных организациях, ведущих обучение на русском языке, обучающимся, для которых кабардинский или балкарский язык является *родным*, в качестве *обязательного* учебного предмета кабардинского или балкарского языка (по выбору обучающегося) как государственного языка Кабардино-Балкарской Республики [Закон Кабардино-Балкарской Республики № 23-РЗ, 2014: п. 1 ч. 4 ст. 4]. И здесь опять же неясно, что законодатель подразумевает под понятием «родной язык».

Кстати, законодательство республик Дагестан [Закон Республики Дагестан № 48, 2014: ч. 4 ст. 10] и Коми [Закон Республики Коми № 92-РЗ, 2006: ч. 4 ст. 1(1)] *прямо* предусматривает обязательное изучение государственных языков республик как предметов только в силу их статуса как государственных, что на практике порождает определенные проблемы.

Например, в Конституционный Суд Республики Коми поступало обращение о том, что из-за обязательности изучения государственного язы-

ка республики нарушаются конституционные права сына заявительницы на свободу выбора языка обучения. В решении суда было установлено, что заявительница не видит разницы между терминами «язык обучения» и «изучение языка как предмета» [Постановление Конституционного Суда Республики Коми, 2002: п. 2]. По мнению суда, обязательность изучения государственного языка республики была допустимой, в числе прочего, с точки зрения федерального законодательства, поскольку такая обязательность стала возможной благодаря региональному компоненту государственного образовательного стандарта основного общего образования [Постановление Конституционного Суда Республики Коми, 2002: п. 5].

Конституционный Суд РФ также не обошел вниманием вопрос обязательного использования государственного языка республики в сфере образования. Начиная с сентября 2004 г. татарский и русский языки в образовательных учреждениях Республики Татарстан стали изучаться как предметы в равных объемах. Заявитель обратился в Конституционный Суд РФ, указав, что граждане РФ, проживающие в Республике Татарстан, ставятся в неравное положение в реализации права на образование по сравнению с проживающими в других субъектах РФ (где данный язык не изучается обязательно), чем нарушаются гарантии права на образование [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 16-П, 2004: п. 1].

По итогам рассмотрения данного обращения в решении суда было указано, что в целях обеспечения на территории Республики Татарстан использования татарского языка во всех сферах официальных отношений законодатель республики вправе по смыслу ст. 43 и 68 Конституции РФ предусмотреть его изучение как государственного языка Республики Татарстан при получении основного общего образования. Однако здесь суд не учел того, что ребенок, получая образование, может ставить перед собой противоположные цели, например, спланировать последующий отъезд из республики.

Далее Конституционный Суд РФ постановил, что оспариваемые нормы соответствуют Конституции РФ и гармонируют с защитой и развитием прав народов в условиях многонационального государства. Получается, что суд при этом не уделил должного внимания правам отдельного человека. Но он отметил, что проживающим в республике гражданам, не владеющим татарским языком, предоставлена возможность изучать его [Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 16-П, 2004: п. 3.1]. Однако в контексте обращения заявителя изучение этого языка необходимо рассматривать не как право, а как дополнительную обязанность, которую устанавливает законодатель субъекта РФ.

Поэтому, возможно, следовало бы разработать проект федерального закона, предусматривающий либо обязательность, либо добровольность изучения государственных языков во всех республиках вне зависимости от национальности обучающихся. Хотя нужно признать, что добровольное изучение языка в ряде республик способно привести либо к меньшей востребованности его изучения, либо к полной невостребованности. Так, например, по итогам опросов русскоязычных учеников, проведенных в 2013 г.

в бурятских школах, образовались две полярные группы сторонников и противников изучения бурятского языка в школе (45,6% «за» и 41,1% «против») [Дырхеева, Хилханова 2014: 220].

Таким образом, еще раз нужно отметить, что обязательное изучение государственного языка республики как предмета для всех учащихся вне зависимости от их национальности в общем и целом согласуется с обеспечением официального статуса данного языка, однако обязательность его изучения способна негативно сказываться на правах некоторых граждан, которые не могут и (или) не хотят его изучать в силу тех или иных причин. Следовательно, проблема использования языков в сфере образования всегда будет являться актуальной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://istoriirossii.ru/rf/101-itogi-vserossijskoj-perepisi-naseleniya-2002-goda.html> (дата обращения: 05.01.2017).

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 31.01.2017).

Джафаркулиев М.А. 1990. Национальный язык и право / под ред. Р. Пашабековой. Баку : Гянджлик. 80 с.

Дырхеева Г.А., Хилханова Э.В. 2014. Языковые установки молодежи Бурятии: система образования // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 218-224.

Никифорова Е.П., Борисова Л.П. 2015. Языковая образовательная политика в Республике Саха (Якутия) // Современные исследования социальных проблем : (электрон. науч. журн.). № 9. С. 543-552.

Тимеркаев Б.А. 2001. Проблемы высшего образования в регионах с двумя государственными языками // Вестн. Казан. гос. техн. ун-та им. А.Н. Туполева. № 2. С. 63-65.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с изм.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

Закон РСФСР от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 50. ст. 1740.

Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 года № 3266-1 «Об образовании» // Рос. газ. 1992. 31 июля. Утратил силу.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Рос. газ. 2012. 31 декабря.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2004 года № 16-П «О проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан “О языках народов Республики Татарстан”, части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан “О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан”, пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан “Об образовании” и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации “О языках народов Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина С.И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // Рос. газ. 2004. 23 нояб.

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 сентября 2001 года № 52-Г01-7 «О признании противоречащими федеральному законодательству Закона Республики Алтай от 28.06.2000 и п. 1 Постановления Правительства Республики Алтай № 374 от 26.12.2000 “О введении обязательного изучения родного языка детьми-алтайцами”» [Электронный ресурс]. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_12275.htm (дата обращения: 31.01.2017).

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2009 года № 30-ГО9-3 «Об отмене решения Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики от 10.02.2009 и об отказе в признании недействующим пункта 6 статьи 7 Закона Карачаево-Черкесской Республики “Об образовании” от 06.01.1998 № 376-XXII» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/vas/63976> (дата обращения: 31.01.2017).

Приказ Минобрнауки Российской Федерации от 6 октября 2009 года № 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. 22 марта.

Приказ Минобрнауки Российской Федерации от 14 декабря 2010 года № 1763 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)» // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. 4 апр.

Приказ Минобрнауки Российской Федерации от 17 декабря 2010 года № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. 28 февр.

Приказ Минобрнауки Российской Федерации от 17 мая 2012 года № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» // Рос. газ. 2012. 21 июня.

Приказ Минобрнауки России от 2 августа 2013 года № 718 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по профессии 111601.02 “Охотник промысловый”» // Рос. газ. : (спец. вып.) 2013. 4 окт.

Приказ Минобрнауки России от 17 октября 2013 года № 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» // Рос. газ. 2013. 25 нояб.

Приказ Минобрнауки Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 1511 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612290116> (дата обращения: 15.02.2017).

Закон Республики Адыгея от 27 декабря 2013 года № 264 «Об образовании в Республике Адыгея» // Советская Адыгея. 2013. 31 дек.

Закон Республики Алтай от 3 марта 1993 года № 9-6 «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» // Звезда Алтая. 1993. 14 апр.

Закон Республики Башкортостан от 1 июля 2013 года № 696-з «Об образовании в Республике Башкортостан» // Республика Башкортостан. 2013. 5 июля.

Закон Республики Дагестан от 16 июня 2014 года № 48 «Об образовании в Республике Дагестан» // Дагестанская правда. 2014. 17 июня.

Закон Республики Ингушетия от 3 февраля 2014 года № 5-РЗ «Об образовании в Республике Ингушетия» // Ингушетия. 2014. 6 февр.

Закон Кабардино-Балкарской Республики от 24 апреля 2014 года № 23-РЗ «Об образовании» // Официальная Кабардино-Балкария. 2014. 30 апр.

Закон Карачаево-Черкесской Республики от 6 января 1998 года № 376-XXII «Об образовании» // Сборник Законов и Постановлений Карачаево-Черкесской Республики 1995–1999 гг. : в 2 ч. Черкесск, 1999. Ч. 2.

Закон Карачаево-Черкесской Республики от 6 декабря 2013 года № 72-РЗ «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики» // ДР. Официальная среда. 2013. 19 дек.

Закон Республики Коми от 6 октября 2006 года № 92-РЗ «Об образовании» // Республика. 2006. 12 окт.

Закон Республики Саха (Якутия) от 16 октября 1992 года № 1170-XII «О языках в Республике Саха (Якутия)» // Якутия. 1992. 5 нояб.

Закон Республики Саха (Якутия) от 15 декабря 2014 года 1401-3 № 359-V «Об образовании в Республике Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 2014. 30 дек.

Закон Республики Хакасия от 5 июля 2013 года № 60-ЗРХ «Об образовании в Республике Хакасия» // Хакасия. 2013. 13 июля.

Постановление Конституционного Суда Республики Коми от 22 мая 2002 года «О проверке конституционности части 4 статьи 6 Закона Республики Коми “Об образовании”» // Республика. 2002. 3 июля.

Решение Верховного Суда Республики Адыгея от 19 декабря 2006 года № 3-32/2006 «О признании недействующим со дня вступления в силу части 5 статьи 6 Закона Республики Адыгея “Об образовании” от 6 января 2000 года № 156» // Советская Адыгея. 2007. 23 янв. № 11.

Решение Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики от 10 февраля 2009 года «О признании недействующим пункта 6 статьи 7 Закона Карачаево-Черкесской Республики № 376-XXII “Об образовании”» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/obsh/26803> (дата обращения: 31.01.2017).

P. Voronetskii. Nekotoryye voprosy pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya gosudarstvennykh yazykov v sfere rossiyskogo obrazovaniya [Some questions of legal regulation of official languages' use in the sphere of Russian education], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 100-113. (in Russ.).

Petr M. Voronetskii, Candidate of Law, Assistant Professor, Department of Constitutional and Municipal law, Karelian Branch of RANEPА, Petrozavodsk.
E-mail: corbeau-82@mail.ru

Article recived 09.01.2017, accepted 04.04.2017, available online 01.07.2017.

SOME QUESTIONS OF LEGAL REGULATION OF OFFICIAL LANGUAGES' USE IN THE SPHERE OF RUSSIAN EDUCATION

Abstract: In the article, the set of issues connected with the legal regulation of the use of the Russian official language and the republics' official languages in the educational sphere in past and present is regarded. The author analyzes the law in order to learn

more about the official language of education on the particular level. Federal Law on the Education in the Russian Federation, Federal State Educational Standards, and the republics' laws are analyzed. The author concludes that it is possible to obtain general secondary education and higher education with specializations and degrees (which are included in the standards approved prior to the Federal Law on Education in the Russian Federation) exclusively in Russian as official language. Education on other levels can be obtained in both Russian as official language and in official languages of the republics. In addition, the author explores legal aspects of studying official languages as school subjects and indicates that it is necessary to make distinction between "the language of studying" and "the language studied as school subject". The author underlines that generally the obligation to study republic's official language in the educational institutions corresponds to the official status of those language. Thus, both republic legislator and educational institutions have a right to envisage its compulsory studying in the frame of particular subjects indicated in the standards of general education. The author insists on the impermissibility of the obligation to learn the republic's official language based only on one's ethnic origins. The author criticizes such terms as "the mother-tongue speaker" and "the mother-tongue" due to their uncertainty. Finally, the author foresees the possibility to resolve the issue about either compulsory or voluntary study of the republic's official language for everyone obtaining general education in spite of one's ethnic origins.

Keywords: official language of the Russian Federation; republic's official language; language of education; study of official language; compulsory study of official language.

References

Dyrheeva G.A., Hilhanova Je.V. *Jazykovye ustanovki molodezhi Burjatii: sistema obrazovanija* [Linguistic guidelines of the youth of Buryatia: the education system], *Sibirskij filologičeskij žurnal*, 2014, no. 3, pp. 218-224. (in Russ.).

Dzhafarkuliev M.A. *Nacional'nyj jazyk i pravo* [The national language and the law], Baku, Gjandzhlik, 1990, 80 p. (in Russ.).

Federal'nyj zakon ot 29 dekabrja 2012 goda № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [The Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ On the Education in the Russian Federation], *Ros. gaz.*, 2012, 31 Dec. (in Russ.).

Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 goda, 2012 [The results of the Russian population census of the year 2002], available at: <http://istoriirossii.ru/rf/101-itogi-vserossijskoj-perepisi-naseleniya-2002-goda.html> (accessed 31 January 2017). (in Russ.).

Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda, 2012 [The results of the Russian population census of the year 2010], available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 31 January 2017). (in Russ.).

Konstitutsiya Rossijskoj Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrja 1993 goda) (s izm.) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993) (amend.)], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2014, no. 31, art. 4398. (in Russ.).

Nikiforova E.P., Borisova L.P. *Jazykovaja obrazovatel'naja politika v Respublike Saha (Jakutija)* [The language education policy in the Republic of Sakha (Yakutia)], *Sovremennye issledovanija social'nyh problem : (jelektron. nauch. žurn.)*, 2015, no. 9, pp. 543-552. (in Russ.).

Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 11 sentjabrja 2001 goda № 52-G01-7 «O priznanii protivorechashhimi federal'nomu zakonodatel'stvu Zakona Respubliki Altaj ot 28.06.2000 i p. 1 Postanovlenija Pravitel'stva Respubliki Altaj № 374 ot 26.12.2000

“O vvedenii objazatel'nogo izuchenija rodnogo jazyka det' mi-altajcami”» [The Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of September 11, 2001 No. 52-G01-7], available at: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_12275.htm (accessed 31 January 2017). (in Russ.).

Opreделение Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15 aprelja 2009 goda № 30-GO9-3 «Ob otmene reshenija Verhovnogo Suda Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki ot 10.02.2009 i ob otkaze v priznanii nedejstvujushhim punkta 6 stat'i 7 Zakona Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki “Ob obrazovanii” ot 06.01.1998 № 376-XXII» [The Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of April 15, 2009 No. 30-GO9-3], available at: <https://www.lawmix.ru/vas/63976> (accessed 31 January 2017). (in Russ.).

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Respubliki Komi ot 22 maja 2002 goda «O proverke konstitucionnosti chasti 4 stat'i 6 Zakona Respubliki Komi “Ob obrazovanii”» [The Disposition of the Constitutional Court of the Komi Republic of May 22, 2002], *Respublika*, 2002, 3 July. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 16 nojabrja 2004 goda № 16-P «O proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 2 stat'i 10 Zakona Respubliki Tatarstan “O jazykah narodov Respubliki Tatarstan”, chasti vtoroj stat'i 9 Zakona Respubliki Tatarstan “O gosudarstvennyh jazykah Respubliki Tatarstan i drugih jazykah v Respublike Tatarstan”, punkta 2 stat'i 6 Zakona Respubliki Tatarstan “Ob obrazovanii” i punkta 6 stat'i 3 Zakona Rossijskoj Federacii “O jazykah narodov Rossijskoj Federacii” v svjazi s zhaloboj grazhdanina S.I. Hapugina i zaprosami Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Tatarstan i Verhovnogo Suda Respubliki Tatarstan» [The Disposition of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 16, 2004 No. 16-P], *Ros. gaz.*, 2004, 23 Nov. (in Russ.).

Prikaz Minobrnauki Rossii ot 17 oktjabrja 2013 goda № 1155 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovanija» [The Order of the Ministry of the Education and the Science of the Russian Federation of October 17, 2013 No. 1155 “On the approval of The Federal State Educational Standard of the Preschool Education”], *Ros. gaz.*, 2013, 25 Nov. (in Russ.).

Prikaz Minobrnauki Rossii ot 2 avgusta 2013 goda № 718 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego professional'nogo obrazovanija po professii 111601.02 “Ohotnik promyslovjy”» [The Order of the Ministry of the Education and the Science of the Russian Federation of August 2, 2013 No. 718 “On the approval of The Federal State Educational Standard of the Secondary Vocational Education by Profession 111601.02 «Commercial hunter”»], *Ros. gaz. : (spec. vyp.)*, 2013, 4 Oct. (in Russ.).

Prikaz Minobrnauki Rossijskoj Federacii ot 1 dekabrja 2016 goda № 1511 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovanija po napravleniju podgotovki 40.03.01 Jurisprudencija (uroven' bakalavriata)» [The Order of the Ministry of the Education and the Science of the Russian Federation of December 1, 2016 No. 1511 “On the approval of The Federal State Educational Standard of the Higher Education in the Field No. 40.03.01 Jurisprudence (Bachelor's Degree)”], available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612290116> (accessed 15 February 2017). (in Russ.).

Prikaz Minobrnauki Rossijskoj Federacii ot 14 dekabrja 2010 goda № 1763 «Ob utverzhdenii i vvedenii v dejstvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovanija po napravleniju podgotovki 030900 Jurisprudencija (kvalifikacija (stepen') “magistr”)» [The Order of the Ministry of the Education and the Science of the Russian Federation of December 14, 2010 No. 1763 “On the approval and bringing into the force The Federal State Educational Standard of the Higher Professional Education in The Field No. 030900 Jurisprudence (Qualification (Degree) «Master”»], *Bjul. normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti*, 2011, 4 Apr. (in Russ.).

Prikaz Minobrnauki Rossijskoj Federacii ot 17 dekabnja 2010 goda № 1897 «Ob utverzhenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshhego obrazovanija» [The Order of the Ministry of the Education and the Science of the Russian Federation of December 17, 2010 No. 1897 “On the approval of The Federal State Educational Standard of the Basic General Education”], *Bjul. normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti*, 2011, 28 Febr. (in Russ.).

Prikaz Minobrnauki Rossijskoj Federacii ot 17 maja 2012 goda № 413 «Ob utverzhenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego obshhego obrazovanija» [The Order of the Ministry of the Education and the Science of the Russian Federation of May 17, 2012 No. 413 “On the approval of The Federal State Educational Standard of the Secondary General Education”], *Ros. gaz.*, 2012, 21 June. (in Russ.).

Prikaz Minobrnauki Rossijskoj Federacii ot 6 oktjabnja 2009 goda № 373 «Ob utverzhenii i vvedenii v dejstvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshhego obrazovanija» [The Order of the Ministry of the Education and the Science of the Russian Federation of October 6, 2009 No. 373 On the approval and bringing into the force The Federal State Educational Standard of the Elementary Education], *Bjul. normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti*, 2010, 22 March. (in Russ.).

Reshenie Verhovnogo Suda Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki ot 10 fevralja 2009 goda «O priznanii nedejstvujushhim punkta 6 stat'i 7 Zakona Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki № 376-XXII «Ob obrazovanii» [The Decision of the Karachaevo-Cherkesskaya Republic of February 10, 2009], available at: <https://www.lawmix.ru/obsh/26803> (accessed 31 January 2017). (in Russ.).

Reshenie Verhovnogo Suda Respubliki Adygeja ot 19 dekabnja 2006 goda № 3-32/2006 «O priznanii nedejstvujushhim so dnja vstuplenija v silu chasti 5 stat'i 6 Zakona Respubliki Adygeja «Ob obrazovanii» ot 6 janvarja 2000 goda № 156» [The Decision of the Supreme Court of the Adygeya Republic of December 19, 2006 No. 3-32/2006], *Sovetskaja Adygeja*, 2007, 23 Jan. (in Russ.).

Timerkaev B.A. *Problemy vysshego obrazovanija v regionah s dvumja gosudarstvennymi jazykami* [Problems of higher education in bilingual regions], *Vestn. Kazan. gos. tehn. un-ta im. A.N. Tupoleva*, 2001, no. 2, pp. 63-65. (in Russ.).

Zakon Kabardino-Balkarskoj Respubliki ot 24 aprelja 2014 goda № 23-RZ «Ob obrazovanii» [The Kabardino-Balkarskaya Republic Law of April 24, 2014 No. 23-RZ “On the Education”], *Oficial'naja Kabardino-Balkarija*, 2014, 30 Apr. (in Russ.).

Zakon Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki ot 6 dekabnja 2013 goda № 72-RZ «Ob otdel'nyh voprosah v sfere obrazovanija na territorii Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki» [The Karachaevo-Cherkesskaya Republic Law of December 6, 2013 No. 72-RZ “On the Individual Questions in the Educational Sphere on the Territory of the Karachaevo-Cherkesskaya Republic”], *DR. Oficial'naja sreda*, 2013, 19 Dec. (in Russ.).

Zakon Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki ot 6 janvarja 1998 goda № 376-XXII «Ob obrazovanii» [The Karachaevo-Cherkesskaya Republic Law of January 6, 1998 No. 376-XXII “On the Education”], *Sbornik Zakonov i Postanovlenij Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki 1995–1999 gg., in 2 pt.*, Cherkessk, 1999, pt. 2. Cancelled. (in Russ.).

Zakon Respubliki Adygeja ot 27 dekabnja 2013 goda № 264 «Ob obrazovanii v Respublike Adygeja» [The Adygeya Republic Law of December 27, 2013 No. 264 “On the Education in the Adygeya Republic”], *Sovetskaja Adygeja*, 2013, 31 Dec. (in Russ.).

Zakon Respubliki Altaj ot 3 marta 1993 goda № 9-6 «O jazykah narodov, prozhivajushhih na territorii Respubliki Altaj» [The Altaj Republic Law of March 3, 1993 No. 9-6 “On the Languages of the Nations, Living on the Territory of the Altaj Republic”], *Zvezda Altaja*, 1993, 14 Apr. (in Russ.).

Zakon Respubliki Bashkortostan ot 1 ijulja 2013 goda № 696-z «Ob obrazovanii v Respublike Bashkortostan» [The Bashkortostan Republic Law of July 1, 2013 No. 696-z “On the Education in the Bashkortostan Republic”], *Respublika Bashkortostan*, 2013, 5 July. (in Russ.).

Zakon Respubliki Dagestan ot 16 ijunja 2014 goda № 48 «Ob obrazovanii v Respublike Dagestan» [The Dagestan Republic Law of June 16, 2014 No. 48 “On the Education in the Dagestan Republic”], *Dagestanskaja Pravda*, 2014, 17 June. (in Russ.).

Zakon Respubliki Hakasija ot 5 ijulja 2013 goda № 60-ZRH «Ob obrazovanii v Respublike Hakasija» [The Hakasiya Republic Law of July 5, 2013 No. 60-ZRH “On the Education in the Hakasiya Republic”], *Hakasija*, 2013, 13 July. (in Russ.).

Zakon Respubliki Ingushetija ot 3 fevralja 2014 goda № 5-RZ «Ob obrazovanii v Respublike Ingushetija» [The Ingushetiya Republic Law of February 3, 2014 No. 5-RZ “On the Education in the Ingushetiya Republic”], *Ingushetija*, 2014, 6 Febr. (in Russ.).

Zakon Respubliki Komi ot 6 oktjabrja 2006 goda № 92-RZ «Ob obrazovanii» [The Komi Republic Law of October 6, 2006 No. 92-RZ “On the Education”], *Respublika*, 2006, 12 Oct. (in Russ.).

Zakon Respubliki Saha (Jakutija) ot 15 dekabrja 2014 goda 1401-Z № 359-V «Ob obrazovanii v Respublike Saha (Jakutija)» [The Sakha (Yakutiya) Republic Law of December 15, 2014 1401-Z No. 359-V “On the Education in the Sakha (Yakutiya) Republic”], *Jakutskie vedomosti*, 2014, 30 Dec. (in Russ.).

Zakon Respubliki Saha (Jakutija) ot 16 oktjabrja 1992 goda № 1170-XII «O jazykah v Respublike Saha (Jakutija)» [The Sakha (Yakutiya) Republic Law of October 16, 1992 No. 1170-XII “On the Languages in the Sakha (Yakutiya) Republic”], *Jakutija*, 1992, 5 Nov. (in Russ.).

Zakon Rossijskoj Federacii ot 10 ijulja 1992 goda № 3266-1 «Ob obrazovanii» [The Law of the Russian Federation of July 10, 1992 No. 3266-1 On the Education], *Ros. gaz.*, 1992, 31 July. Cancelled. (in Russ.).

Zakon RSFSR ot 25 oktjabrja 1991 goda № 1807-1 «O jazykah narodov Rossijskoj Federacii» [The Law of the RSFSR of October 25, 1991 No. 1807-1 On the National Languages of the Russian Federation], *Vedomosti S'ezda narodnyh deputatov i Verhovnogo Soveta RSFSR*, 1991, n. 50, art. 1740. (in Russ.).

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Том 17

Выпуск 2

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Эмих

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректоры *А.И. Никонова, Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовский*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 10.07.2017 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 6,6 Уч.-изд. л. 8,3
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН.
620990. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134